



Ю.Г. Кадькалов

# Так мы жили

Воспоминания

г. Саратов 2013



## СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ДЕДОВСКИЕ ИСТОКИ.....	5
МАЛАЯ РОДИНА – ИРТЫШСК.....	10
ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ.....	19
ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ.....	25
РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ.....	32
НАША ШКОЛА.....	43
АЛМА-АТА, СТУДЕНЧЕСТВО.....	48
МИЛА.....	62
КЗЫЛ-ОРДА.....	86
МОСКВА. КЗЫЛ-ОРДА .....	119
САРАТОВ.....	139
ДЕТИ. ....	172
ВНУКИ.....	184
НАША НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА.....	194
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	227
ПРИЛОЖЕНИЕ: ВСЕ-ТАКИ МЫ ЖИЛИ НЕ ЗРЯ.....	239

## ПРЕДИСЛОВИЕ

В беседах с родственниками замечаю, что они почти ничего не знают о своих предках.

К сожалению, это типично для большинства российских семей. Так ведь долго было в истории России. Известно, что в Древней Руси, у восточных славян, фамилий не было. Были лишь личные имена (Владимир, Игорь), которые часто осложнялись прозвищами (Никита Кожемяка, Илья Муромец).

В 14-15 вв. появились фамилии у князей, а к 18 в. их получили дворяне. А простой народ? Так и жил с кличками, прозвищами. История семьи, фамилии терялась. Родословную хранили лишь привилегированные слои российского общества.

У меня появилось желание хоть что-нибудь записать из нашей родословной для нынешних и будущих родственников. Я тоже мало знаю в этой области, но немного больше других.

Я полагал, что записи должны быть краткими, сухими, фактологическими. Когда же начал работать, мысль побежала вдаль и в стороны и привела к истории моей жизни (и моей семьи). Вероятно, так и должно было случиться. Это естественно.

Память расплескалась, сердце разволновалось, и текст стал расширяться, нарастать. Обуздать же этот процесс почему-то уже не хотелось. Стали

выстраиваться не только основные линии жизни год за годом, но и отдельные эпизоды, которые уносили меня в далёкое прошлое, кружили голову.

Композицию записей часто хотелось изменить, что-то вставить, дополнить, и я это делал. Но это приводило иногда к нарушению связности текста, к его фрагментарности и к некоторым повторам. Что делать? Снова перестраивать текст (в который раз!), переделывать, причёсывать? Уже не хочется. В конце концов, ведь я пишу не для магазина, а для своих родственников и, может быть, друзей. И они, надеюсь, простят мне определенное композиционное и стилистическое несовершенство. Вспомнился А.С. Пушкин:

...Я кончил первую главу:  
Пересмотрел всё это строго;  
Противуречий очень много,  
Но их исправить не хочу.

(Евгений Онегин)

## ДЕДОВСКИЕ ИСТОКИ

Они касаются рода **Кадькаловых (Кáдькало)** и **Пономарёвых**.

Родиной семейства Кадькаловых (Кáдькало) была Кубань (Краснодарский край). Они жили в Краснодарском крае, Ейском районе, станице Ново-Щербиновка. Эта станица находится на побережье Азовского моря. К сожалению, мне не довелось там побывать. Однажды мы с двоюродным братом, Кадькаловым Володей нашли в его доме большой пожелтевший лист (по-видимому, это был станичный казацкий паспорт), в котором названы 17 кубанских казаков. Все с фамилией Кáдькало. Первым значился мой дед – Кáдькало Ипат (отчества я не знаю). Имя *Ипат* греческое. В переводе означает ‘старший’. Он и был, наверное, старшим. Моя бабушка (жена Ипата), Кáдькало Анастасия Васильевна, родила 17 детей. Кáдькало были кубанскими казаками. Занимались хозяйством: пахали, сеяли, убирали урожай, косили и т.п. По рассказам бабушки, детей рожали прямо в поле, под копной, и чуть поправившись, снова работали в поле. Многие их дети не доживали до взрослой поры, умирали.

В 1910 гг. семья Кáдькало уехала с Кубани и обосновалась в Сибири, в Прииртышье, в 200 км. к югу от Омска. Что их погнало с благодатной кубанской

земли, с берегов Азовского моря в сибирскую глушь, я не знаю. Может быть, причиной этому были какие-то очень личные мотивы, а может быть, они были захвачены ветром столыпинских реформ. Столыпинские реформы происходили именно в эти годы. Они сулили крестьянам-переселенцам большие выгоды. Прииртышье же – это почти бескрайние плодородные, чернозёмные поля. Сюда в те годы приехали многие крестьяне, в том числе с Кубани, с Украины, из других краёв.

Землевладельцем, однако, Ипат не стал. У них было какое-то свое хозяйство, а работал он на пристани рабочим, матросом, сторожем. Место, где они поселились, было новое, обживаемое переселенцами. Оно получило название Иртышск (на картах географических – село Иртышское).

В Иртышке Кáдькало стали Кадькаловыми. Произошло это стихийно. Деда своего, Кáдькало Ипата, я не помню: он умер в 1928 г. А бабушку Настю помню хорошо. Это была маленькая, сторбленная, худенькая, жилистая старушка. Говорила она по-украински. Была тихая, спокойная. Никогда не шумела, не кричала. О ней говорили, что она рассудительная, мудрая. Была религиозной, баптисткой. Никаких странностей, необычностей, обусловленных её принадлежностью к баптистской секте, я не замечал. Знал только, что баптисты не верят в иконы и т.п., так как они (иконы) творения рук людей, может быть и недостойных.

Бабушка прожила 88 лет. Незадолго до кончины её потрясла смерть моего отца. Это был её младший (17-ый) ребёнок. Он умер в 39 лет. И через три месяца скончалась и она. Её похоронили в одну могилу с сыном. Это случилось осенью 1945 г. При жизни она не жаловалась ни на какие болезни. Иногда у неё появлялись какие-то боли в боку. В этих случаях она прикладывала бутылку с горячим песком, и боли отпускали. Помню, что утюгом (электрических у нас не было) она не пользовалась. Гладила ловко деревянным рублём, похожим на скалку. Бельё наматывала на «скалку» и разматывала, раскатывала на столе, Бабушка жила в нашей семье, в семье своего младшего сына. Мы же гладили чугунным утюгом, в который закладывались горячие угли.

Приблизительно в те же годы (1908-1909) в Иртышск приехала и **семья Пономарёвых**, семья моей матери. Глава семьи, Пономарёв Фёдор Павлович, с семьёй проживал в г. Камышин, который прежде относился к Саратовской области, а позже – к Волгоградской (Царицынской). Фёдор Павлович – это мой дед по матери. В Камышине он работал грузчиком в речном порту. Там же грузчиком начал работать и его старший сын, Платон.

И снова неясно: зачем Пономарёв с Волги подался с семьёй в Сибирь, в Прииртышье? Может быть, тоже под влиянием столыпинских преобразований, в поисках

лучшей доли. Потянуло на вольные, плодородные земли?

Семья была многодетная. У Фёдора Пономарёва и его жены, Александры Пименовны (а может быть, Пимовны?) родилось 20 детей. Выросли тоже немногие. Я помню взрослых 5 человек.

В Иртышке у деда Пономарёва было небольшое хозяйство. Но жили бедно. Дед Пономарёв был своеобразным человеком. Любил читать. Знал хорошо произведения Тургенева, Л. Толстого, Чехова. Многие басни Крылова знал наизусть. Знал М. Горького. Я никогда не видел его пьяным и не слышал от него нецензурной брани. К религии относился сдержанно. Не хулил её и не благоговел перед нею. Помню, как в споре с очень набожным соседом Лисавенко дед возмущался, почему Бог, если он есть, так жестоко наказывает невинных людей. Чем, говорил, провинилась перед Богом Рая Дубовая, у которой мужа недавно убили на фронте (это были годы войны), а она осталась с пятью детьми, голодными и раздетыми? За что ей эта кара? Ответа убедительного дед Лисавенко дать не мог.

В моём воспитании дед сыграл большую роль. Он неплохо знал историю России и многое мне рассказывал. Часто мы с ним прогуливались аж за село, и он всегда много мне рассказывал. Я любил эти беседы, эти уроки жизни. Кстати, это был очень красивый мужчина. Статный, крепкий, красивый

лицом. Носил окладистую бороду. Любил шутку. Иронизировал над собой, над бабушкой Пономарёвой. Но он был торопыга. Всё любил делать быстро.

Одним летом он сам смастерил телегу-арбу. Сам сделал колёса. Но заузил передок телеги. Мы с ним на этой телеге и на его быке Борьке ездили на луг за скошенным сеном. Делали воз сена: дед подавал крупными вилками, а я раскладывал, стоя на возу. Он всё приговаривал: главное – укладывая углы воза, а потом уж серёдку. Воз перетягивали жердью (бастрыком), связывали верёвками и ехали домой. Дед вёл Борьку, а я сидел на возу. При этом, как правило, по дороге воз переворачивался, так как передок телеги узкий, а дорога ухабистая. Я всегда приземлялся благополучно, и мы снова укладывали воз.

Бабушка Пономарёва была всегда занята огородом и кухней. Добрая была женщина, но шумела на нас. Последний раз я видел стариков Пономарёвых, когда после окончания школы уезжал поступать в университет в Алма-Ату. Я зашёл к ним вечером. Они ложились спать. Попрощался. Они пожелали мне удачи. Это было летом 1948 г. Весной 1949 г. умер дед Пономарёв, а ещё через год ушла и бабушка.

Итак, старики Пономарёвы и Кадькаловы – это переселенцы в Сибирские края, в Иртышск. Иртышск – это малая родина для меня и моих братьев и сестер.

## МАЛАЯ РОДИНА – ИРТЫШСК

Иртышск стоит на высоком левом берегу реки Иртыш (приток Оби). У него прямые, широкие улицы, по-видимому, с перспективой на перерастание в город. Но городом Иртышск так и не стал. Он стал, однако, райцентром.

Первоначально земли Иртышского района подчинялись Омскому губернатору, а впоследствии, в 1921 г., они были отданы советским правительством Казахстану. Так Иртышский район стал северной границей Казахстана с Омской областью. Этот район вошёл в состав Павлодарской области северного Казахстана.

Природа этих мест мне нравилась, потому что я здесь родился и вырос. Климат резко континентальный. Зима суровая, сибирская. Морозы от 20° до 40°. Много снега. Сугробы покрывают избы до крыши. Дети катаются на санках прямо с крыши.

Здесь степное царство. За селом степь простирается бескрайняя, насколько хватает глаз. Летом степь зелёная, ковыльная, душистая. Летом жарко – до +30°. На правом берегу Иртыша – зелёный, заливной луг богатый смородиной, ежевикой, черёмухой, а дальше – берёзовые колки (леса), в которых полно земляники. На территории района живут

волки, зайцы, лисы, бобры, тушканчики, барсуки. Здесь нет змей.

На окраине Иртышска (где крутой берег плавно снижается) – тоже заливной луг. Весной и летом, когда Иртыш после весеннего разлива возвращается в свои берега и луг подсыхает, здесь благоуханные места. Свежая зелень, травы и деревья в пышной красе.

Мы здесь рвали луговой зелёный лук, чеснок, щавель. На лугу чистые озёра. Мы любили рыбачить на Почтовом озере. Сквозь чистую, тихую воду видно дно озера. На озере плавают лилии. Здесь на петли, сделанные из волос конского хвоста, ловили щучек. Петля в воде незаметна. Её (привязанную к палке) мы плавно наводили на рыбу и резко выхватывали рыбу на берег. Летом на лугу начинался сенокос. Участки земли делили организациям, людям, и они накашивали своё сено.

Особую роль играл Иртыш. Это была мощная река, судоходная. По Иртышу ходили и пассажирские пароходы (затем теплоходы), и грузовые, буксиры, баржи, плотами сплавлялся лес. У Иртыша крутой нрав. Течение сильное, быстрое, много крутящихся воронок. Вода холодная. В реке много рыбы: щука, ёрш, чебак, окунь, краснопёрка, а также красная рыба – стерлядь. На песчаных местах Иртыша стерляди было много. Мы ловили её закидом. Закид – это длинная леска (10-15 метров), оснащенная в конце несколькими крючками, грузилом (гайкой), поплавками. Эту часть

лески рыбак раскручивает в воздухе (как пропеллер) и кидает подальше в реку. На крючки с червяками ловится стерлядь. Однажды я так поймал сам себя. Раскрутив закид, бросил его в реку. Но один крючок при этом зацепил меня за палец босой ноги и вонзился. Вытащить крючок было невозможно. Пришлось обрезать леску и идти в амбулаторию, где мне вырезали крючок.

О крутом характере Иртыша писал когда-то Рылеев в поэме о покорителе Сибири Ермаке:

*Иртыш кипел в крутых берегах.  
Вздымались седые волны.  
И рассыпались с рёвом в прах,  
Бия о берег казачьи чёлны.*

Весной, когда освобождалась река ото льда, на Иртыше стоял непрерывный гром: льдины вздымались, нагромождались друг на друга, разламывались, рушились, и этот гром стоял над селом круглыми сутками, спать не давал.

Быстрое течение Иртыша наносило ущерб селу. Иртышск стоял на высоком берегу на излучине реки. Поэтому, когда Иртыш вырывался из-за поворота, он сильной волной бил прямо в берег, на котором стояло село. В результате после каждого весеннего половодья Иртышск терял несколько метров береговой территории, отступая дальше в степь. Пытались

укреплять берег плетнём, песком, камнями и т.п. Конечно, это помогало, но не решало проблемы в целом. Когда я приехал в Иртышск после 10-летнего отсутствия, то трёх береговых улиц села уже не было.

Население Иртышска было пёстрым. Мне кажется, что больше всего там (и в районе) было украинцев и русских, а затем – казахи. И топонимические названия (названия мест) об этом говорят. Сёла района, колхозы, совхозы назывались Грабово, Голубовка, Калиновка, Северный и т.п.

В Иртышск в начале войны привезли поляков (в Польшу уже вошли немцы), затем привезли наших немцев с Поволжья, а в середине войны привезли чеченцев. Были также иранцы, курды.

Люди разных национальностей жили мирно, дружно. Межнациональных ссор, распрей не было. Всем было тяжело переносить годы военного лихолетья, и никто никому не мстил за это, наоборот, помогали друг другу.

Дети не придавали значения национальным различиям. Вместе учились, играли, дружили. Годы войны – это годы войны. В нашем селе мало было радостей, веселья. Царила тяжёлая атмосфера. Люди с тревогой ждали вестей с фронта, боялись похоронок. У всех была одна забота – выдержать, не столкнуться с бедой, уберечь детей.

Зима 1942 года запомнилась жестокими морозами и буранами. Некоторые на пути из села в село попадали

в непроглядные метели, теряли дорогу и замерзали в степи. Однажды и я чуть не заблудился в буранной степи. Случилось это в 1945 или 1946 г. Во время зимних каникул я поехал в Кайманачиху погостить 2-3 дня у дяди Платона Пономарева. Обратное, в Иртышск, дядя Платон отправил нас с Виктором Пономаревым (его сыном) на лошадях, запряжённых в сани. Саней было трое. В Иртышке их ждали люди из совхоза, чтобы загрузить чем-то и возвратиться в совхоз. А пока первыми санями управлял мужик из совхоза, вторыми – я, а третьими – Виктор. Нас снабдили тулупами, чтобы не замёрзли. Примерно через полчаса после нашего выезда в степи разыгралась метель (буран). Она быстро усиливалась, и скоро заволокла всю степь. Вокруг была сплошная снежная стена. Уже не видно стало ни передних, ни задних саней. Только иногда, когда ветер спотыкался, терял ритм, можно было увидеть, что сани идут строем. Вероятно, лошади чуяли друг друга и дорогу. Признаюсь, что было страшновато. Когда же приблизились к Иртышку, ветер стал слабеть, и мы увидели тёмные строения села. Путешествие завершилось благополучно.

В годы войны, конечно, как и во всей стране, в Иртышке жили очень трудно. Спасали только свои огороды. Купить в селе было нечего и негде. Голод, болезни мучили людей.

Помню, как весной, когда таял снег, мы (как и другие) ходили в поле и собирали из-под снега

оставшиеся после осенней уборки отдельные колоски. Дома из них набирали зерно, сами мололи в муку (жерновами) и пекли лепешки. Но собирать колоски запрещалось, так как такое зерно могло вызвать отравление. Однажды нас поймали на поле два конных милиционера и конфисковали наши колоски вместе с мешками. Обидно было.

Осенью мы ходили на подсолнечные поля и воровски набирали в сумки семечек. Там тоже ловили. Но мы не попались.

Некоторые мамы от безысходности, от голода и холода убивали себя и детей угарным газом: натапливали печь, закрывали вытяжку печи и погибали во сне от угара.

Мыла не было, бани общественной – тоже. От голода и грязи дети страдали завшивленностью. Это имело массовый характер.

И всё-таки выдюжили. День Победы стал днём безграничного ликования. Люди кричали, радовались, целовались и... плакали. Особенно те, чьи отцы, братья, дети погибли в войне.

Но война не всё и не сразу сказала о себе. Были случаи, когда похоронки приходили уже после 9 мая.

Наступили послевоенные годы. Народ стал оттаивать. Ещё было трудно, но уже не мрачно. Вернулись с фронта оставшиеся в живых. Зазвенели по вечерам песни.

В Иртышке стало обычаем: вечером гармонисты, баянисты выходили за ворота и играли для села. На северной окраине села часто играл на баяне (а слышно было далеко) Лёня Богачёв, на восточной окраине играл Женя Гребенчиков (фамилию точно не помню) на аккордеоне, а в самом центре села иногда играл замечательный баянист – Валентин Малахов. Лёня Богачёв обычно играл старинные русские вальсы («Амурские волны», «На сопках Маньчжурии», «Грусть» и т.д.), Женя играл песни войны, а Валя Малахов играл всё – и классическую музыку, и военные песни, и народные.

Валя Малахов был профессиональным баянистом. В годы войны играл в Ансамбле песни и пляски Советской Армии, имел консерваторское образование. После войны он приехал с женой в Иртышск к матери, но через несколько месяцев уехал куда-то навсегда. А что же ему было делать в Иртышке?

Был в Иртышке ещё один замечательный, увлечённый музыкант, по фамилии Миронюк. Его увлечение – духовой оркестр. У него был комплект инструментов. Он принимал иртышских ребят, обучал нотам, игре на духовых инструментах. В результате в селе всегда был хороший оркестр. Они играли в районном клубе, на праздниках, на танцплощадке и просто для села. Вспоминаются слова из хорошей песни Павла Аедоницкого о духовом оркестре:



*И в снег и в зной  
Оркестр наш духовой  
Дарил на счастье музыку,  
Играл с душой,  
Осталась эта музыка  
Навек со мной.*

Иртышск, как и другие сёла, имел свою историю, свои традиции. Это село, конечно, мне дорого, близко. Жаль только, что я теперь очень далеко от него.

В годы войны в Иртышке было много эвакуированных. Это были в основном образованные интеллигентные люди – учителя, писатели, ученые. Например, женщина из Ленинграда (не помню её фамилии) создала школьную труппу кукольного театра. У неё были коробки с куклами – героями детских спектаклей. Я тоже ходил к ней на репетиции. Она обучала нас работе с куклами, и мы ставили в клубе спектакли для иртышан.

В 2008 г. по случаю я заглянул из Павлодара в Иртышск всего на 3 часа. Здесь мне подарили книгу местного журналиста В.В. Тыщенко «Земля Иртышская – родина батыров и хлеборобов» (Павлодар, НПФ «ЭКО», 2003). Книга содержит немало стилистических, грамматических погрешностей. Но это не главное. Главное в том, что она содержит богатейший фактический материал об истории Иртышка и Иртышского района. Это громадный труд автора.

Спасибо ему за интересную книгу, за летопись Иртышка и всего района. Спасибо и администрации Иртышка, которая помогла автору издать эту книгу.

Есть здесь и страницы о некоторых замечательных людях Иртышка. Вот один из неизвестных ранее мне фактов.

В Иртышской райэпидемстанции работал некто Щастный Сергей Михайлович. В военные годы он спасал заболевших сыпным тифом. Вакцин для прививок не хватало. И он даже себе прививку не сделал. В результате сам заболел тифом и умер. И только много позже узнали, что он был известным микробиологом и эпидемиологом, профессором.

Было много и других интересных людей в Иртышке.

Однако вернёмся к родословной.

## ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Вторым поколением являются дети старших Кадькаловых и Пономарёвых, т.е. мои дяди и тётки (о родителях своих я расскажу отдельно). У моего отца было два старших брата – Иван Ипатьевич и Максим Ипатьевич Кадькаловы. Когда Ипат Кадькалов уезжал с Кубани в Сибирь, то Ивану не было дано разрешение на выезд, так как он был уже призывного возраста. В годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Иван был призван в армию и погиб на фронте. Второй брат отца, Максим Кадькалов, 1898 г. рождения, работал в Иртышке грузчиком, маляром, счетоводом. В ноябре 1919 г. в Иртышск вошли колчаковцы и под угрозой расстрела забрали с собой молодых мужчин – иртышан. В их числе оказался и Максим Кадькалов. Их увезли в Семипалатинск. Но здесь плененная колчаковцами молодёжь включилась в восстание, направленное на установление советской власти в Семипалатинске. Колчаковцев прогнали. Максим вскоре вернулся в Иртышск. Он женился на Нине Васильевне Милкиной. В этой семье родились два сына – Николай (1923 г.) и Владимир (1929 г.).

Милкины сначала жили в Иртышке, а потом обосновались в Павлодаре, областном центре. Василий Васильевич Милкин стал руководящим работником, а Пётр Васильевич Милкин был офицером-кавалеристом.

Сын Василия Милкина, Анатолий Милкин, по профессии горный инженер, впоследствии был 1-м секретарём Усть-Каменогорского обкома КПСС, членом Верховного Совета СССР.

Максим Кадькалов рано умер (в 1933 г.) от туберкулёза. Максима долго помнили в Иртышке как лучшего в селе гармониста. Его часто приглашали играть на различные торжества. Кстати, гармонь была как бы эмблемой Кадькаловых. На гармонии играл и дед Ипат, и Максим, и мой отец.

В соседнем (с Иртышским) районе Павлодарской области жила старшая сестра моего отца (она старше Максима) – Кадькалова (по мужу – Воробьёва) Марфа Ипатьевна. Однажды летом (когда отец ещё был в скрытой форме болезни) мы поехали на лошади в гости к тётке Марфе. Лошадь с телегой отцу дали на три дня на работе. Поехали семьёй. Тётя Марфа жила в деревне Калиновка Качирского района. Это в 80-ти километрах от Иртышка на другой стороне Иртыша. Дорога мне запомнилась почти как чеховскому Егорушке (в рассказе «Степь»). Какая чудесная природа за Иртышом! Вскоре за зелёным лугом начались берёзовые колки (небольшие берёзовые леса). Они располагаются недалеко один от другого, с небольшим интервалом. На окраине лесочка иногда останавливались (лошадь попить, покормить, самим отдохнуть от тряски, поесть). Здесь же много земляники. Душистые травы, цветы.

Однажды с тётёй Марфой, её дочкой Ниной мы поехали за ягодами. Уехали недалеко. И здесь, на опушке лесочков набрали за полдня 2 кадушки и 2-3 ведра земляники. В деревне Калиновке у всех жителей крыши изб усыпаны земляникой. Они насушивают на зиму по мешку сушёной ягоды. Здесь я впервые видел живого волка. Он бежал вдоль леса и на спине тащил украденного барашка. Барашек был уже им зарезан. Он держал его зубами, закинув голову набок.

Пономарёв Платон Фёдорович – старший сын деда и бабушки. Высокий, широкий, полный, он выглядел как русский богатырь. В молодости начал работать грузчиком в Камышинском речном порту (на Волге) вместе с отцом. Говорили, что Платона выкликали к погрузке, только когда надо было нести очень тяжёлый груз, который другие поднять не могли. Когда он шёл с таким грузом на пароход, то трап под ним скрипел и трещал.

В годы установления советской власти в Прииртышье он был командиром краснопартизанского отряда. В одной саблевой рубке потерял большой палец руки. Других увечий избежал. Однажды его отряд был вблизи Иртышска, и он решил пешком зайти в Иртышск, к родителям. Но в селе были белые. Скоро они узнали, что Платон в Иртышке. Устроили облаву. Дед Пономарёв дал ему лошадь, и он сумел вырваться и ускакать к своим. А деда за это высекли.

После гражданской войны Платона направили на какие-то курсы, а затем на работу. В начале 30-х годов он работал уже директором заготзерно в г. Черлаке Омской области. В 1934-35 гг. в Черлак переехала и наша семья: моему отцу предложили там должность главбуха в Черлакском райпотребсоюзе.

В 1937 или 1938 г. Платона Пономарёва судили в Черлаке как врага народа. Нашлись свидетели того, что он специально вредил, портил зерно, впускал в зерносклады клещей и т.п. Обвинитель требовал расстрела, но присудили 25 лет заключения. 2,5 года он сидел в Омской тюрьме. Не знаю подробностей, но слышал, что ему удалось отправить письмо М.И. Калинину, в котором он описал свою биографию, в частности, как он со своим отрядом воевал за советскую власть. Писал, что обвинения на него сфабрикованы, ложны. В ответ из Москвы пришло указание об освобождении Платона. Когда он вернулся к семье в Черлак, мы, дети, прибежали посмотреть на него. В комнате сидели родные и знакомые. Меня спросили: ну, покажи, где дядя Платон? И я не смог это сделать. В комнате не было дяди Платона-богатыря. Сидел исхудавший, усталый, слабый человек. Платона восстановили в прежней должности. Но вскоре он с семьёй переехал в Иртышский район Павлодарской области (это примерно 120 км. от Черлака) на должность директора Кайманачинского заготзерно. Оно находилось в совхозе Кайманачиха, в 30-40 км. от

Иртышска. В годы войны, когда нечем было платить работникам заготзерно, он выдал им на зарплату зерно. За что опять попал под суд и был снят с должности.

Второй по старшинству была Пономарёва Зинаида Фёдоровна. По мужу – Мусина. И эта фамилия была искажённой. Её мужем был украинец Филипп Муся. Он рано умер. А тётя Зина осталась вдовой с тремя детьми. Замужем больше не была. Работала уборщицей. Скончалась в 1982 г. в Иртышске.

Пономарёв Николай Фёдорович. Очень красивый мужчина. По профессии – шофёр. Работал в Иртышской автороте (затем – автобазе). У них с женой, Манефой Александровной (в девичестве – Шумиловой) было 7 детей. Но любви не было. В молодости дед Пономарёв женил Николая вопреки его воле на дочери приятеля. Так и жили в нелюбви. Кончилось тем, что Николай полюбил в одном селе Омской области другую женщину и женился на ней, оставив первую жену с семью детьми. Тяжёлая история. Николая осуждали даже его же родственники. Но... Он умер приблизительно в 1984 г. в Челябинской области, на станции Карталы. Там жил со своей второй семьёй. Со второй женой у него было два сына.

Пономарёва Раиса Фёдоровна. Работала машинисткой, печатала. В Черлаке вышла замуж за лейтенанта милиции Ожиганова Михаила Константиновича. Когда началась война, его сразу мобилизовали. Служил в войсках КГБ. Тётя Рая в войну

жила у своих родителей в Иртышске, работала машинисткой в милиции. Ожиганов Михаил закончил войну подполковником. По окончании войны был оставлен на службе в Германии. Увёз туда жену и детей, но вскоре они снова вернулись в Иртышск (будто бы таков был приказ). Затем от имени детей было написано письмо в Москву с просьбой вернуть им отца. Его вскоре перевели в Свердловск, в КГБ. В этой семье было трое детей. Один родился в Германии, жили там долго. Но семья всё-таки распалась. Оказалось, что он, в сущности, жил на две семьи. Там же работала его фронтовая жена. И, в конце концов, он ушёл к этой женщине и дочери. Через 5 лет тётя Рая скончалась в Свердловске (в 1983 г.).

## ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ

Это двоюродные братья, сёстры. Их много. Поэтому рассказ о них надо сделать беглым.

У Максима Кадькалова было 2 сына – Николай и Володя. Николай, 1923 г., в 1941 ушёл на фронт, сразу после окончания школы. Вскоре погиб в боях у г. Запорожье. Владимир (на 2 года старше меня, 1929 г.) с мамой, Ниной Васильевной, (в девичестве – Милкиной) жили в Иртышке. Жили трудно, голодно. За день до экзаменов на аттестат зрелости (перед сочинением) тётя Нина умерла после долгой болезни в областной больнице в Павлодаре. В результате экзамены за 10-й класс у Володи были сорваны. Он остался один в семье. Ему предложили через год сдавать экзамены, а пока повторно учиться в 10 классе. Мы оказались с ним теперь в одном, выпускном классе. Жил он то в нашей семье, то в семье младшей сестры матери, у тёти Таи – Таисии Васильевны. По окончании школы он решил поступать в военное училище, чтобы быть на государственном обеспечении. Попытался в авиационное, но медики нашли полипы в носу и не пропустили. Поступил в Ташкентское Краснознаменное пехотное училище, на миномётное отделение сразу на 2 курс. Окончил училище с похвальным листом командующего округом. Был направлен на службу в Самарканд. Здесь женился на

студентке мединститута Косовой Зое. Через несколько лет, в 1961 г., был направлен в чине капитана на службу в Байконур, который тогда ещё только был создан. Был начальником курса по переподготовке офицеров ракетных войск. Дослужился до подполковника и решил просить об отставке. Говорил, что полковником (а должность его была полковничья) уйти в отставку будет труднее, так как для этого должно быть согласие министра обороны, а подполковнику можно уйти и без такого согласия.

Мы с моей семьёй были 3-4 раза у них в гостях, по пропуску, который нам Володя получал. Байконур обслуживался военным городом Ленинск. Космодром же от Ленинска находился далеко, за десятки километров. Жизнь в этом гарнизоне, конечно, нелёгкая. Ежедневно Володя вставал около 6 часов утра, чтобы успеть к 7 часам на платформу, с которой их, военных, мотовозы увозили на площадки (№5 – 8 – 10...). А вечером их привозили домой, т.е. от темна до темна. После ужина он падает в сон. И так ежедневно. Жена, Зоя, говорила, что его, в сущности, не видит.

Когда ему разрешили отставку, то сразу же предоставили двухкомнатную квартиру в Днепропетровске. Ордер и ключ вручили уже в Ленинске, и они уехали в Днепропетровск в готовую квартиру. Красота! Работал там начальником отдела кадров в облстатуправлении. Но скоро тяжело заболел – рак лёгкого. Скончался в возрасте 54 лет. Зоя пережила

его лет на 15. Их старший сын, Саша, инженер-электронщик, живёт с семьёй в г. Щёлково Московской области, а младший, Валерий, в Днепропетровске, в квартире родителей, тоже связан по работе с электроникой. У Валерия детей нет. У Саши Кадькалова сын, Алексей, окончил МГУ, живёт в Щёлково, инженер. Женат. Дочь Саши, Нина, окончила МГСЭУ (социально-экономический университет), живёт в Щёлково. Жена Саши, Галя, по образованию тоже инженер-электронщик.

У Кадькаловой (Воробьёвой) Марфы Ипатьевны были близнецы – Нина и Володя. Нина в молодые годы где-то (не дома) погибла. А Володя, 1924 г. рождения, в годы войны до конца войны с Германией находился на Тихоокеанском флоте (Сталин держал там войска на случай нападения Японии на СССР). В 1945 г. СССР вступил в войну с Японией, выполняя союзнические соглашения с США и Англией. Так и Володя Воробьёв включился в войну в роли матроса корабля. Получил ранение в бою. Но воевал до конца. Вернувшись, женился и жил и работал в Иртышке.

У Пономарёва Платона Фёдоровича был один сын, Виктор. Работал после школы токарем на заводе в Алма-Ате. Затем поступил в лётное училище. Хорошо успевал, но на 2 курсе был отчислен из-за резкого ухудшения зрения. Тяжело это переживал. Снова вернулся в токари, но уже в Иртышке, а в 1969 г. разбился на мотоцикле. Было ему тогда 40 лет. Жена

его, Маша, умерла через несколько лет в Омске. Дочь, Катя, с семьёй живет в Омске. Сын, Павел, погиб, проходя службу в Новосибирске.

У Зинаиды Фёдоровны Пономарёвой (Мусиной) было 3 детей. (Я специально начинаю рассказ о каждом очередном персонаже стандартно, чтобы читателю облегчить восприятие). Старшая, Ольга Филипповна (по мужу Городова) была служащей в разных местах (комендант, кастелянша и т.п.) Её муж, Городов Михаил, прошёл всю войну (1941-1945 гг.), вернулся, служил в райисполкоме. В живых остались только два их сына-близнеца. Они в Павлодарской области, г. Ермак.

Средняя – Нина Филипповна Мусина. Всю жизнь работала учителем в школе. Её муж, Иван Иванович Ключко, прошёл войну 1941-1945 гг., вернулся с ранениями в обе ноги. Каждой весной раны «открывались», ноги болели. Однажды его отвезли с больными ногами в облбольницу, в Павлодар. Вердикт врачей был: ампутировать ноги во избежание гангрены. Его готовили к операции. Но пришёл как-то главврач для «обхода больных», спросил у Ивана Иванович Ключко: что с ним? Открыл простыню, посмотрел и приказал готовить срочно к операции. Сам провёл операцию. А Иван Иванович до конца жизни бегал на своих ногах. Главврач был немец. Иван Иванович был красивый, кудрявый мужчина (украинец), неиссякаемый на шутки, весельчак, остроумец. По

профессии был учителем математики, был директором школы, секретарём райисполкома. Детей у них с Ниной Мусиной не было. И их давно уже нет. Похоронены в Иртышке.

Виктор Мусин был младшим у тёти Зины. Он 1927 года рождения. Это последний призывной год во время войны. И то призвали только часть лиц этого года. Призвали и Виктора. Со слезами проводили их в Иртышке на пароход. Увезли в Павлодар. А через неделю он вернулся. Война уже заканчивалась. Этих призывников вернули домой. Виктор смолоду, лет с 16-ти, стал шофёром в Иртышской автороте. Главным делом была перевозка зерна, овощей из совхозов района в Иртышск, на элеватор. Любил свою работу. Впоследствии работал механиком, завгаром. Горел в машине, проваливался с машиной под лёд на Иртыше. Но всё вынес. А умер от рака в 70 лет. Его дочь Наташа живёт с семьёй в Павлодаре. Старший сын, Владимир, окончил Павлодарский индустриальный институт, живёт и работает в Калининграде.

Виктор Мусин рано женился (лет 19-ти) на Кате Чаленко, которую страстно любил. Женился неожиданно, без всякой свадьбы. Как-то в августе 1946 г. утром привёз на машине из Беловодской МТС (30 км. от Иртышка) дочку директора этой МТС, Катю Чаленко (ей было лет 20) и сказал матери (тёте Зине), что это его жена. Так и стали жить. Очень ревновал Катю. А кончилось тем, что когда у них было уже трое

взрослых детей, Катя обвинила его в измене и ушла из дому. Виктор просил Катю, просил родственников прекратить конфликт, оправдывался. Но семья распалась. Катя поселилась в Павлодаре, у дочери. Катя умерла на 81 году.

Я уже говорил, что у Николая Фёдоровича Пономарёва было 7 детей от первого брака и двое от второго. Миша (от второго брака) окончил с отличием вуз в Омске, женился и остался на работе в Омске. Женя (младший) тоже окончил вуз в Омске и жил и работал на станции Карталы Челябинской области (где жила их мама, тётя Таня).

А от первого брака старший, Саша, начинал работать в школе, потом уехал в Киргизию, где был начальником строительного участка. Там и похоронен. Он был 1929 г. рождения. Валя, 1932 г., работала в торговле. Была замужем за Михаилом Кузнецовым, штурманом, потом капитаном парохода. Жили они в г. Семипалатинске (на Иртыше). Валя умерла в 2009 г. А Миша жив. У них двое детей. Там же живёт Люда Пономарёва, пенсионер. В Усть-Каменогорске (на Иртыше) живёт младшая их сестра, Зина. Она врач. Остальных (а это Юра, Лида, Анатолий) уже нет в живых. Некоторых из них я почти никогда (если не считать мимоходной встречи в Иртышке, когда они были детьми) не видел.

В 1987 г. я был командирован в составе комиссии министерства просвещения СССР для проведения

госаттестации Пржевальского пединститута (Киргизия). Тогда во Фрунзе (столица Киргизии – ныне называется Бишкек) меня встречал Анатолий Николаевич Пономарёв, живший и работавший во Фрунзе. До этой встречи мы не виделись с ним 25 лет. Из Пржевальска я снова заезжал к Пономарёвым во Фрунзе. А через три года он умер от рака. Таким было второе поколение Кадькаловых-Пономарёвых. «Было», потому что почти никого уже нет.

Пора рассказать теперь непосредственно о нашей семье, моих родителях, родных братьях.

## РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Отец, **Кадькалов Григорий Ипатьевич**, 1906 г. рождения. Окончил церковно-приходскую школу. Потом учился на курсах счетоводов. Работал счетоводом, потом бухгалтером, главным бухгалтером в Иртышском райпотребсоюзе. Это был невысокого роста, подтянутый, стройный, всегда аккуратный мужчина. Черноглазый, чернобровый, черночубый. Очень сдержанный в поведении. Все, знавшие его, отзывались о нём всегда с уважением. Ласки отцовской мы, дети, от него не видели. И от мамы тоже. Оба они всегда в работе, в занятости. А мы под присмотром бабушки, матери отца.

Отец часто приносил для работы дома (вечером и в ночь) какие-то отчёты, ведомости. Дома были счёты (деревянные), и я с восхищением смотрел, как отец с цирковым мастерством перебрасывал быстро костяшки счётов налево и направо, выполняя арифметические операции. Курил. Пьяным я его не видел. Нецензурных слов никогда не употреблял. Умел играть на гармонии. Но у нас гармонии не было, и впервые я увидел, что он играет, когда мы гостили недолго у его старшей сестры Марфы в с. Калиновка. Очень любил нашу маму и ревновал её.

Мама, **Кадькалова Анна Фёдоровна** (Пономарёва), 1912 г. рожд., очень рано вышла замуж



за Гришу Кадькалова, когда ей было лет 16. Передо мной у них была девочка, Людмила (Люся), которая прожила лишь чуть больше года. Мама говорила, что я «виноват» в этом, так как она вынуждена была уделять больше внимания мне, а Люсю недоглядела. Гришу, мужа, она любила безмерно. Работала учителем-словесником в Иртышской школе. Училась на курсах в Омске. А после войны окончила учительский институт в Семипалатинске.

Ещё до войны, в 1934-35 г. отцу предложили работать главным бухгалтером райпотребсоюза в г. Черлак, райцентре Омской области. Дали жилье, небольшой дом. Мама стала работать заведующей начальной школой. В Черлаке мы жили до 1940 г. Здесь я пошёл в школу. В те годы в 1-й класс поступали с 8 лет, а мама меня отдала с 7 лет. Мальчишкой я был озорным. Родители весь день на работе, а бабушка (мать отца) со мной не справлялась: я убежал с мальчишками на улицу. Зимой мы цеплялись палками-крючками за кузов грузовиков (на шоссе в сторону Омска) и так катались на коньках вместе с машиной. Это в 7 лет. От родителей мне не раз за это попадало.

С крутого берега Иртыша (Черлак стоит на берегу Иртыша) мы катались часами на лыжах, на санках. Здесь я разбивал себе переносицу, лоб. Домой возвращался весь замерзший, в снегу, и бабушка меня раздевала и заочневшие руки мои опускала в холодную воду. Руки болели.

Накануне войны, в 1940 г., родители вернулись на жительство в Иртышск. Здесь отцу тоже предложили должность главбуха райпотребсоюза. В Иртышке была и вся родня: родители мамы, её братья, сёстры и др. В 1940 г. летом совокупными силами всей родни построили для нас, переселенцев, новую избу из самана. Мы, дети, тоже участвовали в изготовлении саманных кирпичей. Саман делали так: в широкой яме смешивали песок, глину, навоз, солому и из этого делали замес, который раскладывали в деревянные формы, а потом высушивали. Саман по форме вдвое крупнее кирпича. Он прочный. К зиме 1940 г. мы вселились в новую избу. Она была рядом с избой деда Пономарёва Федора. Мама стала работать учителем в школе.

Семейное счастье Гриши и Ани Кадькаловых было коротким. Уже в 1939 г. у отца признали туберкулёз, двусторонний. В 1941 г. его не призвали на войну, так как туберкулёз перешёл в открытую форму. В 1942 г. нашу избу затопили весенние снеговые воды. Избу построили перед войной нерасчётливо, в низине (зато рядом с избой деда Пономарёва). В воде изба могла развалиться. Отец, уже больной, в высоких резиновых сапогах часами ходил вокруг избы, подпирая стены столбами и досками. Вода спала. Изба выстояла, хотя нуждалась в ремонте. Но болезнь отца прогрессировала. В 1943 г. он окончательно слёг. За жизнь цеплялся, как мог: советовали есть жирную

собачатину, и он ел, ел барсучий жир, какие-то растения. Но бесполезно всё. Антибиотиков тогда не было, и вообще, какая могла быть тогда медицина в захолустном Иртышке? Туберкулёз, чахотка, особенно для молодого организма, считались неизлечимыми.

Примерно за месяц до кончины родители решили поехать в Омск на консультацию к известному там терапевту проф. Зарницину. Поехали в июле на пароходе. Взяли меня как помощника. Ходить отец почти не мог. Мы везли его на коляске. Остановились на два дня у маминой подруги. Осмотрев отца, Зарницын сказал, что дело поправимое, хотя потребуются серьёзное лечение, которое можно начать через месяц. А пока в домашних условиях, в условиях лета надо укреплять здоровье овощами, фруктами. Отца вывезли из кабинета, а маму профессор задержал и сказал ей, что больше месяца он не проживёт, от лёгких уже ничего не осталось. Когда мы вернулись на квартиру, я слышал, как отец взрослому парню, сыну хозяйки, сказал, что профессор предложил приехать через месяц, но это значит, что больше месяца я не проживу. Всё так и случилось.

Хотя мы и знали, что дни отца были сочтены и развязка его болезни должна быть скоро, все равно факт его смерти всех потряс. У меня навсегда это событие врезалось в память. Случилось это цветущим летом, 8 августа 1945 г., через 2 дня после дня моего рождения (5 авг.). Надо сказать, что дни рождения в

нашем селе, насколько я помню, никто не отмечал, особенно в тяжелые военные годы. Да и свадеб громких не было. Они проходили тихо, скромно. Наверное, поэтому мы и не знали дней рождения родителей, родственников, друзей. Вероятно, это была общая традиция в России. Дни рождения отмечались (с подарками) в богатых семьях, дворянских, помещичьих и ещё более высоких. А какие дни рождения могли быть у крестьян, у крепостных, у бедняков? И в художественной литературе мы наблюдаем такую же картину.

Мой день рождения никогда не отмечался. А на этот раз к нам пришли только что поженившиеся Нина Мусина (моя двоюродная сестра) с мужем, Иваном Ивановичем Ключко. У нас во дворе поставили стол, и мама быстро собрала чай. Подозвали меня к чаю и сказали, что у меня день рождения и они меня поздравляют. Отец тоже сел к столу.

7 августа, вечером, он медленно вышел во двор, посмотрел на наш огород и сказал: «А сегодня, Нюся, мне гораздо легче и я не нарадуюсь на наш огород: как все там цветет, зреет. Хорошо!». Затем он попросил меня помочь ему зайти в дом и лечь спать. Я проводил его к кровати, подложил под него надувные мягкие круги (их мы взяли из райбольницы), т.к. у него были болезненные пролежни от долгого (полтора года) лежания. Он заснул. А в 4 ч. утра нас разбудил истошный крик мамы: «Юра, Толя! Вставайте, папа

умер!». Испуганные, мы вскочили. Что делать? Мама велела мне бежать к родственникам и сказать о случившемся. И я побежал по домам. Когда вернулся, то в доме уже были люди, родственники и соседи.

Теперь меня послали в райпотребсоюз (где много лет работал отец) с той же вестью. Выполнил и это. Председатель потребсоюза выписал мне для поминального обеда 1 пуд (т.е. 16 кг) муки, которую надо было получить на мельнице. Побежал на мельницу, и директор мельницы отвесил мне 1 пуд муки и помог взвалить эту ношу на спину. Ох! Как тяжёл был этот груз! Два с половиной квартала я (14-летний мальчишка) на исходе сил дотащил до дома муку.

Дед Штемпель быстро из заранее заготовленных сухих досок сделал гроб, и скоро отец уже был туда помещён. Люди всё шли и шли к нам. Сидели у гроба, плакали, причитали. И то сказать: отцу было всего 39 лет. А мама осталась вдовой в 33 года, с тремя детьми и старой (88 лет) свекровью.

Увидев меня в соседней комнате, женщины иногда зазывали меня, велели стать возле гроба: «Смотри, Юра, на отца в последний раз. Больше ведь уже не увидишь». Я подчинялся. Но помню, что мое психическое состояние было жуткое. Мне было страшно стоять возле отца-покойника, и хотелось одного – чтобы поскорее всё это кончилось, чтобы все ушли, и прекратился бы плач. Когда мне можно было

отойти от гроба, я убежал в огород, за угол сарая и там ревел наедине.

До кладбища гроб несли на руках. Ближе к вечеру начались поминки. Иногда маму выводили под руки во двор и давали нюхать нашатырь. Она постоянно рыдала и была в полном изнеможении.

Я нашёл поломанную табуретку и сидел в углу двора, прислоняясь к стенке сарая. Наступили сумерки. Ко мне подошла бабушка, сказала, что сегодня не пришла домой из стада наша корова и что надо бы пойти её поискать. Я взял длинную палку и пошёл на окраину села, в степь искать корову. Стемнело. Наконец я увидел что-то похожее на силуэт коровы. Да, это была она, продолжала пастись. Она была недалеко от кладбища.

Подойдя ближе, я услышал рыдания мужчины, который лежал на свежей могиле отца. Рядом с плачущим стоял на коленях еще один мужчина. Это оказались брат мамы дядя Платон Понаморёв и его шофёр. Дядя Платон был весь день в разъездах, поздно узнал о смерти отца моего, опоздал на похороны и вот теперь только приехал из Кайманачихи. Он был пьян. Я не стал подходить к могиле, а вернулся к корове и погнал её домой.

Новые обязанности в новых условиях я как старший сын почувствовал с первых же дней после смерти отца. Дня через два мама сказала, что мне надо поехать с другими членами семей сотрудииков

потребсоюза на грузовике на полевой стан «Пикет» (это 25 км. в степь от Иртышка). Дело в том, что весной на «Пикете» был дан надел земли потребсоюзу для индивидуального посева пшеницы. Один участок был наш. Теперь надо убрать (собрать) урожай. Я жил на Пикете три дня. Серпом сжал нашу полосу, связал снопы, а после их просушки на току поочередно обмолачивали зерно. Молотили древним способом. На току раскладывали ровным слоем колосья. Потом бык тащил по кругу тяжёлый цеп. Он стучал по колосьям, которые осыпали зерно. Затем солому (она наверху) убирали, собирали в кучу зерно, провеивали его. Через три дня я привёз зерно домой.

А затем мама сказала, что надо скосить и просушить сено на лугу (учителям и другим выделяли участки на лугу). Здесь я работал не один, а вместе с дедом Пономарёвым и Ольгой Городовой.

Говорят, что беда одна не приходит. Следующей зимой (1946 г.) наша корова не смогла растелиться. Её прирезали на мясо. Мы остались без коровы. А весной того же года нашу избу вновь затопило весенней водой, и она уже не выдержала, треснула. Мы переехали на житье к тётке Зине, сестре мамы. Летом 46 г. пришлось строить новую избу на другом, более высоком месте, но недалеко от прежнего. Выстроили. Одна стена была из дёрна, другие – из сырца-кирпича. Эту избу вода не заливала. Здесь я жил года 2, так как в 1948 г. уже окончил школу и уехал учиться в Алма-Ату.

Мой брат Анатолий, 1934 г. рожд., в школе учился без старания. Зато с мальчишеских лет бредил автомашинами. В Иртышской автороте были разные машины: и знаменитый ЗИС-5, и полуторки, и американские студебеккеры, и (после войны) Горьковские ГАЗ-51. Толька напрашивался к двоюродному брату Виктору Мусину и ездил с ним по совхозам за зерном. Лет в 15 он уже сам (вместо Виктора) водил машину, хотя автоправ у него, конечно, не было. Иногда Виктор отпускал Тольку одного в совхоз и, тем самым рисковал нарваться на скандал.

После 7-го класса мама устроила Тольку в Павлодарский сельхозтехникум на агрономическое отделение. Но месяца через полтора-два он вернулся домой, так как агрономия ему не понравилась, а без машины ему нет житья. Так и стал шофёром. Когда трудно было провести машину по сложному пути, это поручали Анатолию. Женился. У них был всего один сын, которого назвали Юрием. Анатолий при этом сказал, что его старший брат университет окончил. Может быть, и новый маленький Юра станет умным. Юра вырос неплохим парнем. Окончил в Алма-Ате училище пожарников и ряд лет работал старшим лейтенантом в пожарной части Иртышка. Женился на женщине с дочкой. Она немка. И скоро они уехали в Германию (в конце 80-х гг.). Так и живут там, в Баварии.

Анатолий в 1987 г. умер от рака. Его жена Надя, теперь пенсионерка, живёт в Иртышке. Ей 76 лет.

Мой младший брат Валерий, родился в 1941 г., через полтора месяца после начала войны. Отец наш вскоре стал тяжело больным. Мама работала с утра до вечера в школе. Бабушка была уже очень старой (более 80 лет). Поэтому няней маленького Леры был назначен я. После школы я бежал домой, чтобы накормить, напоить корову, убрать за нею в сарае и баюкать Валерку. А между этими делами надо учить уроки. Когда я поступил на 1 курс университета (1948 г.), Валера пошёл в 1 класс школы. В Иртышке я больше не жил постоянно, а лишь иногда наезжал в отпускное время. Валерий окончил школу, и мы с Милой (женой) взяли его к себе в г. Кзыл-Орду. Здесь мы преподавали в пединституте. Валерий поступил на физмат нашего института. Окончил его успешно. Женился на сокурснице Тамаре Кривега, и они уехали на работу в Павлодар. Преподавали математику в школе, а потом стали преподавать в Павлодарском пединституте. Оба написали диссертации, прикрепившись к МГПИ им. Ленина, и успешно защитились в МГПИ. Постоянно работали в Павлодаре доцентами, затем профессорами педуниверситета. Валерий заведовал кафедрой алгебры, работал проректором по научной части, но затем заболел и в 2008 г. от рака лёгкого умер. Ему было 66 лет. Жена Тамара преподаёт в том же педуниверситете.

Я приезжал в Павлодар на похороны брата. Запомнились такие детали. Это было начало января 2008 г. В Павлодаре было – 32-34°. После похорон дочь Валерия, Лариса, предложила свезти меня в Иртышск на своей машине. И мы поехали. Приехали во второй половине зимнего дня. В Иртышке был сильный мороз и шёл снег. Весь Иртышск утопал в сугробах. Главная цель поездки была в том, чтобы навестить могилы родных. Мы сразу направились к кладбищу, но подойти к могилам не смогли, так как, войдя в ворота кладбища, сразу проваливались по пояс в снег. Окликнули родных от ворот, зашли на чай к жене Анатолия, к Наде, и к ночи вернулись в Павлодар.

У Валерия и Тамары двое детей. Оба окончили физмат Павлодарского пединститута. Сын, Гриша, женился на немке, Ане, и теперь они живут в Германии, воспитывают двоих детей. Часто приезжают в Павлодар. Дочь Лариса (младше Гриши) стала предпринимателем, бизнесменом. Живёт в Павлодаре. Её сын, Всеволод, закончил вуз в Павлодаре, женился.

Наша мама прожила 70 лет. Похоронена в Иртышке. Всю жизнь работала учителем с небольшим перерывом. В 50-х годах, когда в райкомах, горкомах и т.д. КПСС были созданы женотделы, её пригласили в райком на должность завженотделом. А потом она снова вернулась в школу.

Отдельно хочу сказать о нашей Иртышской школе. Мы очень её любили.

## НАША ШКОЛА

На весь Иртышский район было 2 средних (10 классов) школы – в Иртышке (СШ №1) и в совхозе «Северный» (такое название у него было, потому что за ним начиналась Омская область, Черлакский р-н). Из других совхозов, колхозов, чтобы получить среднее образование, детей посылали после 7 классов обычно в Иртышск. Вскоре после войны открылись средние школы и в совхозе «Суворовский», затем и в других местах.

Вспоминая нашу школу, я теперь только могу оценить, насколько высокого уровня была эта школа. И этому способствовали 2 обстоятельства: война и то, что Иртышск был одним из мест для ссылки. Именно поэтому в Иртышке, в этой сибирской глухомани, оказались некоторые очень грамотные и даже талантливые люди. Одни попали сюда по причине эвакуации, другие были сосланы. Иртышск действительно был глухоманью. До Омска – 200 км., до Павлодара – 175. Железной дороги здесь не было и нет до сих пор. Автобусов в те годы (40-е – 50-е) тоже не было. Освещались керосиновыми лампами. Но в войну ламповых стёкол негде было взять. Пользовались коптилками, самодельными свечами. Спичек не было. Делали крысало, из которого высекали огонь. Связь Иртышка с окружающим миром открывалась, когда

Иртыш освобождался ото льда и начиналось судоходство. Прибытие парохода было радостным событием. Мы босиком летели к пристани посмотреть на пароход, на его пассажиров. А когда вечером, ночью из-за поворота выплывал весь в огнях пароход, то это было сказочным видением.

Должен сказать, что в Иртышке было радио (чёрной тарелкой). «Тарелка» висела даже в центре села на столбе.

Помещение школы было маленьким. Прежде это был большой дом купца. А теперь школа. В ней было 5 комнат. Отдельно был дом для начальных классов (4 комнаты). Учились в две смены.

Состав учителей был отличный. Таких учителей в современной городской школе не сыскать.

Литературу у нас преподавал довольно известный (в одноименной советской энциклопедии он упомянут) писатель Ефим Николаевич Пермитин, автор нескольких романов, повестей, рассказов, в том числе автобиографической трилогии «Жизнь Алексея Рокотова». Он был ссыльным. Периодически он проводил вечерами (при коптилке) литературные вечера. Здесь он читал нам главы своих произведений, над которыми работал. Это были отрывки из романов «Когти», «Враги», «Дружба», повесть «Первая любовь» и др.

Русский язык преподавал доцент Гвидон Романович Тукумцев, ученик академика Л.В. Щербы.

Он немец. Его настоящая фамилия – Мейер. Жил и работал в Ленинграде. Перед войной был издан первый стандартный советский учебник русского языка для школы. Научным вдохновителем, инициатором этого учебника был академик Л.В. Щерба. Главным редактором – С.Г. Бархударов. А в составе авторов учебника был и Г.Р. Тукумцев. В начале войны Г.Р. Тукумцев с семьей эвакуировался из Ленинграда. И они попали в Иртышск. Это был очень интеллигентный человек, по виду похожий на А. Чехова (и тоже в пенсне), прекрасно рисовал. Но был рассеянный. Он проводил в школе по четвергам «Живую газету», в составе которой была рубрика «Почему мы так говорим?». Его жена, Евгения Васильевна, тоже работала в школе учителем литературы. В 1943-44 году Г.Р. Тукумцев с семьей уехал в Пензенский пединститут, а позднее – в Таллин (Эстония).

Геометрию, тригонометрию, черчение у нас вёл доцент Беднягин, отсидевший на севере по 58 статье и затем сосланный в Иртышск. После войны его снова арестовали. Алгебру у нас вёл эвакуированный в Иртышск немец Павел Генрихович Руш. Он был также прекрасный музыкант, так как учился в консерватории. Он создал в школе хороший оркестр струнных инструментов. Сам в нём играл на аккордеоне. Оркестр всегда украшал наши регулярные школьные вечера.

Основы сельского хозяйства (было такая дисциплина) вёл доцент Солодовников. Физику и

астрономию преподавал эвакуированный немец Владимир Христианович Лайер. В 1946 г. он раздобыл в Павлодаре телескоп, и в весенние вечера с любопытством рассматривали мы под его руководством планеты. Особенно нравился Сатурн с его кольцами.

Замечательными, творческими учителями были Иванченко Анна Ивановна, Колоскова Анна Яковлевна и т.д. В нашей школе традиционно проводились литературные вечера, посвященные А.С. Пушкину (февраль), М.Ю. Лермонтову (осенью) и др. Мы ставили отрывки из произведений, читали, пели.

Ежегодно 23 февраля проводилась школьная военная игра. Занятия в школе отменялись. Классы делились на обороняющихся и наступающих. Первые уходили рано утром и занимали (тайно) оборону на лугу. Вторые с выдвинутыми разведгруппами должны были найти оборону и правильно атаковать. За соблюдением правил игры следили специально отобранные (с повязками) судьи. Мы сами готовили деревянные автоматы, трещотки, гранаты...

В школе не только учились, но и работали. Отопление ведь было печное. Поэтому летом и осенью мы заготавливали дрова, сушняк, кизяк... В годы войны уже с 4 класса учащиеся помогали колхозам и совхозам, собирали колоски после комбайнов. Старшеклассники уезжали на месяц в совхоз и работали в полную силу на уборке урожая.

Не могу не сказать о нашем директоре школы. Она была директором в течение многих лет. Заслуженный учитель, кавалер ордена «Знак Почета». Ещё задолго до войны окончила гимназию и университет в Томске, математик Клавдия Петровна Маклецова. Одинокaя женщина, без семьи и детей, полностью поглощённая школой. Из числа старой интеллигенции. Строгая и добрая. Мне в школе не очень везло: моя мама была учителем этой школы, и обо всех моих проказах, успехах в учёбе немедленно было известно ей, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Наш школьный выпуск (1948 г.) состоял из 14 человек (8 ребят и 6 девочек). 10 человек поехали поступать в вузы столицы Казахстана – в Алма-Ату. Кстати, впервые выпускники из Иртышска направились в далекую Алма-Ату. До сих пор они всегда отправлялись в Омск или Томск. И все 10 поступили: 3 – в университет, 2 – в юридический, 4 – в медицинский, 1 – в зооветеринарный. Так началась моя жизнь в Алма-Ате. Я поступил на филфак КазГУ (Казахский госуниверситет им. С.М. Кирова).

## АЛМА-АТА. СТУДЕНЧЕСТВО

Путь от Иртышска до Алма-Аты обычно занимал 8-10 суток. Когда мы прибыли в Алма-Ату, то город произвел на нас глубокое впечатление: много электричества (а в Иртышске его вообще не было), трамваи, троллейбусы, автобусы, большие здания, высокие пирамидальные тополя и т.п. Ничего подобного мы не видели. Мы зашли в трамвай, и я подумал: хватит ли у нас денег, чтобы заплатить за проезд в таком необычном транспорте. Оказалось, что билет стоит копейки. Вот чудо! Так началось наше приобщение к цивилизации.

Алма-Ата – очень красивый город. Это город-сад. Он утопает в зелени. Улицы прямые, без закоулков. Это объясняется, вероятно, сравнительно поздней его застройкой. Климат здесь мягкий. Но зима со снегом. Летом много овощей и фруктов. Название города связывают со словами *алма* (по-казахски – «яблоко») и *ата* (по-казахски – «отец»), т.е. Алма-Ата – это «отец яблок». Однако казахи город называют Алматы – т.е. «яблочный».

Город расположен у подножья цепи гор Заилийского Алатау. Горы полукругом окаймляют Алма-Ату. Они высокие, зелёные, а на вершинах постоянно (и летом) лежат снеговые шапки. Когда летом стоит жара, то с гор опускается прохлада. А в



предгорьях вообще гораздо прохладнее, чем в городе. Поэтому здесь расположены дома отдыха, санатории, дачи. Позже в предгорье Алма-Аты был построен красивый международный высокогорный каток Медео. В горах было большое высокогорное озеро Иссык и здесь же санаторий с тем же названием. В 50-х годах озеро вышло из берегов и понесло селевые потоки вниз, на город. Случилась большая беда с жертвами. В связи с этим были проведены строительные работы, чтобы подобное не повторилось.

В городе между тротуарами и улицей проложены узкие бетонированные арыки (каналы), по которым бежит холодная вода с гор. Она питает деревья, растущие вдоль арыков, и несёт прохладу в город.

С двух сторон бегут вокруг города две горные речки – Большая алмаатинка и Малая алмаатинка. Между ними центр города пересекает горная речка Весновка. Они узкие, с очень сильным течением (трудно устоять в речке, т.к. течение сбивает). Вода в них ледяная. Горожане любят здесь отдыхать летом. В 70-е годы части этих речек внутри города оборудовали каскадами небольших (метров по 6 в длину, по 3 в ширину и по 1,5 в глубину) бетонированных шлюзов, которые замедляют в себе течение рек и украшают его многочисленными небольшими водопадами на стыках шлюзов этих каскадов.

Население столицы было многонациональным (русские, казахи, украинцы, уйгуры, корейцы, узбеки и др.). Но никакой межнациональной вражды не было.

Алма-Ата – город вузовский и театральный. Вузы были: университет (КазГУ), педагогический институт, медицинский, юридический, иностранных языков, зооветеринарный, горно-металлургический (позже технический университет), торговый, институт физической культуры, сельхоз, консерватория. В столице была, конечно, Академия наук КазССР.

Театры: оперы и балета, оперетты, драматический (казахский и русский), ТЮЗ, филармония, позже был построен цирк, открыты корейский театр, уйгурский театр.

Культурная жизнь столицы обогащалась также частыми гастролями известных стране артистов. Запомнились, например, выступления Павла Лисициана (в оперном театре), Рашида Бейбутова, Георгия Виноградова, В. Бунчикова, Павла Кадочникова и др. Мы старались попасть на такие концерты.

Были мы с Милой (моей будущей женой) и на концерте – выступлении Вольфа Мессинга. Он был в Алма-Ате осенью 1951 г. Афиши извещали о чудесных психологических опытах Мессинга, о его способности читать мысли других людей. В афишах было сказано, что опыты Мессинга проверены и одобрены АН СССР. Заинтригованный, я взял 2 билета. Выступление проходило в небольшом зале филармонии.

Недавно на экраны телевизора вышел фильм о Вольфе Мессинге. В нём, конечно, много преувеличений. Не мог Мессинг так успешно и точно разгадывать сложные ситуации. Хотя, безусловно, человек он был очень интересный. Работал в зале он напряженно, нервно, максимально сосредотачивался на задании. Процесс работы был организован так. На сцену приглашали трёх человек из зала, которые занимали места за столом и выполняли функции жюри. Приглашался из зрителей желающий дать задание Мессингу. Предварительно зритель записывал свое задание и сдавал в жюри. Мессинг брал зрителя за руку (за запястье), постоянно требовал: «Думайте! Думайте!» и выполнял задание. После этого жюри зачитывало письменное задание. Задания были конкретны, типа: «идите на пятый ряд к месту №10, возьмите из внутреннего кармана пиджака записную книжку». Мессинг справлялся с такими заданиями. И это уже поразительно! Лишь в конце выступления Мессинг попытался выполнить 2 задания, стоя рядом, но, не держа зрителя за руку. Одно из 2-х заданий он выполнил, а во втором случае несколько запутался. Повторяю: даже при некоторых сбоях в работе, Мессинг вызывал восхищение как человек с необыкновенными способностями.

Я очень люблю Алма-Ату. У меня к ней особое отношение. Здесь я был счастлив, т.к. встретил свою любовь, будущую жену, Милу. Здесь родился наш

первенец. Годы, прожитые в Алма-Ате – незабываемые годы. Позже мы всегда приезжали в этот город с волнением и радостью.

Через несколько дней после приезда нашего «десанта» из Иртышска в Алма-Ату начались вступительные экзамены. Очень одолевала робость. Но надо было её преодолеть. Готовился я изо всех сил. А как иначе? Стыдно было не поступить и вернуться домой с позором. Всё-таки подготовка в Иртышской школе помогла. Все мы, приехавшие из Иртышска (10 чел.), выдержали экзамены и поступили в разные вузы Алма-Аты. Я поступил на филфак КазГУ.

В этом (1948) году вышло постановление о назначении на стипендию только студентов, не имеющих «троек» в сессию. А без стипендии мне было бы жить трудно, т.к. мама – учительница не имела возможности полностью содержать меня. Поэтому занимался я в библиотеке ежедневно по несколько часов.

В общежитии места мне не досталось. Я жил на квартире у двоюродного брата, Виктора Пономарева, который со своей мамой переселился тогда из Иртышска в Алма-Ату. Они сами снимали комнату в подвальном помещении на окраине города. Виктор устроился на завод токарем.

Подвальная комната, в которой мы жили, находилась за горпарком культуры и отдыха им. М.

Горького. Это далеко. Мне приходилось добираться до университета долго. После университета я до вечера занимался в библиотеке. А когда возвращался вечером домой, то дежурные у входа в парк требовали уже входной билет. Я объяснял, что иду не в парк, а через парк, чтобы попасть домой. Дежурная поверила, сказав: «Ух, черноглазый! Беги!». Так меня запомнили и пропускали. Придя домой, я уставился в зеркало и увидел, что глаза мои отнюдь не чёрные, а разноцветные: коричневые и зелёные.

В зимнюю и летнюю сессию я сдал все экзамены на «отлично». Мне дали повышенную стипендию и общежитие.

На втором курсе у меня появился близкий друг – Володя Цой. Мы были сокурсниками. А когда мне дали направление в общежитие, то комендант общежития сказала, что направление она принимает, но места свободного у неё нет. Ищи сам. И мы с Володиёй имели одну койку на двоих. Вместе спали, вместе питались, вместе занимались в библиотеке, вместе отдыхали. Позже нас переселили в другое общежитие, и мы получили отдельные места.

Когда я дружил с Милой, Володя был нашим общим другом. Дружим мы и до сих пор. Дважды он приезжал к нам в Саратов. Сейчас на пенсии. До этого работал в Карагандинском университете вместе с женой Леной.

Университет, университетская жизнь мне очень нравились. Нам настойчиво внушали, что университет – это храм науки, святое учреждение. Вероятно, на формирование традиций в КазГУ повлияло пребывание здесь в годы войны ряда видных ученых страны. Говорили, что на филфаке читал лекции акад. Мещанинов И.И. и др.

В Алма-Ате, кстати, находилась в эвакуации Московская киностудия (Мосфильм). Здесь снимался тогда известный фильм «Парень из нашего города» с Н. Крючковым в главной роли.

В КазГУ мы встретились с интересными преподавателями, людьми широкой эрудиции и высокой культуры. Многие из них оказались здесь в годы войны. С благодарностью вспоминаю доцента Татьяну Владимировну Поссе, дочь известного до революции издателя В. Поссе, у которого печатались Л. Толстой, М. Горький, И. Бунин, А.Чехов, В. Маяковский и др. В доме В. Поссе проводились литературные вечера, и маленькая Татьяна общалась со всеми этими классиками литературы. Мы любили также Александра Лазаревича Жовтиса, доцента, потом профессора, известного литературоведа, поэта, переводчика.

Назову ещё нескольких: доценты Блюменфельд, Е.Я. Рубинова, проф. Е.М. Мадзигон – читали зарубежную литературу; проф. Сайкиев Х. М., проф. Никитевич В. М., – современный русский язык; проф.

Махмудов Х.Х., ученик акад. С.П. Обнорского (работал с Обнорским), проф. Седельников Е. А., ученик проф. Т.П. Ломтева – историю русского языка, историю русского литературного языка. Краткий курс (спецкурс) казахского фольклора литературы нам прекрасно прочёл на 5 курсе основоположник советской казахской литературы Мухтар Ауэзов, автор трёхтомника «Путь Абая».

В университете было много художественных кружков и спортивных секций. Кружками руководили артисты театров. Их работу оплачивал ректорат. Я ходил в секцию тяжёлой атлетики (штанга).

На факультете работали кружки научного студенческого общества (НСО). В первые же дни студенчества я прочитал объявление о заседании психологического кружка, которым руководил проф. Богуславский. Я пошёл. Здесь обсуждалась книга Ольги Скороходовой «Как я воспринимаю мир». Меня поразило, что О. Скороходова была человеком слепым, немым, глухим. Чуть позже я стал членом кружка русского языка, которым руководил С.М. Махмудов.

Активно работала комсомольская организация. Специфика студенческого коллектива первых послевоенных лет состояла в том, что на одном курсе учились и мы, 17-18 летние юнцы, и ребята, прошедшие войну, которым было около 30-ти. Они пришли за знаниями, специальностью. К учебе, общественным делам относились ответственно и нам

не давали халтурить. Секретарем комсбюро нашего факультета был старший лейтенант, фронтовик Георгий Мизонов, отличник учёбы. Он не любил фразёрства, требовал конкретной работы. На 2 курсе меня избрали в комсбюро факультета, и эта деятельность (с Мизоновым) была мне хорошей школой в организаторской работе и нравственном воспитании.

Студенты, комсомольцы обычно сами, без помощи преподавателей не только организовывали свой досуг, но и старались расширить свои знания, воспитывать себя. Мы, например, сами организовали факультативный курс «История искусств». Нашли в киностудии доцента Б. Зальцмана, который очень интересно провёл для нас этот курс в часы сверх учебного расписания. Уговорили ректорат, чтобы лектора оплатили.

У себя в группе мы решили слушать беседы о великих композиторах «Могучей кучки». Доклады поочередно делали мы сами, студенты.

Мы организовали «Школу танцев» и пригласили для этого опытного руководителя.

Организовывали на факультете периодически вечера отдыха с танцами и приглашали студентов других вузов. Сами купили для таких вечеров радиолу (тогда это была редкость). При этом стоит отметить, что на таких вечерах не было пьяных, не было драк. Мы с Милой ходили на такие вечера. А что танцевали? Вальс, танго, фокстрот, польку и др.

Мы, студенты, сами приглашали для встречи писателей, артистов, учёных. И они приходили. Запомнились, например, встречи с писателем Мухтаром Ауэзовым, с проф. лауреатом госпремии В.Д. Сокольским (проректором КазГУ), с заслуж. артистом В. Зелениным, с народной артисткой СССР Куляш Байсеитовой и др.

Мы сами проводили читательские конференции по новым художественным произведениям. Конечно, при организации таких мероприятий мы советовались с преподавателями. Приглашали наших преподавателей.

Проводили иногда загородные пикники в воскресные дни.

Всю такую работу мы планировали, обсуждали на комсомольском бюро и групповых собраниях.

Группы следили и за учёбой и поведением своих комсомольцев. В необходимых случаях обсуждали нерадивых на собраниях. Объясняли им, что они учатся за счет государства, на деньги народа, и поэтому отношение к учёбе, их поведение – это не совсем личное дело. Группа ответственна за каждого. Помогало ли? А кому хочется быть изолированным от группы?

Особенностью обучения студентов послевоенных лет было почти полное отсутствие учебных пособий, соответствующих учебным программам (во всяком случае, так было на филологических факультетах и, вероятно, на других). Помнится, что первое пособие по

современному русскому (и то только по разделу «Морфология») появилось в 1952 г году (когда я уже был на 5 курсе). Оно было издано в МГУ. Под редакцией академика В.В. Виноградова.

Этот минус (отсутствие учебников) оказался вместе с тем и большим плюсом. Мы старались не пропускать лекций, так как они были нашим первым источником познаний. А, кроме того, мы должны были читать в библиотеке научную литературу по темам. Так, например, по современному русскому нашими настольными книгами была такая классика, как: В.В. Виноградов «Русский язык» (1947 г., 740 стр.), А.А. Шахматов «Синтаксис русского языка», А.М. Пешковский «Русский синтаксис в научном освещении и др. Кто из студентов сейчас их читает? А мы вынуждены были читать. И это хорошо. Подобная ситуация была и при изучении других дисциплин.

Другая особенность вузов тех лет состояла в том, что в вузах обязательно были военные кафедры, которые обучали юношей по программе военных училищ. В КазГУ такая кафедра с несколькими классами, оснащённая наглядными пособиями, учебным оружием, тренажёрами и т.д. находилась в отдельном корпусе, куда мы уходили каждый четверг на весь учебный день. Заведовал кафедрой генерал-майор Бекжанов. На кафедре работали 4 полковника, 3 подполковника и 1 майор.

Два лета (после 2 и 4 курсов) в счёт каникул нас забирала в полк на месяц, где мы проходили службу (тактические учения, учились стрелять из автоматов, пулемётов, учились бросать боевые гранаты и т.п.). В начале 4 курса мы сдавали госэкзамены на военной кафедре, и нам присваивали звание младшего лейтенанта запаса. Впоследствии, уже на работе, нас периодически военкомат призывал на месячные курсы переподготовки, после чего повышали звание. Так я стал капитаном запаса. Майора уже не давали запасникам.

В те летние каникулы, когда нас, студентов, брали служить в полку, мне очень трудно было съездить в Иртышск: не хватало времени. Обычно из Иртышска я ехал паромом до Семипалатинска около 5-ти суток. Здесь надо было сесть на проходящий поезд «Новосибирск – Ташкент», который идет через Алма-Ату. До Алма-Аты – 1,5 суток. Но в Семипалатинске можно ждать пересадки не одни сутки. Однажды в течение 3-х дней я не мог выехать из Семипалатинска. Здесь собралась толпа студентов, стремившихся в Алма-Ату, Ташкент к 1 сентября. Отчаявшись, мы, студенты, решили дать телеграмму (с оплаченным ответом!) министру путей сообщения СССР Бещеву о том, что трое суток не можем выехать, и просим помочь.

Министр ответил сразу и велел начальнику станции Семипалатинск отправить студентов.

Начальник даже обрадовался этому приказу, т.к. он теперь прицепил к товарному поезду несколько пустых товарных вагонов и разгрузил всю станцию, согнав в вагоны и студентов и других. Такой поезд называли 500-веселый. Ночью он ревно бежал, а потом весь день стоял. И мы ехали так, на солошке, трое суток вместо полутора.

В 1951 году возвратиться в университет после каникул оказалось ещё сложнее. Иртыш вверху обмелел (из-за гидросооружений), и по реке можно было доехать только до Павлодара, а не до Семипалатинска. От Павлодара мы поехали поездом до ст. Татарск, чтобы оттуда добраться до Новосибирска, а затем поездом «Новосибирск – Ташкент» – до Алма-Аты. Но в Татарске оказалось большое скопление пассажиров, и мы могли бы застрять здесь надолго. Пошли на риск. Подошёл поезд из Москвы на Новосибирск, и мы прошли в вагон без билетов. Это было ночью. Мы привыкли к старым деревянным вагонам. А это был новый цельнометаллический вагон. Вагон был купированный с ковровой дорожкой. Мы оторопели. Пробежали в тамбур. Но тут нарвались на ревизора и проводника. А поезд уже пошёл. Нас оштрафовали, а на следующей станции проводник сам купил нам билеты. И это было выгоднее, чем сидеть сутками на станции пересадки.

Вот так нелегко было в те годы. Транспортные связи были слабыми, неразвитыми. Уже в 60-х годах

положение изменилось, т.к. были построены новые железнодорожные ветки.

Второй курс стал в моей биографии поворотным, судьбоносным. Уже в сентябре 1949 г. я встретил Милу Трескунову, влюбился беспредельно, навеки. Так это и получилось.

## МИЛА

В 1949 г., на 2 курсе, меня основательно впрягли в комсомольскую работу. Комитет комсомола КазГУ возглавлял Надиров Шакен, тогда аспирант и освобождённый (т.е. на зарплате) секретарь комсомола университета. Это был интеллигентный, очень выдержанный, тактичный, скромный человек. Позже он был доцентом и деканом экономического факультета. Но недолго. Его взяли на работу в ЦК КПСС. Там он работал долго. Работал в некоторых посольствах.

В сентябре 1949 г. проходила отчётно-выборная комсомольская конференция КазГУ. Я был делегатом. Прошёл отчёт, закончились выступления, перешли к выдвижению кандидатур в состав нового Комитета комсомола. И вот встаёт представительница Фрунзенского райкома комсомола (которому подчинён комсомол КазГУ) и предлагает в новый состав комитета Милу Трескунову, студентку 1 курса филфака. Мы удивились: как это с первого курса сразу в комитет университета. Не рано ли? Представитель стал аргументировать своё предложение. Мила Трескунова была секретарём комсомольской организации СШ №54 г. Алма-Аты. Это была лучшая школьная организация. Она член пленума Фрунзенского райкома комсомола, член пленума горкома комсомола. Ещё в школе она

была стипендиатом ЦК ЛКСМК. А таких в городе единицы. Окончила школу с золотой медалью и без экзаменов была принята в университет. Мы с задних рядов гаркнули: пусть покажется! И она показалась. Лучше бы не показывалась! Моё сердце сразу оборвалось.

Объявили перерыв. И я пошёл искать эту дьявольскую Милу Трескунову. Посмотреть поближе. Она стояла с подругами в коридоре, о чём-то живо беседовали. Смеялись. А я ходил, как кот вокруг горячего мяса, и разглядывал. В результате ещё больше потерял голову.

Теперь уже на факультете я искал аудиторию, в которой находится 1 курс, и ждал, не выйдет ли эта черноглазая и чернокосяя Мила.

Однажды она сама зашла в нашу аудиторию и спросила: есть ли здесь Юра Кадькалов? Я онемел. (В сущности, она спросила, есть ли здесь мой будущий муж, моя судьба.) Девчонки уверенно показали – вот он! Мы вышли с Милой в коридор, и она передала мне поручение от комитета комсомола о предстоящем межфакультетском смотре художественной самодеятельности и о необходимости подготовки к смотру.

И мы начали подготовку, репетиции. На факультете были хорошие возможности. Наш студент, Лёва Шульц одновременно учился в консерватории, прекрасный аккордеонист, создал отличную вокальную

девичью группу (10 человек), которая прославилась не только в университете, но и в городе. У нас хорошая танцевальная группа, чтецы, вокалисты. Трудности были только с хором. Не горели желанием студенты идти в хор. Много уговаривали, призывали болеть за факультет и помочь ему. Вот тут-то я сагитировал в хор Милу и её подруг. Репетиции заканчивались вечером, уже поздним. И я как-то предложил Миле проводить её домой. Восторга её я не увидел, но согласилась. Это повторилось ещё два раза.

29 октября 1949 г. на вечере, посвящённом рождению комсомола, я впервые пригласил её на вальс. Всего на один вальс, так как её сопровождал студент горного института (у них была особая форма). Я был и рад танцу, и встревожен её кавалером. Через некоторое время, проводив её домой, я отважился её поцеловать и получил пощёчину. В сердцах сказал: «Ну и чёрт с тобой!». И ушёл. А вскоре после этого мы и 1 курс работали на строительстве нового корпуса университета. Выполняли подсобные работы. После работы, идя в общежитие, я увидел на скамейке трамвайной остановки Милу. Не выдержал. Подошёл к ней и попросил прощения за свой поступок. Она улыбнулась и кивнула головой в знак согласия со мной. Далеко позже она рассказывала, что приехала домой, свалилась на кровать и заревела. На тревожный вопрос мамы ответила: «Мама, я, кажется, влюбилась».



Теперь наша дружба стала прочной и понятной. Мы встречались ежедневно в библиотеке, откуда потом бегали на комсомольские дела, заседания, в театр, в кино, а чаще всего на каток. Мы купили коньки и очень любили кататься парой на стадионе «Динамо». Он был поблизости от дома Милы. Теперь я узнал много о жизни Милы.

Сведения о родословной Милы довольно скупы, обрывочны. О своих родственниках она почти ничего не знает. И это вполне объяснимо. Во-первых, потому, что она никогда не жила рядом с ними. Во-вторых, потому, что 10-летней девочкой она попала в вихрь военных невзгод, была оторвана далеко от родных мест. В-третьих, потому, что мама её, тоже захваченная страданиями военных лет, не рассказывала о родных (да и не до того ей было). В-четвёртых, потому, что те краткие знания о родственниках, которые она получила от мамы потом, не являлись, вероятно, «престижными» чертами их биографии в условиях советского времени, и мама неохотно говорила о них.

Отец Милы, Трескунов Пётр Владимирович. Мила его не помнит, так как он умер от сердечного приступа, когда ей было года 4, т.е., вероятно, в 1935-36 гг. Со слов мамы она знает, что он работал на Днепропетровском металлургическом заводе им Г.И. Петровского мастером. Откуда он родом, кто его родители, неизвестно. Он был значительно старше Марии Семёновны (мамы Милы), и она была его

второй женой, так как первая жена умерла. Для Марии Семёновны это был первый брак. От первого брака у отца Милы остался сын Владимир. Он был намного старше детей от второго брака отца. И Мила его помнит уже как взрослого, самостоятельного мужчину. Володя очень хорошо, тепло относился и к Марии Семёновне и к детям от второго брака отца.

Мама Милы, Трескунова Мария Семёновна (урожденная Винникова или Виницкая), родилась в 1895 г. на Украине, в Винницкой области в многодетной, но, по-видимому, довольно состоятельной семье. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что все дети Семёна Винникова (Виницкого?) получили гимназическое образование. Он хорошо разбирался в экономических делах и был каким-то специалистом (управляющим) по экономике в области (губернии). Он был еврей, но христианского вероисповедания. Был женат на украинке Полине. Мария Семёновна после гимназии выучилась на стоматолога, но потом окончила ещё учительский институт и стала учителем русского языка и литературы. В этой профессии она была до конца жизни.

У Марии Семёновны был брат, Григорий Семёнович, который жил в Днепропетровске, был болен. Мила его не помнит, так как видела, кажется, один раз, будучи маленькой. Родными сёстрами Марии Семёновны были Таисия и Анна. Таисия (старшая) была замужем за крупным партийным работником ЦК

партии Украины, который в 1937-38 гг. был арестован, объявлен врагом народа и расстрелян. Таисия осталась с двумя сыновьями. По специальности она была врачом. К началу войны сыновья выросли, но их сначала в армию не брали, так как их отец был врагом народа. А позже всё-таки взяли и определили в штрафбатальон. Оба юноши (Саша и Володя) погибли.

Сестра Аня с семьёй жила долгое время в г. Ревда Свердловской области. О её профессии не знаем. Возможно, что её дети, внуки есть там и до сих пор.

Мария Семёновна вышла замуж за Трескунова Петра, вероятно, около 1920 г., так как у них первый сын, Коля, умер до 1923 г. В 1923 г. родился второй сын, Игорь, а в 1931 г. – Мила (Эмилия Петровна).

Брат Милы, Игорь, окончил школу (украинскую) в Днепропетровске в 1941 г. и ушёл (вместе с соклассниками) на фронт. Успел прислать матери письмо, что они едут к Севастополю. Кто знаком с историей войны с фашистами, знает, какой ужасной была битва за Севастополь, важный, стратегический морской порт СССР на Чёрном море. В Севастопольской мясорубке погибли тысячи солдат с обеих сторон. Особенно много погибло юных, неопытных солдат, каким был и Игорь (18 лет). Мама позже писала в Министерство обороны, в Москву, чтобы узнать о судьбе Игоря, но всякий раз отвечали, что воинская часть №... полностью выбыла.

Старший брат Милы (сводный), Володя, к началу войны уже был военным, лейтенантом. Поэтому с первых дней войны ушёл на фронт. Прошёл всю войну, был неоднократно ранен. После Победы возвратился майором в Днепропетровск, очень больным и вскоре умер. От его семьи остались жена (Таня) и двое детей (Софья и Пётр). Таня (жена) далеко не сразу сообщила маме и Миле о смерти Володи, за что Мария Семёновна навсегда сохранила обиду на неё. А Володя, вернувшись с фронта, писал, что он скоро заберёт в Днепропетровск маму с Милой. Но не смог.

В 1983 и 1986 гг. мы с Милой были в Днепропетровске (уже из Саратова). Первый раз ездили на 40 дней после смерти Володи Кадькалова, а второй – на Всероссийскую научную конференцию в Днепропетровский университет.

Поезд пришёл рано утром (часов в 6), и мы решили часов до 9 утра поискать бывшую, довоенную квартиру Милы. У неё в памяти сохранилось, что поблизости от дома был ТЮЗ и какой-то небольшой маслозавод. Мы нашли ТЮЗ. Люди сказали, что он тот же, что и до войны. А маслозавода никто не помнил. Он просто не сохранился. Прошли по окрестным кварталам. Как взволновалось её сердце, ей показались очень знакомыми ближайшие к ТЮЗу кварталы, дворы и дома в них, старой постройки.

– Юра! Смотри – вот это, наверное, наш дом! Я вспоминаю эту лесенку, крыльцо и соседние дома.

Мы вежливо спрашивали у жителей о Трескуновых, о Громовых (близких знакомых). Но никто ничего обнадеживающего для нас не мог вспомнить.

А вскоре мы заметили, что квартал за кварталом очень похожи друг на друга. И дворы одинаковые.

Тогда мы стали искать школу ближайшую (Мила помнила её номер). И нашли старую, довоенную школу, двухэтажную. Нас пустили в неё и посоветовали обратиться к одной старейшей учительнице. Она подтвердила, что это, вероятно, та школа, которую мы ищем, но номер школы изменился. Игоря Трескунова, а тем более Эмилию Трескунову не помнит.

И всё-таки мы посмотрели те кварталы, где, по-видимому, жила Мила, и её школу.

В начале войны Мила и мама оставались в Днепропетровске, а немцы довольно быстро подошли к городу. Уже в первый период войны вся Украина оказалась оккупированной.

Днепропетровск – это родина моей Милы (16 июля 1931 г. рожд.). Здесь она закончила отличницей 1 и 2-й классы школы, той же, которую окончил её старший брат Игорь. Когда Игорь оканчивал школу, Мила только начинала её. В старших классах у Игоря появилась любовь – Людмила Громова, которая жила по соседству. Её отец был директором какого-то завода.

При подходе немцев к Днепропетровску началась эвакуация горожан и нужных стране предприятий.

Мария Семёновна работала на окраине города: рыли противотанковые рвы. А город пустел. Мила бродила по двору в ожидании мамы. Она осталась одна под присмотром Громовых. Вот уже и Громовы грузятся на машину. Одинокую Милочку они решили взять с собой: уже слышна канонада орудий за городом, а Марии Семёновны всё нет. Но не успели увезти девочку – прибежала мама.

Мама была учителем в детдомовской школе. И теперь ей было поручено на лошади уезжать из города, взять с собой группу детей детдома и определить по дороге их в другой детдом. Так и было сделано.

Дальнейший путь Мила помнит нечётко. Однако помнит, что частично они ехали в поезде. А в конечном счёте попали в Краснодарский край, станицу Брюховецкую, хутор Полтавский. Мария Семёновна стала работать в школе. Мила пошла в 3-й класс. Жили на квартире у хуторян.

Однако немцы вскоре вошли и на Кубань. Райком партии рекомендовал эвакуированным уходить с Кубани, так как немцы к таким лицам (беженцам) особенно жестоки.

Брюховецкий райком выделил транспорт для эвакуации. Людей довели до какого-то пункта, а дальше самостоятельно. Толпы людей шли пешком. Они вышли на военно-грузинскую дорогу, продвигаясь к Каспийскому морю. Путь был тяжёлым. По дороге шли и мирные люди, беженцы, и отступающие

советские войска. Солдаты на машинах обгоняли беженцев. Иногда давали еду детям.

Немецкая авиация старалась настичь отступающих и бомбила и расстреливала пулемётами всех подряд – и военных, и мирных. Во время таких налётов люди разбегались в сторону от дороги, прятались. Мария Семёновна обычно прикрывала дочку собой. После налёта оставшиеся в живых снова выходили на дорогу и продолжали путь. А картина рядом была, конечно, ужасной: стонали раненые, плакали, лежали убитые.

Мила рассказывает, как одна молодая мама потеряла во время налёта двух детей. А потом не могла найти их и сошла с ума. Страшно было видеть, как молодая сумасшедшая мать, растрёпанная, в слезах металась взад и вперёд по дороге, окликая детей. А дети чуть позже нашлись впереди. Их взяли и подвезли солдаты на машине.

Наконец вышли к Каспийскому морю. Здесь скопились массы людей. Большими морскими паромами людей перевозили на другой берег моря. Попали на паром и Мила с мамой. А среди беженцев обнаружился тиф. Он косил больных. Трупы матросы укладывали на широкие доски и сбрасывали в море.

Вот и переплыли Каспий. Теперь оказались на берегу Туркмении, в порту Красноводск. Песок, жара и опять же толпы людей. Здесь заболела Мила. Поднялась высокая температура. Медицинской помощи

нет. Мать выхаживала, как умела. Но что делать дальше? Куда идти?

И тут появились вербовщики на работу на Уральских заводах. Понятно, что когда наши войска отдавали немцам города Украины, Белоруссии, то правительство пыталось всё-таки вывезти вглубь страны некоторые важные для производства военной продукции заводы, предприятия, в частности, на Урал, в Зауралье.

Вербовщики забирали у согласившихся на работу документы (паспорта) и одновременно брали над ними шефство: обеспечивали питанием, платили за проезд и т.п. Завербовалась и Мария Семёновна.

Людей везли на Урал товарными поездами, эшелонами. Расписания движения для таких поездов не было. Они шли по мере возможности, когда можно было их пропустить. Поэтому эшелон то быстро-быстро бежал, то долго-долго стоял.

Однажды стал на несколько часов на станции Чиили в Казахстане (Кзыл-Ординская область). И Мария Семёновна вспомнила, что их соседи в Днепропетровске, родители невесты её сына Игоря, Громы успели сказать перед эвакуацией, что их завод эвакуируется в Казахстан, на станцию Чиили. Она спросила на всякий случай у местных ребят, не знают ли они здесь Громовых. – Кто же их не знает, – отвечали ребята. Громов – это директор завода.

– А далеко они живут от станции?

– Нет, совсем близко. Вон тот дом их.

По просьбе Марии Семёновны ребята сбегали к Грозовым и сказали, что на перроне, у поезда их ждут Трескуновы из Днепропетровска. И вскоре Людмила Громова (невеста Игоря) с мамой бежали к поезду. Они стали категорически настаивать, чтобы Мария Семёновна с Милой сошли с поезда и остались у них. Уговорить было нетрудно после стольких мытарств, испытанных мамой и Милой. Но паспорт ведь у вербовщика. Жена Громова нашла его и выкупила паспорт.

Так начался новый этап жизни – в Чиили Кзыл-Ординской области (это в 3 часах езды поездом от областного центра – Кзыл-Орды). Вот уж поверишь в судьбу. Пройдет ещё 10 лет, и мы с Милой, семейная пара, приедем сюда, в Кзыл-Орду, после окончания университета на работу в Кзыл-Ординский пединститут. Побываем и на станции Чиили (по-казахски Шиели – ‘вишнёвая’).

Мама стала работать в школе в Чиили, а Милу отдали в 4-й класс. Но возникли новые трудности, волнения. Мила в школе ничего не говорила, не отвечала ни на какие вопросы. Такое состояние вполне можно было понять. После стольких ужасов, выпавших на долю маленькой девочки, у неё произошло какое-то нервное, психическое расстройство. Беспокоили дальнейшие последствия. В школе решили так: пусть Мила ходит в класс, слушает, читает, а спрашивать у

неё уроки пока никто не будет. Так и поступили. А через некоторое время девочка оттаяла и стала говорить на уроках. Да так говорить, что закончила учебный год отличницей.

Странное дело, но даже в годы войны проводились учительские конференции. Весной в Алма-Ате состоялась республиканская учительская конференция. Мария Семёновна была её участницей. Она поехала в Алма-Ату ещё и потому, что узнала, что в Алма-Ате живёт в эвакуации жена Володи с двумя детьми. Встретились. Татьяна жила как подселенка в одной комнате трёхкомнатной квартиры. Она предложила Марии Семёновне приехать в Алма-Ату. Это предложение совпало с предложением одной алма-атинской школы, директор которой участвовал в учительской конференции и которому понравился доклад Марии Семёновны, перейти на работу в данную школу. Так Мила с мамой оказались в Алма-Ате. Здесь Мила пошла в 5-й класс. Но это уже был 1944 год.

Теперь мама, Мария Семёновна, после тяжёлых испытаний тяжело заболела, и её увезли в инфекционную больницу на Алма-Ату-1. Алма-Ата-1 – это как бы пригород Алма-Аты-2 (столицы Казахстана). Алма-Ата-1 находится в 5-6- км. от Алма-Аты-2. Это ж/д станция. Две Алма-Аты соединяет железнодорожная линия, автострада.

Неожиданно в эти же дни Таня собралась возвращаться в Днепропетровск (он уже был освобождён). И уехала. А Мила осталась одна.

Однажды она, насушив из пайков хлеба, получаемых по карточке, немного сухариков, сложила их в узелок и поехала на Алму-Ату-1 к маме. По дороге она заснула и проснулась на коленях какого-то старика, который осторожно разбудил её при въезде в Алма-Ату-1 и спросил, куда она едет, где ей выходить? Дедушка сошёл с нею и помог найти больницу. Пройти в больницу не разрешали, но медсестра, выслушав девочку, подвела её к окну палаты и велела ждать. А потом в окне показалась мама. Но она была совсем не похожа на маму. Это был лысый, опухший мужчина. Такой стала мама. В сумерках Мила возвратилась домой. Она перестала ходить в школу. Учителя взволновались. Узнали, что состояние здоровья Марии Семёновны весьма критическое, что шансов на выздоровление мало. Одна из учительниц (словесница, одинокая) решила Милу удочерить. Но Мария Семёновна всё-таки поправилась и приехала к дочери, болезненная ещё, опухшая, лысая.

Наступил 1945 год. Конец войны. Возвращались солдаты. Приехал к семье и хозяин трёхкомнатной квартиры. Он потребовал, чтобы Мария Семёновна с Милой освободили комнату, тем более, что она и давалась не им, а Тане. Пришлось уходить. Некоторое время жили на квартире в семье одной одноклассницы

Милы. А затем их взяла к себе другая одноклассница – Шура Вашуркина. Это была бедная и очень добрая семья. Отец Шуры работал сторожем в райкоме комсомола, мать – домохозяйка. Однокомнатная квартира в небольшом доме. Родители Шуры, сама Шура и Мила спали в комнате, а Мария Семёновна – на чердаке. Отец Шуры приставил к стене надёжную лестницу. Так жили, работали, учились. В школе Мила отличница, комсомольский вожак, а за стенами школы – беспризорница. Но так жить можно было только летом.

К зиме Марии Семёновне дали ордер на жильё. Оно представляло собой кладовку трёхкомнатной квартиры. В двух комнатах жил с семьёй доцент сельхозинститута, в одной (изолированной) – одинокая женщина, участник войны (медсестра), а кладовку назначили Марии Семёновне. В кладовке было узкое окно. Площадь примерно 6 м<sup>2</sup>. Вселяться пришлось с милицией, так как доцент не пускал в кладовку. Вселились. И это был для Милы и мамы рай. Маленький, но свой уголок.

Когда мы познакомились с Милой, они в этой кладовке и жили. Позже я понял, почему Мила поначалу никак не соглашалась, чтобы я проводил её к квартире и тем более в квартиру. Она, наверное, стеснялась. Дом, в котором они жили, был трёхэтажным, многоквартирным, длинным. Они жили на третьем этаже. Дом был в центре города, поблизости от ТюЗа, от театра оперы и балета.

Будучи ещё школьницей, она пришла заниматься в ТЮЗ, в детскую театральную студию, которой руководила знаменитая Наталия Сац. Она тогда была в Алма-Ате в эвакуации. Наталия Сац очень привязалась к Милочке и когда возвращалась в Москву, предложила Миле ехать вместе с нею. Обещала её опекать и сделать из неё известную артистку. А как же одинокая и больная мама? И, слава богу, Мила осталась дома.

В 1949 г. она окончила школу с золотой медалью. Её сочинение на аттестат зрелости в числе 10-ти лучших сочинений было опубликовано в специальном республиканском сборнике сочинений 1949 г.

Золотая медаль в те годы давала право поступать без экзаменов, без собеседований в любой вуз СССР. Горком комсомола предложил ей рекомендацию либо в МГУ, либо МГИМО (институт международных отношений). Но материальное положение её мамы не позволяло жить и учиться дочери далеко от дома. В результате Мила подала свой золотой аттестат на филологический факультет КазГУ им. С.М. Кирова (Алма-Ата).

На 1 курсе Мила подружилась с сокурсницей Талей (Сталиной) Казанской (теперь – Ковалёвой). Таля приехала в Алма-Ату из Фрунзе (столица Киргизии, ныне Бишкек). Её отец работал там в ЦК компартии Киргизии. Но во Фрунзе тогда (в 1949 г.) не было ещё университета. Отец привез её в Алма-Ату и устроил на квартиру к своему приятелю, корреспонденту газеты

«Правда» по Казахстану, Третьякову. Квартира была большая, благоустроенная. Но Тале там что-то не понравилось, и Мила с мамой взяли её к себе в свою клетушку. Трудно даже представить, как они втроём там помещались. Таля училась в КазГУ 2 года, а потом перевелась в Саратовский университет, т.к. её отец перешёл на работу в Саратов в качестве директора Поволжского издательства.

Дружба наша с Талей (и её семьей) не прерывалась. Таля работала в СГУ, затем в музее К.А. Федина. А сейчас на пенсии. Она, её взрослые дочери с семьями живут в Саратове. Муж скончался.

Как это ни странно, но получается, что мне надо благодарить и войну, так как иначе мы не встретились бы с Милой в Алма-Ате, и материальные трудности её семьи, так как иначе Мила уехала бы в Москву. Не уехала Мила в Москву, и мы встретились с нею в Алма-Ате.

Через 2 года нашей дружбы мы пришли к её маме и сказали, что мы хотим жить вместе. Кстати, это было 8 июля 1951 г. Много позже этот день в России стал называться Днем любви, семьи и верности. Так совпало.

Мама Милы, конечно, взволновалась, спросила: Не рано ли? Обо всём ли подумали вы? На все её вопросы мы отвечали уверенно и в свою пользу. Июль – начало каникул. Поэтому вскоре я поехал домой, в Иртышск поговорить с мамой. Моя мама категорически не

согласилась. Милу-то она не видела, не знала. А знала лишь одно, что её сыну только в августе будет 20 лет всего, что он сам ещё дитя и что муж из него, глава семьи ещё никакой. Рано!

С тем и вернулся в Алма-Ату. Вообще-то говоря, маму мою тоже понять можно. Основания были. Да ещё и характер у неё был несговорчивый, непокладистый, резкий. Но ведь мы с Милой всё уже решили. Поэтому в Алма-Ате я сказал, что моя мама согласна.

Проблема была с жильём. Найти квартиру было трудно. Наконец я решил обратиться за советом к Афанасию Михайловичу Садовому, бывшему другу моего отца в Иртышке. Они были в Иртышке в числе первых комсомольцев, а потом их вместе исключили за склонность к буржуазным идеалам, за некомсомольское поведение, выразившееся в том, что они стали приходить в клуб на танцы в галстуках. Отец мой позже стал бухгалтером, а А.М. Садовой дослужился до директора совхоза «Северный» Иртышского района. Теперь же он в Алма-Ате работал в каком-то сельхозуправлении.

Выслушав меня, А.М. Садовой предложил мне обратиться к сестре его жены Татьяне Ильиничне Архиповой, которая, однако, в эти дни находилась в доме отдыха под Алма-Атой.

Я вызнал адрес дома отдыха и на автобусе приехал туда. Нашёл Татьяну Ильиничну, представился ей и

попросил помочь нам с квартирой. Она много удивлялась, что я сын Гриши Кадькалова (которого она хорошо знала по Иртышку), что я «вылитый Гриша», а потом сказала, что у неё всего 2 комнаты, а ещё есть двое больших детей. Тесновато будет. Но она согласна помочь нам с Милой. В результате 30 сентября 1951 г. мы поселились в маленькой угловой комнатке у тети Тани.

Мы навсегда сохранили благодарность тёте Тане за её доброту. Мы жили у неё до отъезда на работу в Кзыл-Орду. Это был наш райский уголок. Из комнатки мы убегали в университет, а вечером сюда возвращались. Счастливы были безмерно!

Тетя Таня опекала нас, как родных детей, помогала советами, подсказками. Один из советов был очень серьёзный. Месяца через два она спросила: «А я не пойму, вы зарегистрированы в браке или нет?».

– Тетя Таня, а разве это важно? Мы счастливы, а регистрация – это ведь бумажная формальность.

– Нет не формальность! – не согласилась она. Я это знаю на своём опыте. Мы с моим Димой, как и вы, жили семьёй и не регистрировались. Когда началась война, его скоро призвали: он стал офицером. А потом жёнам офицеров платили деньги (аттестат назывался), а мне не платили, т.к. брак не был юридически оформлен. Я думаю, что вашего счастья не убавится от того, что вы регистрируетесь.



После этого разговора мы побежали в ЗАГС. Нас записали и предложили прийти через 3 дня. Я возмутился: почему через 3 дня, если мы уже живём вместе. Отвечали, что таков порядок, закон. Пришлось ещё раз приходить. Нас зарегистрировали 15 декабря 1951 г. в день Сергея. По совпадению мы позже защищали диссертации тоже 15 декабря 1967 г.

Уехав в Кзыл-Орду, мы не теряли связи с тётёй Таней. Более того, когда её дочь, Тамара, окончила школу, мы взяли её в Кзыл-Орду, и здесь она закончила успешно физико-математический факультет. После окончания пединститута Тамара уехала в Литву, в г. Паланга (там жила её двоюродная сестра с мужем) и преподавала математику в школе.

В 1971 г. мы с дочкой Олей, по приглашению Тамары, 2 недели отдыхали в Паланге, курортном городке на берегу Балтийского моря. К сожалению, теперь наша связь прервалась.

Возвращусь к 30 сентября 1951 г. В этот день переезда к тете Тане, мы решили организовать маленькое застолье, свадьбу. Пригласили Садовых, нашего друга Володю Цоя, тётю Таню с детьми, маму Милы, моего брата Толю (он учился тогда в Алма-Ате, в автошколе), т.е. 8 человек без нас.

В этот день мы с Володей Цоем принесли со склада университета железную кровать, матрац, суконное одеяло и комплект постельного белья. Несли пешком через весь центр города.

Но свадьба прошла действительно «без нас». Оказалось, что на 30 сентября (кстати, потом мы узнали, что это день Веры, Надежды, Любви) назначена отчётно-выборная комсомольская конференция факультета. Мы пришли и попросили нашего секретаря, Жору Мизонова, отпустить нас по уважительной причине. Мизонов, бывший фронтовик, ответил чётко: «Никуда вы не уйдете! А ты, Юра, будешь председателем конференции!». По итогам конференции меня избрали секретарём нового комитета комсомола филфака. Конференция закончилась поздно вечером. Когда прибежали домой, гости наши уже разошлись.

Факультетская комсомольская организация была большая. В ней было более 800 членов ВЛКСМ. В состав филфака, кроме отделения русской филологии, входили также отделение казахской филологии, отделение журналистики, отделение логики и психологии. Секретарь такой большой организации приравнен был к 1-му секретарю райкома комсомола. Мне полагалась зарплата. Но меня предупредили, что её будет получать 2-ой секретарь комитета комсомола университета, т.к. фактически он (как и 1 секретарь) освобождённый работник (он был аспирантом), а по штату – нет.

Весной 1952 г. у нас родился сын, Сережка. Я заканчивал 4-й курс, а Мила -3-й. Никаких декретных отпусков не было. Мы бегали поочередно на лекции, на

экзамены. И хорошо сдавали. Кстати, на какие средства мы жили, и за квартиру платили?

Конечно, мамы немного нам помогали. Как могли. Но главное в том, что мы оба были именными стипендиатами и получали вместе 100 рублей (стипендия обычная тогда была 22 руб.), т.е. мы могли сами себя скромно обеспечить.

Серёжка скоро заболел пневмонией. Пришлось лечить, таскать на уколы и т.п. Выходили. Когда я окончил университет (с отличием), Миле надо было ещё год учиться. Возникли проблемы. Главная – где работать? Но к этому времени я набрал некоторый авторитет в комсомоле.

Летом 1951 г. меня вызвали в студенческий отдел ЦК ЛКСМК и предложили во время каникул прочесть несколько лекций (по заданию ЦК) по месту жительства (т.е. в Иртышском районе). Тематика лекций была разной: о странах народной демократии (т.е. о социалистических странах восточной Европы), об экономическом развитии СССР, культурная тематика и т.п. Предложение было достаточно выгодным, т.к. ЦК оплачивал мне дорогу в Иртышск и обратно, а также платил за прочитанные лекции.

Мне давали уже разработанные в основном тексты лекций: тезисы, список литературы. Предложили тезисы развить, наполнить ещё содержанием в короткий срок. Я согласился.

Мне дали командировочное удостоверение, путёвки для чтения лекций. Сказали, что Иртышский райком комсомола обязан взять на себя организацию лекций.

В Иртышке я прочитал 2 лекции. Ещё по 2 лекции прочитал в совхозах «Суворовский» и «Кутузовский». В совхозе «Суворовский» я встретился с моим бывшим учителем математики П.Г. Рушем. Он там был директором школы. Был на моих лекциях. У него я ночевал.

Осенью 1952 г. ЦК ЛКСМК назначил меня председателем комиссии ЦК ЛКСМК по проверке работы комсомольской организации медицинского института. В комиссию входили комсомольские активисты разных вузов. Поручение для меня было почетным и ответственным. Мы работали много. Тщательно.

Я подготовил отчёт (справку), его обсудили сначала в мединституте, а потом меня пригласили на заседание бюро ЦК ЛКСМК, где обсуждались итоги проверки.

На это заседание были приглашены также ректор института, секретарь парткома и секретарь комитета комсомола. Я кратко доложил итоги проверки и свои предложения. Обсуждение прошло спокойно. Видимо, моя работа понравилась членам бюро ЦК, потому что весной, когда я заканчивал университет, меня вызвали в студенческий отдел ЦК и зав. отделом сказал, что ЦК

предлагает мне после окончания учёбы работать в аппарате ЦК, в должности зам. зав. отделом вновь создаваемого отдела культуры. Зав. отделом уже был назначен.

В эти же дни к нам домой приехал 1-й секретарь горкома комсомола (он был раньше в КазГУ секретарём комсомола исторического факультета, поэтому мы знали друг друга). Он уговаривал меня пойти к нему в горком и дать отказ в ЦК. Вслед за этим меня вызвал секретарь парткома КазГУ Новак Григорий Иванович (бывший фронтовик) и предложил мне быть освобождённым секретарём комитета комсомола КазГУ (образовалась вакансия) и 0,5 ставки преподавателя на кафедре русского языка.

Подошёл день распределения выпускников на работу. Это было в кабинете ректора. Меня как именного стипендиата вызвали первым. Предложили должность преподавателя с полной ставкой в Кзыл-Ординском пединституте им. Н.В. Гоголя. Глаза разбежались от всех вариантов. Долго выбирали, пока моя мудрая жена не вынесла вердикт: общественная работа сегодня есть, а завтра нет; поедем в Кзыл-Орду, в пединститут. На этой ниве и будем работать. Так я отвёл все варианты и выбрал пединститут.

## КЗЫЛ-ОРДА

Мы приехали в Кзыл-Орду 27 июля 1953 г. Меня сопровождала Мила. Серёжка остался с Марией Семёновной, бабушкой. Ему было уже около 1,5 лет. Кзыл-Орда произвела на нас удручающее впечатление. Захолустный, провинциальный городок (хотя это областной центр), асфальта нет (центральная улица была мощёная булыжниками), строения в основном глиняные и, конечно, одноэтажные. Климат жаркий.

Узнали, что в этом городе находится республиканская психбольница и лепрозорий (кажется, всесоюзного значения). Он находился примерно в 20-30 км. от города (это лагерь-больница для больных лепрой, т.е. прокажённых). Всё это с каждым днём всё больше пугало нас.

На первую ночёвку нас пригласили молодые преподаватели института к себе. Потом я пошёл с личным делом к ректору.

Этот визит запомнился странным случаем. Я пришёл в приёмную ректора. Секретарь узнала о цели моего визита и попросила подождать приёма. В руках у меня была папка с личным делом. Вскоре вошёл сюда весёлый молодой человек, которого, как я понял, здесь хорошо знали. Он сел рядом со мной и, увидев у меня папку «Личное дело», задорно похлопал меня по плечу, спросил: «Поступаешь?». Вопрос был естественным,

т.к. с 1 августа начинались вступительные экзамены в вузы. Но я-то думал не о вступительных экзаменах, а поступлении на работу. Поэтому дал утвердительный ответ. Мне было 22 года. Внешне я выглядел маленьким, щуплым пареньком, так что вполне мог сойти за абитуриента. Молодой человек ушёл, а секретарь ректората мне пояснила, что это студент 2-го курса филологического факультета, сын председателя горисполкома, Николай Алисов.

Через месяц, 1 сентября, я пришёл на первую свою лекцию по современному русскому языку на 2-ой курс. И вот тебе опять встреча! Среди студентов я увидел Николая Алисова, который сидел в полном оцепенении и со всей силой чувств уставился на меня. Скоро меня назначили куратором 2-го курса, да ещё избрали секретарём комитета комсомола пединститута. Николай Алисов дружелюбно относился ко мне и старался всегда помочь мне.

Мой первый визит к ректору (28 июля) был коротким. Он посмотрел моё личное дело, выразил удовлетворение, сказал, что сейчас подпишет приказ о приёме меня на работу и что с 1 августа я должен приступить к работе в составе приёмной комиссии. Для проживания пока направил меня в своеобразное общежитие для молодых преподавателей, приехавших из КазГУ. Это была квартира в избе из сырца-кирпича, представляющая собой маленький коридор и большую комнату. Здесь жили 6 парней из КазГУ (некоторых я

знал раньше). Здесь в углу была кровать наша с Милой. В этой комнате был и Саша Сербин, мой земляк.

Так жили недели две. Принимали вступительные экзамены. Правила тогда были не столь строгими, и Мила (будучи ещё студенткой 5 курса КазГУ) тоже помогала нам принимать экзамены. А потом она уехала в Алма-Ату на учёбу и чтобы собрать и проводить ко мне её маму с нашим малышом (Серёжкой). Они приехали ко мне к концу сентября. Свою алма-атинскую клетушку сдали государству, и её получил себе сосед по квартире. А Мила стала жить этот учебный год в общежитии КазГУ.

К приезду мамы с Серёжкой ректор дал мне двухкомнатную квартиру в глиняном бараке (все удобства во дворе), и я успел её немного побелить, покрасить пол, оконные рамы. Но нет ведь ни стола, ни стула. Я пошёл к коменданту студобщежития, и он дал мне на время 2 железных кровати, 2 комплекта постели. А из учебного корпуса мы с Сашей Сербиным принесли стол (из аудитории) и стулья. Из дощечек сделал я на шнурках настенные полочки для книг. Получился уютный дворец. Никто ни в чём помочь нам не мог. Рассчитывать можно было только на себя.

До конца учебного года мы купили себе свою постель, кровать и т.д. Стали богатеть.

Жили, конечно, в бедности несусветной. А вот чувствовали себя счастливыми. Верили в лучшее будущее, любили свою работу и друг друга

Этот год (1953-1954 учебный год) был для нас тяжёлым испытанием в том смысле, что нам обоим невыносимо тяжело было быть в разлуке. От тоски мы писали письма «надрывные» друг другу чуть не каждый день, перезванивались. Но надо же было вытерпеть, вынести и закончить Миле университет.

Приведу несколько отрывков из наших писем того года. Из письма от 23.08.1953 Милы ко мне после её возвращения из Кызыл-Орды в Алма-Ату для завершения учёбы: «Юрчон, почему от тебя не получаю писем? ... Я здесь нахожусь уже пятый день. Эти дни мне кажутся годами. ... Если бы ты знал, родной мой, как я скучаю по тебе. Так сердце болит. Я прямо писать не могу: руки заплетаются...»

Из письма марта 1954 г., когда я вернулся из Алма-Аты в Кызыл-Орду после участия в VII съезде комсомола Казахстана: «Юронька, родной! Два дня я сама не своя. Никак не верится, что тебя уже нет со мной. Вернее, не могу поверить, что ты действительно был здесь. Это как сон. Но зато, какой замечательный сон!... Приезжай ещё, а то я умру...».

Из моего письма Миле от 2 января 1954 г.: «С Новым Годом, моя любовь, моя радость, мое счастье! Родная моя Милчонка, как я люблю тебя! Как скучаю! Понимаешь ли ты, дурачулька моя, что ты значишь для меня. Ты одарила меня таким громадным счастьем, что мне иногда кажется, что я не выдержу его, захлебнусь им. Дома у нас все нормально. Мама и Сержик

здоровы. Вот только тебя нет с нами. А без тебя всё не в радость ... Родная моя! На областной комсомольской конференции меня избрали делегатом на 7-й съезд Казахстана. И это значит, что мы с тобой скоро встретимся в Алма-Ате. Как обниму и расцелую я тебя, моя ненаглядная! Каждый вечер (а не утром) срываю листок календаря, но дни идут так медленно, долго. Хочется сорвать сразу пачку. Всё у нас хорошо. Я получил зарплату и купил тебе шапку цигейковую. Привезу... Нагрузка у меня действительно большая: каждый день по 4 пары. Но ты не волнуйся. Я не очень устаю, все успеваю. ... Очень хочу к тебе. ... Наш Сержик – ёжик стал большой и очень непоседливый. Без конца в движении, бегаёт, прыгает, лезет на кровать, потом с кровати. Сам себе командует и сам с собой смеётся. На вопрос: где мама Мэми? Отвечает: «Мама нё-нё», (т.е. уехала). А потом показывает, как мама обнимала и целовала папу. Нос на его языке – мум, глаза – кара, луна – нуна и т.д.».

Хорошо, что сохранились старые письма. Они не только воскрешают наши прежние чувства, эпизоды личной жизни, но и отдельными штрихами показывают жизнь страны, показывают, как трудно, бедно мы жили (не только именно мы, но все в стране).

Вот Милочка пишет мне: «У меня трагедия с обувью. Туфли чёрные уже без подошвы, их носить, конечно, нельзя. А в босоножках вчера поломался каблук. Но я сама его забила и скоро что-нибудь куплю.

Денег мне не посылайте. Ведь у тебя нет рубашки, у мамы ни платья, ни пальто, нет постели, да и Сержик требует расходов. А я вчера отдала одной тётке 2 платья. Она их продаст, и я куплю что-нибудь на ноги». А чуть позже пишет, что «купила себе боты. В боты втокнула свои старые босоножки и чувствую себя замечательно (т.е. не я, а мои ноги). Тепло и сухо...».

А вот я пишу Миле перед её приездом ненадолго в Кзыл-Орду: «Милчононька! Купи мне писчей бумаги, а то не на чем писать лекции. Купи также патрон для электролампочки, выключатель и розетку. Ведь нам теперь провели электричество. Продуктами себя не нагружай. Здесь найдём что нужно. У нас в магазинах появилось растительное масло, маргарин, комбижир, а иногда бывает даже колбаса ... Манку Сержику я купил. Приезжай поскорее! Мы очень тебя ждем».

Мама Милы не хотела бросать учительскую работу. И мы были согласны с ней. Ей было тогда 58 лет. Я нашёл для неё работу в вечерней школе. Этот вариант показался удобным: днём она с Сережкой, а вечером я. Поскольку учебный год начинается с 1 сентября, а Мария Семеновна приехала к концу сентября, то недели 3 я заменял её в вечерней школе.

Когда же она приехала с Сережкой, мы поняли, что наши планы нереальны. Во-первых, я и по вечерам часто был занят. Во-вторых, мама весь день в работе: чуть свет надо занимать очередь за хлебом, молоком, днём ещё искать продукты, варить, смотреть за

Сережкой, кормить, а вечером работать в школе. Все это трудно выдержать. Пришлось отказаться от школы.

Зиму мы зимовали в предоставленной мне избе. Удобств никаких. Отопление печное. А я взял к себе ещё и своего школьного друга Сашу Сербина, который вместе со мной приехал из КазГУ в пединститут Кзыл-Орды.

Нагрузка у меня была большая – 48-50 часов в неделю. Я вел 5 дисциплин: историческую грамматику, современный русский язык (лексика, фонетика), спецкурс, практикум по русскому языку на филфаке и русский язык в казахской группе на естфаке.

Кроме того, когда из личного дела в пединституте узнали, что я был секретарём большой комсомольской организации, сразу рекомендовали меня секретарём комитета комсомола института. Я начал отбиваться. Говорил, что у меня большая учебная нагрузка, первый год работы, что у меня ребёнок. В ответ мне говорили, что всё-таки надо поработать, что это важно, а мы (т.е. они) поможем. Дело дошло до обкома партии, куда меня пригласили и объяснили, что иного выхода нет.

Теперь к учебной нагрузке прибавилась большая комсомольская работа. Меня тут же избрали членом бюро горкома комсомола и членом пленума обкома комсомола. И это всё заседания, выполнение их заданий. На подготовку к лекциям времени не хватало. Часто работал ночью, недосыпал. Но помогала молодость.

Была и польза. Меня избрали в состав делегатов на VII съезд комсомола Казахстана, и в марте я был в Алма-Ате и встретился с Милой.

Съезд назывался съездом целинников (1954 г., весна). Здесь я встретился, разговаривал (в группе делегатов) с первым секретарём ЦК ВЛКСМ В. Семичастным, который позже был председателем КГБ СССР и лишился поста после того, как выпустил за границу дочь Сталина, Светлану. На съезде ждали выступления Брежнева Л.И., который тогда был вторым секретарём ЦК компартии Казахстана (первым был П.К. Пономаренко). Но он мотался этой весной по целинным областям Казахстана и не выступил на съезде.

В самом начале моей работы в пединституте (в декабре 1953 г.) всем кзылординцам пришлось пережить угрозу наводнения. В декабре было ещё тепло. Река Сыр-Дарья, на правом берегу которой стоит г. Кзыл-Орда, от половодья вышла из берегов и залила окрестные территории. (Надо заметить, что у Сыр-Дарьи оба берега низкие и легко заливаются водой). Многие сёла, колхозы оказались под водой. Вода залила и железную дорогу. В результате оказалось нарушенным движение поездов через Кзыл-Орду. Уже это было серьёзным ЧП, так как Кзыл-Орда – большой железнодорожный узел. Через неё проходят все поезда на Москву: из Алма-Аты, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и обратно.

Когда вода подошла к Кзыл-Орде, в городе был создан штаб по борьбе с наводнением. Все транспортные и др. силы города, всё население было мобилизовано на водоборьбу. Вода окружила областной центр. Необходимые продукты, инструменты, сотни пустых мешков сбрасывали в город самолётами.

Студенты нашего института вместе с преподавателями круглосуточно (по графику) работали на берегу поочередно. Домой не уходили. Коротко отдыхали, обедали, дремали в аудиториях института (институт находился вблизи от берега) и снова шли на работу. На берегу мы делали широкую (чтобы машина могла по ней пройти) насыпь (помогали бульдозеры), заготавливали сотни мешков с песком и из них создавали стену. Однажды ночью река прорвала в одном узком месте сделанную насыпь и пошла в город. Большими усилиями, сотнями мешков с песком удалось-таки залатать брешь, предотвратить наводнение.

Во второй половине декабря уровень воды стал падать, угроза наводнения миновала. В институте началась зачётная сессия и подготовка к новому (1954-му) году.

А 31-го декабря, в новогоднюю ночь оказался ещё небольшой сюрприз. В актовом зале установили ёлку. Пришёл пожарник и запретил пользоваться конфетти и освещать ёлку электричеством. Но я, будучи секретарём комитета комсомола института, поддался

уговорам студентов и разрешил осветить ёлку электролампами. В полночь в шуме от хлопушек ёлка загорелась. Огонь пополз к потолку, к проводам. Мог вспыхнуть пожар. Я велел сломать ёлку. Убрали ёлку, битые игрушки, а потом продолжились танцы.

Весной 1954 г. Мила окончила университет (с отличием), и мы договорились летом вместе с сыном поехать в Иртышск, к моей маме. До сих пор мама не видела Милу.

Добраться до Иртышска, да ещё с ребенком в те годы было непросто. Только окольными путями, как говорят в народе, вкруголя. Получив отпуск в начале июля, мы с моим земляком и другом Сашей Сербиным и его женой Юлей Кан отправились в Иртышск, взяв с собой и маленького Серёжку. Скоро доехали до станции Арысь (недалеко от Ташкента). Здесь нам предстояла пересадка на поезд «Ташкент-Новосибирск», который идет через Алма-Ату и Семипалатинск. В Семипалатинске нам нужно было попасть на пароход «Семипалатинск-Омск», который идет через Иртышск.

Арысь была заполнена транзитными пассажирами. Поезд из Ташкента приходил через сутки. Серёжку и Юлю Кан нам удалось определить на ночёвку в комнату матери и ребенка. При этом Юлю я представил в качестве моей жены. А мы с Сашей Сербиным пошли ночевать на скамейку в привокзальном сквере. Благо, что ночи в Арыси в июле очень тёплые. А дни жаркие.

С утра следующего дня у кассы толпилась большая очередь за билетами. Люди шумели, ругались, толкались. Нам удалось прокомпостировать билеты до Семипалатинска через комнату матери и ребёнка. Билеты были в общий вагон, и, конечно, без указания места. В середине дня пришёл поезд. Вагоны были старые, деревянные, узкие. Посадка была ужасной. Опять толпы людей в жёсткой борьбе, в крике и драке штурмовали вагон, в котором и мест-то свободных почти нет. Мы с Сашей влезли в вагон. А Юля с Серёжкой на руках осталась на перроне. Поезд тронулся. Что делать? И я сорвал стоп-кран. Поезд стал. Проводник с бранью подбежал выяснять, кто сорвал стоп-кран. Я сознался. И спросил его: «А что мне делать, если жена с ребенком не смогла пролезть в давке в вагон и осталась на перроне?». Проводник стих. Позвал Юлю с ребёнком и помог влезть в вагон. Так поехали и на следующий день прибыли в Алма-Ату.

С проводником вагона мы уже подружились, и я попросил его перед Алма-Атой купить мне билет для жены (для Милы), которая ждёт нас в Алма-Ате. И он выполнил мою просьбу за небольшую плату.

Когда я вышел на перрон, чтобы взять Милу, она не узнала меня: настолько я выглядел усталым, измученным. Сказалось, вероятно, и то, что прошедшей весной я переболел бронхитом.

Ещё через полтора суток мы приехали в Семипалатинск. Через 2 дня должен был пойти пароход



на Омск. А пока нам удалось поселиться в маленькой гостинице при речном вокзале. Заранее я купил 2-х местную каюту, и вот, наконец, мы отчалили из Семипалатинска.

Трое суток плыли по Иртышу. Это было прекрасное путешествие. Спокойно, уютно, свежий воздух. А красота неопишная! Иртыш намного уже Волги. Поэтому с палубы хорошо видны берега и всё, что на них происходит: растёт, бежит, передвигается и т.д.

Мама встретила сноху настороженно. Что ж это за птица, что так быстро охмурила её сына? Но вскоре поняла, что птица и в самом деле хорошая. Иногда спрашивала у своих знакомых: «Ну, правда ведь, что сноха у меня очень красивая? А умница! Юрка знал, кого выбрать».

Впоследствии мы часто ездили летом в Иртышск, и мама приезжала к нам, А когда она сильно заболела, то были там каждый год. Мы хотели её перевезти в Саратов (когда переехали в Саратов), но она отказалась, сказав, что Иртышск – это моё родное место, здесь похоронен мой Гриша, мои родители, другие родные и друзья. Здесь пол-Иртышска – это мои ученики и друзья. Все ко мне приходят, помогают. Здесь ещё много моих родственников. А в Саратове, на этаже, я никому неведома и не нужна. Она скончалась в 1982 г. Ей было около 70 лет.

Показательны 2 эпизода. На другой день после похорон мы побывали на могиле (обычай). А затем Анатолий, брат, повёз нас на машине в степь, и мы сожгли её одежду, бельё, почти всё, что нажила учительница. Нехитрую мебель отдали соседям. Однокомнатная квартира осталась райисполкому.

Другой эпизод. Хоронили 5 февраля. Мороз. Холод. Играл духовой оркестр. После погребения я подошёл к замёрзшим оркестрантам и предложил деньги за их труд. Они отказались, сказав мне: «Это наша учительница, и денег мы не возьмём». Я попросил водителя отвезти их в школьную столовую, где был поминальный обед, и накормить.

В 1989 г. Мила предложила свозить наших внуков (Надю и Алешу) на родину дедушки (т.е. мою), чтобы они познакомились с Иртышском. И мы поехали. Погостили в Павлодаре (облцентр) у моего родного брата Валерия. Он свозил нас на машине в Иртышск. Надя и Алешка купались в Иртыше, познакомились с моими родственниками. Это было уже после кончины моей мамы.

Возвращусь в нашу Кзыл-Ординскую жизнь. В 1954 г. на нашей кафедре стала работать и Мила. При распределении на работу ей предложили Карагандинский университет (и даже меня обещали туда перевести), но я настоял, чтобы мы были оба в Кзыл-Орде. К этому времени мне дали хорошую (по тем условиям) квартиру, и мы были счастливы.

Работали много, увлечённо. Уставали.

В 1957 г. родилась наша дочка, Оля. Забот прибавилось. Но нас выручала мама Милы, Мария Семёновна. Она смотрела за детьми, кормила нас. А мы были целиком в работе, хотя от детей и домашних забот совсем не отлучишься. Дети болели, и их надо было лечить, а затем следить за их учёбой в школе. Воскресные дни уходили полностью на уборку квартиры, походы на базар и т.п. В другие свободные часы готовились к лекциям, а затем собирали материал для диссертаций.

К городу постепенно привыкли, а пединститут даже стал нравиться. В годы войны в Кзыл-Орде находился в эвакуации Киевский университет. Они привезли с собой хорошую библиотеку. Здесь работали крупные учёные. После киевлян осталось немало ценных книг, и сохранялись учебные и научные традиции.

Не все киевляне могли уехать в Киев сразу. Киев надо было отстроить после войны. В 1953 году из КазГУ в Кзыл-Орду было сразу направлено 10 молодых специалистов, т.к. киевляне уезжали, и их надо было сменить (конечно, не заменить). Но я ещё, приехав в Кзыл-Орду, застал там ученицу акад. Л.А. Булаховского Водолажченко, которая заведовала кафедрой русского языка. В этом же году она уехала в Киев. Здесь был ещё профессор Музычка. На факультете естествознания задержались эвакуированные из Ленинграда доценты

Крень А.К., Антипин В.М. и др., т.е. в Кзыл-Орде была прослойка хороших специалистов. На филфаке работал ссыльный акад. Кенесбаев, а на физмате работал талантливый математик проф. Тайманов А.Д. (его держали в Кзыл-Орде, потому что он был в плену у немцев). Впоследствии Тайманов А. взял с собой в Новосибирский научный центр акад. Лаврентьев М.А., Тайманов стал тоже академиком. Были и другие интересные люди, т.е. Кзыл-Ординский пединститут не был захолустным.

Проработав 20 лет в Кзыл-Ординском пединституте мы, естественно, знали весь коллектив института. Некоторые стали нашими друзьями. О многих сохранили добрую, благодарную память. Часто вспоминаем их. Это, в частности, ректоры института К. Жаманбаев, А. Ермаков, Б. Усербаев, О. Камардинов; проректоры – Н. Быкова, А. Канцев, Ю.К. Увалиев, Н.Ф. Пак, С. Бекбаев, Н. Кунхожаев; деканы – С.В. Шкуридин, Ф.Т. Гришко, Н. Жунусов, К. Ахметов, А. Тажмагамбетов, А. Оразалиев; профессора – С. Кенесбаев, А. Конратбаев, С. Елубаев, Е.И. Ривлин, М.С. Авербух, И. Калинин; доценты – В.Н. Смирнова, А.К. Крень, В.М. Антипин, А.П. Иванов, А.Н. Сторожев, Н. Даркулов, М. Киреев, Е.П. Ваганов, Е.Н. Ким, С.П. Вашкевич, В.М. Мирошников, В. Цой, А. Турбеков, Х. Нугманова, Л.А. Пакина, А. Шамшатова, М. Жапасбаев и др. Некоторых (даже очень многих), к сожалению, нет уже в живых

Город Кзыл-Орда имеет своеобразную историю. Он основан в 1820 г. Это был азиатский город Ак-Мечеть (т.е. «Белая церковь»). На город дважды наступал Оренбургский корпус. Первый поход Оренбургского военного корпуса под командованием графа, генерал-полковника В.А. Перовского был предпринят в 1839-1840 гг. Но поход был неудачным. В этой компании, кстати, участвовал известный русский лексикограф В.И. Даль в качестве помощника командующего и врача.

Второй поход в сторону Хивинских территорий, на Ак-Мечеть, состоялся в 1853 г. (Даль уже был в Петербурге). Ак-Мечеть была покорена. Город был переименован в Перовск. С таким названием он был до 1925 г., когда здесь, впервые в Казахстане, была установлена советская власть. Город стал первой столицей советского Казахстана и получил казахское название Кзыл-Орда (*кзыл* по-казахски 'красный', *орда* – 'стан'), т.е. Красный Стан, Красная столица. В статусе столицы Кзыл-Орда была 2 года. В 1929 г. столица была переведена в Алма-Ату (ранее г. Верный). Когда в Кзыл-Орде появился пединститут (1937 г.), то он занимал здание ЦК партии.

История пединститута тоже своеобразная. В 1937 г. была война на востоке, на Халхин-Голе. В этих условиях советское правительство депортировало с востока корейцев (в Казахстан, Узбекистан). В Кзыл-

Орду был переведён Дальневосточный корейский пединститут. Так возник пединститут в Кзыл-Орде.

В Кзыл-Орде проживало много корейцев. Был одно время корейский театр (его позже взяли в Алма-Ату). Выходила здесь всесоюзная корейская газета «Ленин кичи» (ленинский путь).

В Кзыл-Орде, кроме казахов, было много корейцев, греков, евреев и, конечно, русских и украинцев. Межнациональные отношения были очень хорошие. Не было никаких конфликтов на этой почве. К нам казахи относились даже с любовью. Во всём помогали. И мы относились к ним так же. Приведу два примера.

В 1966 г. мы закончили учёбу в аспирантуре МГУ и вышли на защиту. Защищались в один день, на одном заседании диссертационного совета МГУ. Когда мы вернулись после защиты домой, (мы жили в высотном здании МГУ на Ленинских горах, в общежитии), то вся дверь комнаты была утыкана поздравительными телеграммами из Кзыл-Орды (десяток полтора телеграмм). Защита была 15 декабря. В Кзыл-Орду мы вернулись накануне Нового года (дня за 3-4). Поезд пришёл в 9 часов вечера. Мы выходим из вагона, а нас встречает толпа наших коллег. Здесь и деканы, и проректор и др. Нас посадили в машину и повезли домой. Остальные встречающие едут за нами. Думаю: чем же мы будем их угощать? Их много. А дома у нас оставались дети (сын и дочь) с моей мамой (мы специально её вызвали; она ещё была здорова). А мама

Милы уже умерла в 1965 г. Когда мы вошли в нашу квартиру (из 3 комнат), то увидели, что в зале полностью накрыт большой стол со всеми яствами. Это всё сделали наши коллеги. Вот так сюрприз!

Второй случай. Мы прошли по конкурсу в Саратовский пединститут. Я объявил об этом ректору Кзыл-ординскому. Он очень расстроился, а потом сказал, что сделает всё, чтобы нас не отпустить. А как? Он сказал, что нас не снимут с партучёта (мы были членами КПСС), что Кзыл-Ординский обком партии будет просить Саратовский обком отменить конкурс в пединституте и т.д. Теперь я расстроился. Через пару дней я был на приёме у секретаря горкома компартии В.Г. Ковалёва. Он сразу обвинил меня в дезертирстве, объяснил, что в Саратове доценты найдутся, а в Кзыл-Орде с этим труднее и т.д. Я отвечал, что мы приехали в Кзыл-Орду по распределению для обязательной отработки на 2-3 года, отработали 20 лет. Согласен, что сейчас здесь не хватает специалистов с учёной степенью. Но что нам делать? Если ждать, пока появятся ещё доценты и профессора, то мы выйдем на пенсию и никому не будем нужны. Нас ведь тоже можно понять. Сейчас нас берут, а потом нет. Ковалёв выслушал меня и сказал: «Да что там говорить, прав ты, конечно. Не буду я препятствовать вашему отъезду». Вот и договорились.

Дальше всё пошло гладко. Смирился и наш ректор. За несколько дней до нашего отъезда в Саратов нас

пригласили к ректору. И он сказал: «Спасибо Вам за работу. Но так просто мы вас не отпустим. Сейчас мы с вами пойдём в институтскую столовую и попрощаемся». В столовой были накрыты столы. Присутствовала вся элита института: ректор, проректоры, деканы, ведущие профессора и доценты разных факультетов. Ректор сказал: «Мы старались удержать Кадькаловых. Но что поделаешь, они едут в более крупный город, в более крупный вуз. И препятствовать им было бы нечестно. Но мы не будем терять с ними связь. Приезжайте к нам. Пишите. Мы будем считать, что в Саратове мы открыли филиал Кзыл-Ординского пединститута». После прощального обеда, подаренного нам, подошёл к нам зав. кафедрой ботаники доцент Даркулов Н. (наш сосед по дому). Он сказал: «Юра и Мила! В течение многих лет вы добросовестно работали у нас и всегда делили с нами все наши радости и печали. Вы всегда были отзывчивыми. Все были дружны с вами. Вы никого не обидели. Ваши друзья, коллеги решили немного помочь вам. Вот вам 800 руб. Не отказывайтесь. Это от чистого сердца. А вы едете на новое место. Будут проблемы, трудности. Эти деньги пригодятся». Они пригодились скоро, потому что по приезде в Саратов ректор и партком нам помогли сразу вступить в ЖСК. А здесь потребовали первый взнос – 1200 руб. Кзыл-Ординский подарок очень выручил.

Хочу ещё кое-что добавить о городе Кзыл-Орде. Город расположен на берегу реки Сыр-Дарья. Поэтому сам город зелёный, как оазис в пустыне. В городе было много садов, в которых росли яблоки, груши, абрикосы, сливы, виноград, вишня, клубника, малина и т.п.

А за городом – пески, барханы, на которых растёт только верблюжья колючка и саксаул (низкорослый кустарник с волокнистым, жилистым стволом). Это полупустыня. Летом жарко – до 40°, зимой – -20°, -15°, т.е. зима со снегом. Сыр-Дарья замерзает. Река не судоходная. Изредка на ней появлялась какая-то баржа. Река не очень глубокая. Впадает в Аральское море, которое находится на территории Кзыл-Ординской области. Это море (по-казахски Арал) регулировало как-то климат на окружающей территории, посылало иногда дождь, прохладу. Но в 60-х гг. построили на пути Сыр-Дарьи гидроплотины, водохранилища, и река приходила к морю скудной. А море стало высыхать (такой же была судьба и другой реки, питающей Арал – Аму-Дарья). В 50-60-е годы возле ж/д станции «Аральское море» море было видно из окон поезда. А теперь видно только бескрайнее белое (соль) поле. Арал съёжился, почти высох.

В 1981 г. проездом из Саратова в Алма-Ату мы с Милой останавливались на 2 дня в Кзыл-Орде. Сыр-Дарью можно было перейти вброд. Город страдал от безводья. Воду давали только утром и вечером. Город к

1980 г. расстроился, вырос. Центр города было не узнать. Без сопровождения мы заблудились бы.

Сначала в городе был 1 вуз – педагогический. Потом появился ещё гидромелиоративный. Мелиорация имеет большое значение в области. Что можно выращивать в полупустынном климате? Представьте себе, самую водолубивую культуру – рис. Поле делится на квадраты (чеки) по 8-10 соток. Между чеками делают арыки (каналы) и пускают по ним воду. Она заливают чеки. Рис сеют прямо в воду. Зерно падает на дно и прорастает. А дальше искусство выращивания риса зависит от правильного регулирования уровня воды. Когда колос пробивается через воду, воду сбрасывают совсем, поле сохнет, колосья зреют.

Мы со студентами ежегодно убирали в колхозах рис. Работали серпами, вязали снопы, свозили их на ток для обмолота.

Обычные (крупные) комбайны здесь работать не могут, так как они проваливаются на мягкой, сыроватой почве, да и развернуться им нельзя на малых чеках. В 60-х гг. создали маленькие, маневренные комбайны для уборки риса.

На уборке риса студенты находились месяца полтора. А однажды после уборки риса в области нас перебросили в Пахтаральский р-н Чимкентской области на уборку хлопка. Это было недалеко от Ташкента, т.е. на границе Казахстана и Узбекистана. Здесь мы работали до декабря.

На сельхозработах были иногда и приключения. Так, однажды, ложась спать, я наступил (в юрте) на скорпиона, и он укусил меня в ногу. Мне показалось, что я наступил на иголку. А хозяин юрты определил, что это скорпион. Его укус опасен. Все всполошились. Студенты сбежали к юрте с флаконами духов, одеколонов, чтобы дезинфицировать место укуса. Опухоль на ноге держалась несколько дней. А потом всё зажило. Казахи говорили, что осенью скорпионы менее опасны, чем весной.

Другой случай. Я шёл к полям, где работали студенты, чтобы замерить участки, скошенные студентами. На плече нёс так называемый аршин, т.е. большой деревянный треугольник в виде циркуля. День был жаркий. Увидел на песке греющуюся змею. Решил убить её аршином. Подойдя поближе, с силой ударил аршином по змее. Но её реакция была мгновенной. Она резко, на лету бросилась на меня и, как пуля, пролетела мимо меня в нескольких сантиметрах. Я очень испугался и бросился прочь от этого места. Мне потом говорили, что здесь водятся змеи-стрелки. Они могут, развернувшись с положения спиралью, пролететь несколько метров.

В 1957-58 гг. мы работали со студентами 2 курса на уборке риса в колхозе «Большевик» Чиийского р-на. Оставалось два дня работы, т.е. до возвращения домой. Вдруг поздним вечером (часам к 11) ко мне в юрту прибегают девочки и говорят, что Лене

Головановой очень плохо: у неё сердце больное. Что делать? В бригаде врача нет. Я с двумя девочками побежал на автотрассу, которая была в стороне от бригады. Вот показались огни фар. Мы остановили грузовик. Всё объяснили. Шофёр-кореец оказался отзывчивым. Погрузили Лену на солому в кузове. Шофёр привез нас к какой-то больничке. Там сделали ей уколы и т.д. Мы до утра сидели и ждали. Утром привезли Лену в бригаду.

Однажды мы со студентами работали в колхозной бригаде в Чилийском районе. Осень. Как-то резко похолодало. День был пасмурный. Мы с моим коллегой, доцентом Ищановым Каримом Ищановичем, возвращались вечером с поля в свой стан. С удивлением замечаем, что на нашем пути появилась красивая, добротная юрта и рядом лошади, сторожевые собаки, бараны. Удивились мы тому, что ещё часа 3 назад, когда мы шли на поле, на этом месте никакой юрты не было. Карим Ищанович (он был заметно старше меня) предположил, что это, наверное, чабан пригнал сюда баранов от близкого предгорья в связи с похолоданием и поставил просторную юрту для своей семьи.

Мы замерзли, и мой коллега предложил зайти в юрту согреться, попить чаю. Это вполне отвечает казахским обычаям. Мы зашли. Действительно, хозяин нас принял очень радушно. Велел хозяйке, узнав, что мы преподаватели института, подать горячее мясо, чай.

Мы с удовольствием поужинали. А хозяин взял домбру (казахский народный смычковый инструмент с 3-мя струнами) и запел песню.

Песня была заунывной, тягучей, музыка монотонной. Но именно в этот час я вдруг понял, что музыка и песня замечательны. Они отражают прекрасно жизнь, быт кочевого, степного народа. Вокруг в степи завывал, свистел, стонал осенний холодный ветер. Даже снежная крупа посыпалась. И в этой обстановке песня вполне отражала состояние, настроение человека. На русский слух она была непривычной, странной. А если вслушаться, вникнуть, то она трогает чувства. В таких случаях яснее понимаешь, что искусство, культура, обычаи разных народов, конечно, вполне гармонируют с их условиями жизни.

Поблагодарив хозяина за тёплый приём, мы пошли в свой стан, к нашим студентам. Кстати, на этом полевом стане были только мы со студентами. Здесь из сырца-кирпича была длинная постройка – это столовая с кухней. А от неё двумя рукавами стояло 10-12 юрт. Посредине площадка для собраний, игр, танцев. Продукты нам привозил колхоз (мясо, картофель, хлеб, лук и т.д.) Иногда колхоз привозил машину арбузов и машину дыней. Они двумя кучами лежали возле столовой, и каждый мог взять себе. Пищу в столовой готовили наши девочки. Мы назначали для этого бригаду поваров (по желанию самих студентов).

Пединститут Кзыл-Ординский имел весь основной комплект факультетов: филфак, истфак (позже, как везде, был закрыт), физмат, естфак, ин.яз, музпедфак. Они располагались в трёх корпусах. Наш корпус (филфак, истфак) – это большое бывшее здание ЦК партии, одноэтажное, из сырца-кирпича, длинное в виде буквы П. От него шёл большой (на полквартила) двор. Его окаймляли жилые квартиры для преподавателей. Тоже из сырца-кирпича, поставленные в два ряда (по сторонам двора). Источник воды – 2 колодца. Туалеты – в углу двора. Учебный корпус отапливался печками. Топливо – саксаул и уголь.

Мы жили в одной из таких квартир во дворе института до 1961 г. В 1961 г. горисполком выделил 10 квартир пединституту в новом 4-х-этажном доме. Я был в эти годы председателем профкома вуза. Нам предложили представить кандидатуры на 10 квартир. Ректор предупредил некоторых членов профкома, что одну трёхкомнатную квартиру надо дать Кадькаловым: ему самому как председателю будет неудобно говорить о себе. В семье у нас было 6 человек: мы, двое детей, мама Милы и мой брат Валерий, студент.

Когда профком стал обсуждать кандидатуры, я отказался от квартиры (так наставляла накануне меня Мила) в пользу зав. кафедрой казахской литературы доцента Турбекова Актая, у которого было четверо детей и мать. После дебатов моё предложение прошло.

Не успел я вернуться домой, как к нам прибежала жена А. Турбекова. Она благодарила нас, целовала, плакала. Ректор не высказал мне ничего. Но когда я пришёл в горисполком за 10-ю ордерами (такой был тогда порядок: ордера давали профкому, а мы выдавали сотрудникам), зам. председателя, П. Могильников, сообщил мне, что пединституту дали 11 квартир, так как приходил к председателю горисполкома ваш ректор, и ему дали ещё одну трёхкомнатную квартиру для какого-то Кадькалова. Я был удивлён, сказал, что это я. Так мы переехали в новую квартиру. Когда мы при встрече благодарили ректора за заботу, он сказал, что квартиру заслужили не только вы, но и ваша мама, которая всю жизнь работала учителем и никогда не жила в нормальных условиях.

Второй квартирный случай произошёл в 1969 г. Я был секретарём парткома института. После защиты диссертации (окончив аспирантуру) в Москве, вернулся к нам Пак Марат Александрович. Мы избрали его зав. кафедрой физики. А квартирные условия у него плохие. По нашей просьбе ему предусмотрели трёхкомнатную квартиру в новом доме. Но в последний момент верхи передумали и наметили на неё некоего Абишева Э.Н. Я пошёл к секретарю горкома Шевцову А.И., высказал недоумение, обиду и сказал: «Ну, должны же быть хотя бы в горкоме правда, справедливость!» Секретарь горкома выслушал, взял трубку и сказал в трубку:

«Квартиру такую-то выпишите на доцента Пака М.А.» Я поблагодарил секретаря. А Марат получил квартиру.

Нам с ректором удалось также договориться с Министерством высшего образования Казахстана (мы принадлежали ему) о том, чтобы министерство выделило нам на паях с бюджетом города средства построить 70-ти квартирный дом. И построили. Институт получил более 40 квартир, т.е. квартирный вопрос в основном в институте был решён. Это помогало нам привлекать специалистов из других городов: мы обещали квартиру. И к нам приехали из Воронежа, из Орла, из Новокузнецка и т.д. Кандидаты и один профессор.

Всю эту работу мы (ректорат, партком) провели в 1968-72 гг. В эти годы я был секретарём парткома института. Меня избрали на эту должность сразу после защиты диссертации.

Должность секретаря парторганизации института, конечно, ответственная и хлопотная. В сущности, мы с ректором отвечали за всё в институте. Помню, что зима 1968 г. была очень морозной. И у нас в общежитии разморозились некоторые батареи. Это ЧП. Студенты мёрзнут. Горком партии поставил на бюро мой отчёт. Присутствовал и ректор. После отчёта все камни посыпались на ректора. В результате ему объявили строгий выговор и решили просить министерство высшего образования освободить ректора от должности. Кто-то из членов бюро заметил, что



почему-то секретарь парткома остался без наказания. Секретарь горкома сказал, что это потому, что он (т.е. я) только 2 месяца на этой должности. Бюро посчитало всё-таки этот аргумент неубедительным и объявило мне просто выговор. Оправдываться на бюро не принято.

А вскоре началась подготовка к 100-летию В.И. Ленина (1970 г.). Нам предложили рекомендовать лучших, опытных работников вуза к награждению, поощрению. Мы подали такие рекомендации в горком партии. Накануне 100-летия В.И. Ленина в актовом зале института секретарь горкома партии В.Г. Ковалёв вручил медали «За доблестный труд» некоторым нашим работникам. После этого торжества мы собрались в кабинете ректора, и здесь декан физмата (награждённый) сказал В.Г. Ковалёву: «Странно как-то выходит. Если бы наш секретарь парткома, Ю.Г. Кадькалов, не был секретарём, то я уверен, что он получил бы медаль как зав. кафедрой, как хороший преподаватель. А за то, что он выполняет большую партийную работу, да ещё и бесплатно, он не награждён». Ковалёв смутился и ответил: «Ну, не можем мы одной рукой выговор давать, а другой – медаль». Тоже верно. Однако месяца через два меня и ректора вызвали в горком партии и вручили медали. А Миле такая медаль была вручена раньше, на общем торжественном собрании.

Первые годы работы в Кзыл-Орде мы увлеклись учебной работой, общественной деятельностью,

воспитанием детей. Мила, например, руководила НСО, готовила студентов к участию в смотре самодеятельности. Но пора было задуматься о научной работе. Как приступить? В Алма-Ате в эти годы была аспирантура только по сопоставительной лингвистике (русский язык и казахский язык). Но вот толчок! В 1957 г. вышла монография О.С. Ахмановой (МГУ) «Очерки по общей и русской лексикологии». Книга нас увлекла, особенно проблема вариантов и тождества слова (*ноль – нуль, лиса – лисица, слесарить – слесарничать...*).

Я стал собирать материал в области существительных, а Мила – на глаголе. Получалось интересно. Мы написали О.С. Ахмановой о своей работе. Она быстро ответила, заинтересовалась и попросила привезти ей материалы. Мы напечатали 50-60 страниц и поехали в МГУ. Она одобрила нашу работу, предложила даже дать наши материалы в «Вопросы языкознания». Мы опешили. Будучи членом редколлегии этого журнала, она при нас дала наши бумаги О.А. Лаптевой и Н.И. Толстому (членам редколлегии). Через два дня Лаптева и Толстой сказали нам, что материал интересный, свежий, но ведь это не статьи. Из этого сырья можно делать статьи. Однако по 50 страниц статей журнал не принимает даже от академиков. Пришла О.С. Ахманова и сказала: «Нам важно, что материал показался Вам интересным. А публикация нам не нужна. Важно только, чтобы академик Виноградов сказал, что это не статьи, но

материал интересный. Вот и всё, что нам нужно. А теперь, молодые люди, идите в аспирантуру филфака МГУ, к Валентине Георгиевне Беликовой, скажите, что я согласна работать с Вами, и пусть она прикрепит Вас для сдачи кандидатских экзаменов».

Так и было сделано. Но нас прикрепили не к Ахмановой, а к кафедре русского языка (зав. каф. В.В. Виноградов), в частности, к Н.М. Шанскому. О.С. Ахманова заведовала на филфаке кафедрой англ. языка (вместо умершего её мужа, А.И. Смирницкого). Ахманова всё сочла логичным, правильным и согласилась быть всегда нашим консультантом.

Сдавали тогда 4 кандидатских экзамена. Нам было нелегко. На каждый экзамен надо было ехать 2,5 суток в Москву, жить около месяца в гостинице, доучивая материалы в Ленинской библиотеке. И так 4 раза в течение двух лет (с 1960 по 1962 гг.). Потом нас прикрепили соискателями. И опять необходимо было ездить в Москву для консультаций и работе по темам диссертаций в библиотеке им. В.И. Ленина.

В январе 1965 г. скоротечно скончалась мама Милы Мария Семеновна. Смерть мамы была совершенно неожиданной. Явной, тяжелой болезни у неё перед этим не было. Осенью 1964 г. мы отправили её в Дом отдыха в соседнюю область. А она возвратилась раньше срока. И не объяснила толком почему вернулась. Вероятно, уже недомогала. Перед новым годом (1965 г.) она завела тесто на пироги. Но

оно вошло плохо. Она очень расстроилась. (А ведь дрожжей тогда хороших не было).

В начале января я был несколько дней в командировке, на нашем УКП (учебно-консультационном пункте) от пединститута в г. Джамбуле (принимал экзамены у заочников). Когда возвратился домой (числа 8 января), то дома застал только детей. Они прижавшись друг к другу сидели на диване, читали книжку. Мне объяснили, что мама на экзамене в институте, а бабушка в больнице. Вечером мы с Милой были у мамы. Она очень обрадовалась, что я приехал, но говорила с трудом, речь была путанной. «Береги Милочку», – сказала она. Врачи определили, что у неё рак желудка с распадом. Это было для нас открытием, т.к. она не жаловалась на желудок раньше.

17 января она скончалась, в воскресенье. В этот день я пошёл к ней в больницу, чтобы покормить её куриным бульоном. А когда пришёл, то увидел, что есть она не будет. Она лежала неподвижно и тяжело, глубоко, редко дышала. Я сел рядом, взял её руку. Она не реагировала. Потом вдруг с шумом глубоко вздохнула и затихла. Я побежал в ординаторскую. Врач пошла со мной к маме и констатировала смерть.

Домой я возвращался пешком. Обдумывал и переживал случившееся. Думал, как я скажу дома Миле и детям. Смерть мамы была тяжелой для нас во всех отношениях. Во-первых, мама была всегда нашим безотказным помощником, «выручалочкой»: она

смотрела за нашими детьми, кормила всю семью и т.д. Она была для нас очень родным, близким человеком. Во-вторых, она была замечательна по характеру: никогда не вмешивалась в наши с Милой отношения. Милу, конечно, очень любила и оберегала, помогала ей, и на меня это тоже распространялось. Она дорожила нашим семейным союзом. А вот мы иногда были несправедливы к ней. Нам казалось, что она что-то сделала не так, что она балует наших детей. Это было в нашей молодости. Теперь-то понимаем, что были неправы. В-третьих, мы планировали в этом (1965) году поехать в годичную аспирантуру в МГУ. А теперь ситуация осложнилась.

Похороны – это всегда дни тяжелые. Здесь опять нам очень помог коллектив института. В институте сразу была создана небольшая комиссия по организации похорон. Коллеги сделали всё главное: собрали необходимые деньги, вырыли могилу, оформили документы, заказали гроб, организовали поминальный обед. От всех этих хлопот нас освободили. Меня попросили только поехать на машине на кладбище и выбрать место, что мы с водителем ректора и сделали.

Когда немного улеглись наши переживания, мы решили всё-таки оформляться в целевую годичную аспирантуру в МГУ. Для этого надо было проделать ряд бюрократических бумажных операций. Наш научный руководитель, Н.М. Шанский, должен был дать

заключение, что наши диссертации уже выполнены приблизительно на 70% и что есть уверенность, что мы в течение года завершим работу над диссертациями. Н.М. Шанский дал такие заключения. Затем я, получив согласие Кзыл-Ординского ректората, поехал в Алматы, в Министерство высшего образования, и получил там направление в годичную аспирантуру МГУ. Потом поехал в МГУ, и нас приняли в целевую аспирантуру с ноября 1965 г.

Детей отвезли в начале ноября в Иртышск, к моей маме, где Оля пошла во 2-й класс, а Сергей – в 7-й. 14 ноября в 1965 г. мы приехали в МГУ. Начался напряжённый год.

## МОСКВА. КЗЫЛ-ОРДА

Нас поселили в высотном Доме студентов на Ленинских горах. Это здание МГУ мы прежде видели только на открытках, экранах. Оно действительно красиво и своеобразно. Здание – это не только центральный его высокий «столб». От него идут более низкие, 9-10-этажные корпуса, как крылья. Здесь живут студенты, преподаватели, профессора МГУ, но в разных, конечно, корпусах, а не смешанно. Высотная часть не жилая. Здесь размещены были исторический факультет, мехмат, т.е. на этажах этой зоны учебные помещения. Вверху этой зоны – читальные залы (по специальностям). Наш, гуманитарный, зал находился на 22 этаже. А на 24 этаже был музей (кажется, биологический). Мы были там. Вокруг 24-го этажа (наподобие лоджий) есть смотровая площадка, как бы на высоте птичьего полета. С неё открывается широкий обзор всей Москвы.

На самом верху – звезда, окаймленная колосьями. Каждое зерно колоса весит 1,5 тонны. А в звезде комната – метеолаборатория. Снизу все это кажется маленьким и легким, а на самом деле эти детали тяжелые и крупные. Вокруг центральной зоны 9-10-этажные корпуса – это зоны б, в, г и т.д. Каждая зона принадлежит определенному факультету.

Все здание как небольшой город. Здесь проживали 10 тысяч студентов (старших курсов, аспирантов, наших и иностранных). Иностранцев здесь было 4 тысячи. А для студентов младших курсов недалеко от «высотки» были другие, обычные общежития. В здании высотки внизу находилось всё, что нужно для быта, для проживания: гастроном, ателье, ремонт обуви, столовая, кафе, кинотеатр, клуб и т.д., т.е. можно жить, не выходя из здания. Вокруг здания красивые скверы, парки, выход к набережной р. Москва. Словом, здание, конечно, уникальное. Оно построено было с повеления И.В. Сталина примерно в 1951-52 гг., перед его смертью.

В здании МГУ работал замечательный клуб. Здесь было много всевозможных секций с талантливыми руководителями. Здесь занимались и выступали отличные скрипичные ансамбли, вокальные коллективы и т.д., в которых участвовали как студенты, так и преподаватели.

В клубе МГУ систематически выступали известные артисты (Игорь Ильинский, А. Грибов и др.), поэты, писатели (А. Вознесенский, К. Симонов и др.). Яркие афиши в большом вестибюле на 1 этаже постоянно извещали о таких выступлениях. Мы тоже иногда бегали на них.

Нашим первым соседом (по блоку) был аспирант из Багдада, иракский писатель Джалиль Камаль. Он сразу, по восточному гостеприимству, пригласил нас к

себе на ужин. Угощал восточными блюдами. Мы засиделись, заболтались допоздна. Потом нам дали другую, 2-х-местную комнату, без соседа. Здесь мы познакомились также с доцентом университета г. Брно Ярославом Мандатом, приехавшим в Москву на стажировку. Очень интеллигентный человек, добрый. Он специалист по русской литературе. Хорошо говорил по-русски. Позже мы переписывались с ним. Очень приглашал нас в Брно погостить, но такой возможности у нас не было.

Учёба в МГУ (а это ведь не только год очной аспирантуры, но и предаспирантские годы, когда мы должны были несколько раз приезжать в Москву для сдачи кандидатских экзаменов, для посещения лекций знаменитых ученых, для консультаций и жить там по несколько недель) оставила неизгладимое впечатление.

Мы оказались на кафедре русского языка МГУ, которая в те годы была легендарной. Заведовал кафедрой выдающийся учёный акад. Виноградов Виктор Владимирович, а членами кафедры были такие известные лингвисты, как проф. Аванесов Р.И., проф. Кузнецов П.С., проф. Ломтев Т.П., проф. Поспелов Н.С., проф. Шанский Н.М., проф. Горшкова К.В., проф. Галкина-Федорук Е.М., проф. Ефимов А.И., проф. Белашапкова В.А., проф. Копорский С. А., проф. Иванов В.В. и др. Кроме того, мы на экзаменах, конференциях, собраниях встречались с профессорами других лингвистических кафедр: с проф. Звегинцевым

В.А., проф. Чемодановым Н.С., проф. Шаумяном С. К., проф. Медниковой Э.М., проф. Ахмановой О.С., со многими видными литературоведами – проф. Самариным Р.М., проф. Дувакиным В.Д., проф. Кулешовым В.И., проф. Пустовойтом и др.

Следует заметить, что в 60-е годы XX века были годами взлёта лингвистической науки. В этот период оформлялись новые направления и новые методы исследования в лингвистике. Например, структурализм, математическая, прикладная, генеративная лингвистика. В МГУ было открыто отделение структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ). Для русистики это было время становления русской дериватологии как особой отрасли науки о русском языке. А наряду с этим усиливался интерес к традиционным лингвистическим проблемам, например, к истории русского языка, к лексикографии, лексикологии. На все эти запросы времени активно откликалась лингвистическая школа МГУ.

Аспиранты были обязаны присутствовать на всех заседаниях кафедры, как и члены кафедры. И это было мудрое правило. Ведь на заседаниях кафедры не обсуждались вопросы ликвидации задолженностей студентами, подготовки к сессии, планы воспитательной работы и т.п. Эти бюрократические вопросы решались в текущем порядке. На заседаниях же кафедры обычно обсуждались научные сообщения членов кафедры и её зарубежных гостей. А последние

довольно часто были в МГУ. Запомнились, например, сообщения лондонского профессора Костенко (из эмигрантов) об истории русского именного склонения и профессора Сорбонского университета (Париж) Жозе Жоне об истории изучения русского языка во Франции. Оба выступали на чистом, грамотном русском языке. Вспоминаю анекдотичный эпизод. Проф. Жозе Жоне говорил о том, что во второй половине 20 века (после 1945 г.) во Франции к изучению русского языка очень возрос интерес. В результате появились в вузах отделения по изучению русского языка, и даже специальные кафедры. Появились студенты ... (Здесь Жозе Жоне стал подбирать слово и, наконец, сказал: «серьёзные» и «несерьёзные»). Мы не поняли смысла. Но тут быстро среагировал акад. Виноградов. Он подсказал: «И у нас так же: есть студенты – очники и заочники». Раздался смех. Жозе Жоне улыбнулся и закивал головой в знак согласия.

Поражала деловая, творческая и демократическая атмосфера на кафедре и на факультете. На лекции, спецкурсы и спецсеминары к профессорам могли приходиться свободно все интересующиеся (студенты, преподаватели, приехавшие в МГУ командированные лица из других вузов).

В качестве аспирантов мы должны были присутствовать на научных факультетских конференциях. Удивлялись, что в научных спорах профессора были откровенными и жесткими. Спорили

увлеченно и прямолинейно. Проф. Ломтев Т.П. мог ответить своему оппоненту любимым изречением: «Это же бред сивой кобылы!», а проф. Ефимов А.И. мог посоветовать: «Вам незачем было выступать, т.к. вас всё равно никто не понимает». Но это только в дискуссии, на конференции. После дискуссий они сохраняли дружеское, уважительное отношение друг к другу.

В.В. Виноградов и члены кафедры любили шутку, самоиронию. На кафедре, например, нужно было утвердить оппонентов для защиты диссертации. Т.П. Ломтев предложил первым оппонентом назначить проф. С.К. Шаумяна.

– В.В. Виноградов: «А разве Себастьян Константинович разбирается в данной проблеме? Он ведь уже не лингвист, а арифметик». (Намёк на то, что проф. Шаумян С.К. стал увлекаться математическими методами исследования языка).

– Ломтев Т.П.: «Он напряжётся и разберется».

Другой случай. Проф. Ломтев Т.П. просит кафедру пропустить вне очереди защиту диссертации его аспирантом из Польши, т.к. у аспиранта заканчивается визовый срок пребывания в СССР.

– В.В. Виноградов: «Ну что же, коллеги, удовлетворим данную просьбу, поскольку сложилось такое безвыходное, а вернее, безвыездное положение?».

В.В. Виноградов пользовался на кафедре особым уважением и почтением. И держал себя

соответственно: вальяжно. Внешний вид его был интеллигентски-аристократический. Манеры были неторопливые, спокойные. Но общаться с ним было просто, легко. Он был вполне доступен. Общителен, ироничен. Лекции он читал спокойно, без ораторского пафоса. Но содержание лекций увлекало, держало внимание в напряжении. На лекции он размышлял, сопоставлял факты, анализировал, т.е. лекция напоминала научный поиск.

Более энергичными, более эмоциональными были лекции проф. Ломтева Т.П. и проф. Кузнецова П.С. Но и здесь присутствовал тот же научный поиск, анализ, собственный взгляд на излагаемые проблемы.

Проф. Ломтев Т.П. докладывал на спецкурсе собственные исследования. Иногда лекция заканчивалась минут за 15 до звонка. Он объявлял: «На сегодня у меня всё, что я могу вам сказать. Через неделю я представлю мои дальнейшие наблюдения». То же самое мы наблюдали на лекциях Н.М. Шанского.

Большие учёные отличались удивительной скромностью. Проф. Кузнецов П.С., например, был одним из самых эрудированных и разносторонних лингвистов на кафедре. Он был высококвалифицированным историком русского языка, специалистом по индийским языкам, финно-угорским языкам, по теории языка. В престарелом возрасте он освоил математическую лингвистику. И вот этот очень

авторитетный учёный был предельно скромным человеком.

Когда мы в первый раз пришли на заседание кафедры, то перед заседанием он подошёл к нам и спросил, кто мы, в каком качестве участвуем в работе кафедры. Мы ответили, что являемся аспирантами. После знакомства он сразу пригласил нас на свои лекции и тут же представил нас проф. В.А. Звегинцеву. Бывало, что его лекции заканчивались на несколько минут позже времени начала заседания кафедры. При этом он заходил на кафедру не в горделивой позе, а в сгорбленном виде, таща за собой большой портфель, на цыпочках пробирался к своему месту за столом, чтобы не помешать заседанию кафедры, не отвлечь на себя внимание.

Необычным был путь в науку Петра Савича Кузнецова. Он родился в многодетной, бедной крестьянской семье, был последним ребенком. Одна бездетная интеллигентная москвичка выпросила мальчика у родителей. Обещала его хорошо воспитать, дать образование. Так и случилось. Мальчик вырос, окончил университет и стал известным учёным.

Проф. Галкина-Федорук Евдокия Михайловна также благодаря большой целеустремленности, и, конечно, незаурядным способностям стала известным учёным. Маленькой девочкой она осталась без родителей. Её взяли на воспитание в деревню дедушки (по матери). Но и дедушка скоро умер. Девочка лет 12-

ти осталась одна. Пошла в Москву искать работу. И нашла. Она стала домработницей в семье профессора химии МГУ А. Реформатского (отца известного впоследствии филолога А. А. Реформатского). Жена профессора, весьма образованная и добрая женщина, заметила способности девочки. Научила её грамоте, дала образование. Дуся экстерном сдала экзамены в программе школы. Позже закончила учительские курсы. В годы Октябрьской революции уехала из Москвы в Саратовскую область, Аткарский район и работала 9 лет в сельской школе учителем. А затем самостоятельно подготовилась и сдала экстерном госэкзамены в Саратовском университете. С дипломом университета вернулась в Москву. Здесь состоялась её встреча с проф. В.В. Виноградовым. Окончила аспирантуру под руководством В.В. Виноградова, стала кандидатом, а потом доктором наук, профессором МГУ.

Кафедра русского языка МГУ 60-х годов 20 в. была действительно очень интересная, сильная. К сожалению, никого из членов этой кафедры уже нет в живых.

Не могу не вспомнить наш первый кандидатский экзамен в МГУ. Первым мы сдавали спецэкзамен, т.е. по русскому языку и его истории. Перед этим месяц жили в гостинице «Алтай», работали в Ленинке. Кафедра назначила нам день экзамена (это было в день заседания кафедры). А перед этим нас направили на предварительное собеседование к проф. Ломтеву Т.П.

Выспросив, кто мы и откуда, он стал задавать вопросы. Ни на один отвечать мы не могли. Я заметил слезу у Милы. Она всегда все сдавала на «5». А тут? Робко спросили у Тимофея Петровича: «Как могло случиться, что мы не знаем ответов на ваши вопросы, хотя добросовестно проштудировали всю литературу, рекомендованную кафедрой для сдачи экзамена. И он ответил: «А такой литературы нет. По этим вопросам пока нет публикаций». У нас отнялась речь. «Но, – продолжал он, – вы претендуете на марку, на уровень МГУ должны знать, чем живёт лингвистика МГУ. Ответы же на мои вопросы можно получить на моем спецкурсе, по четвергам, с 17.00». Стали ходить на спецкурс к нему, к Н.М. Шанскому и к В.В. Виноградову.

Экзамен сдавали в ноябре. Комиссию нам назвали за несколько дней: проф. Ломтев Т.М., проф. Галкина-Федорук Е.М., проф. Копорский С.А. Но Галкина-Федорук заболела, Копорский ушёл оппонировать в МГПИ. Нас и ещё одного аспиранта (проф. Т.П. Ломтева) К.В. Горшкова пригласила к концу заседания, провела в соседнюю комнатку и дала задания, в том числе обязательно анализ древнерусского текста.

Мы начали готовиться, как уже закончилось заседание кафедры и в нашу комнатку вошли Виноградов и Горшкова. Он поздоровался и поинтересовался, что тут делают молодые люди. Получив ответ, пожелал нам успехов, оделся и уехал (в



тот вечер он уехал на съезд славистов). Экзаменаторов тут же собрали новых. Принимать экзамен остались проф. Ломтев, проф. Горшкова, проф. П.С. Кузнецов, проф. В.В. Иванов, проф. В.А. Белошапкова.

Начали с москвича, с аспиранта Ломтева. И засыпали его. Ломтев сказал: «Он не готов. Пусть ещё поработает». Теперь наша очередь. Мила попросила, чтобы я раньше пропустил её. Она стала отвечать что-то об истории соотносительности согласных по твердости-мягкости. И где-то сослалась на Аванесова Р.И. Кто-то из профессоров возразил: «Такого Аванесов, кажется, не говорил». Но тут решительно повела себя К.В. Горшкова (ученица Р.И. Аванесова): «Извините, – объявила она, – именно так говорил Аванесов. Ссылка на Аванесова совершенно правильная».

Мне досталась история видо-временных отношений в русском глаголе. Но я читал студентам лекцию на эту тему в курсе Исторической грамматики. При этом за основу я брал точку зрения проф. П.С. Кузнецова. И теперь я опирался на Кузнецова. Он таял от удовольствия. После экзамена нас отправили в коридор, пока они согласуют оценки. И вот в коридор выскакивает старик П.С. Кузнецов и говорит: «Вы не волнуйтесь. Ваши ответы нам очень понравились, и мы поставим высокие оценки». Так и было. В 11-м часу ночи мы, голодные, уставшие, но счастливые возвращались в гостиницу. Золотое время!

После сдачи кандидатского экзамена по специальности у нас сложились довольно тёплые отношения с профессором Верой Арсеньевной Белошапковой.

Проф. Белошапкова В.А. была одним из экзаменаторов на нашем кандидатском экзамене по русскому языку и его истории. На экзамене она спросила нас, откуда мы приехали, и очень удивилась, что мы работаем в Кзыл-Орде. В Кзыл-Орде она никогда не была, но слышала об этом захолустном городе от проф. Е.А. Земской (своей подруги). Отец Е.А. Земской, известный лингвист А.М. Земский, оказывается, был когда-то в ссылке в Кзыл-Орде, и Е.А. Земская с мамой ездила к нему в Кзыл-Орду.

Об этом факте, кстати, написала много позже сама Е.А. Земская в журнале «Вопросы языкознания» в своих воспоминаниях.

В.А. Белошапкова заинтересовалась нами и уже после экзамена похвалила нас, что мы оба дружно приехали в аспирантуру МГУ из далекой Кзыл-Орды.

Впоследствии, при встречах, она всегда интересовалась нашими успехами и поддерживала своими напутствиями. Встречались мы с нею однажды в Саратове, в СГУ, в связи с её выступлением в качестве первого оппонента на защите диссертации в СГУ, а затем в Москве на международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова (1995 г.). Это была последняя

встреча, т.к. проф. Белошапкова года через полтора скончалась.

После кончины В.А. Белошапковой, её племянница (тоже лингвист) опубликовала воспоминания о своей тёте. Из них я узнал, что мы с В.А. Белошапковой были земляками. В 30-е годы, до войны, она жила и училась в Черлаке, Омской области, т.е., когда я начинал в Черлаке учёбу в школе, Вера Арсеньевна там же училась в старших классах. После школы она поступила в Омский пединститут, который во время войны был эвакуирован в Тобольск. А в Тобольске находился в ссылке В.В. Виноградов. В.А. Белошапкова стала его ученицей, потом его аспиранткой, докторанткой и наконец профессором МГУ на кафедре В.В. Виноградова.

Жаль, что обо всем этом я узнал уже после смерти В.А. Белошапковой.

Когда мы приехали в годичную аспирантуру, то режим нашей жизни был очень однообразным. Каждое утро мы уезжали в Ленинскую библиотеку и покидали её около 11 ночи (она работала до 11 ч.). И так ежедневно. Нам во что бы то ни стало надо было закончить работы в течение года. Во-первых, нам отведен 1 год. С этим условием нас отпустили из Кзыл-Орды. Нам пединститут платил нашу зарплату. А стипендию аспирантскую мы не получали. Зарплата, однако, выгоднее. А во-вторых, и это главное, нам

нужно было забрать детей домой из Иртышска. Поэтому мы работали без отдыха. За этот год мы ни разу не ходили в театр, в кино.

Летом, в каникулы, мама привезла нам в Москву детей на неделю. Я договорился, для наших гостей дали рядом с нами комнату на неделю. (В каникулы некоторые комнаты освобождались). В эту неделю мы сводили детей в Центральный детский театр, на футбольный матч (ЦСКА – «Динамо» Киев) в Лужники и в ЦПКиО (Центральный парк культуры и отдыха). Помню, что в ЦПКиО мы попали в Летний театр с эстрадой (назывался он Зелёный театр) на замечательный концерт. Мы слушали здесь ещё молодых звезд советской эстрады – Майю Кристалинскую, Муслима Магомаева, Ивана Суржикова, Елену Камбурову и др. Побывали мы также на ВДНХ, посетив, в частности, единственный в Советском Союзе панорамный кинотеатр, расположенный на территории выставки. Поднимались на площадку обзора высотного здания МГУ. Были на Красной площади и в Мавзолее Ленина. Неделя промелькнула, и мы снова окунулись в работу.

Мы начали аспирантуру с 14 ноября 1965 г. Я сдал диссертацию на кафедру к 1 декабря 1966 г. А Миле надо было кое-что доделать, и она осталась в МГУ. 6 декабря 66 г. я вылетел из Москвы в Павлодар за детьми. Декабрь был холодным. 17 декабря 1966 г. с детьми вернулся в Кзыл-Орду.

Пока мы были в Москве, в нашу квартиру в Кзыл-Орде попросилась преподаватель нашей кафедры (с мужем и дочкой) Лисина Л.М. Платы мы с них не брали. Польза нам виделась только в том, что будут следить за квартирой и платить квартплату государству. Зимой Л.М. Лисина написала нам, что её мужу дают квартиру. Ну и хорошо. Она пустила в нашу квартиру сначала знакомую семейную пару, а потом трёх студентов.

Когда я вернулся с детьми домой, то застал неприглядную картину. Разбито окно в зале (у нас был 3-й этаж), и в квартиру намело много грязи. Кроме того, оказалось, что нас обокрали. Богатств у нас и не было. Но всё же. Мы не нашли наших пуховых одеял, настенного ковра, ковровых дорожек и т.п. Мебель цела.

Окно закрыли подушкой, пол вымыли, укрылись пальто – переночевали. Наутро я занял немного денег у коллеги, купил два болгарских одеяла, нанял двух маляров, которые побелили стены (сделали так называемым накатом с геометрическими фигурками). Вставили стекла. Купил скатерть. Стало свежо и уютно. Маме Миле мы не сказали о нашем ЧП и ждали её возвращения к Новому году (67-му). Поезд прибывал в 3 ч. ночи (с 31 декабря на 1 января), т.е. в новогоднюю ночь. Я уложил детей спать и поехал на вокзал. Встретил Милу. Но теперь-то она узнает о том, что случилось дома. Поэтому, подготавливая её, я сказал по

дороге домой: «Ты, Мила, не волнуйся, у нас тут маленькая неприятность была». А она: «Что, дети заболели?». «Да нет, – отвечаю ей, – просто нас немного обокрали». Она: «Ой, как хорошо!». Я: «А чего ж хорошего?». Она: «Но дети ведь здоровы». Когда вошли в квартиру, она пришла в восторг от того, как у нас уютно и чисто. На столе стояло шампанское. И мы уже к утру встретили 1967 год.

А похитителя наших вещей мы скоро обнаружили. Им оказался муж Л.М. Лисиной. Он работал в геологической партии. Выпивал. Когда они получили квартиру, она стала замечать, что из дома пропадают вещи, даже мелкая мебель (тумбочка, столик). Оказывается, он продавал вещи и пропивал. Так, значит, он поступил и с нашими вещами.

Относительно диссертаций. Мы терпеливо ждали вестей из МГУ. Наконец нам сообщили, что кафедра рекомендовала работы к защите. А защита назначена на 15 декабря 1967 г. Мы приехали за неделю. Моими оппонентами были А.Н. Кожин и Л.А. Новиков. У Милы – И.А. Василенко и В.Г. Костомаров. Защита прошла удачно. Мы держались уверенно. Голосование было в обоих случаях единогласным.

Мы защищались в один день на одном заседании Совета. Вел заседание Р.А. Будагов. В конце декабря мы возвратились домой, в Кзыл-Орду.

Нас утвердили быстро, через три месяца – 15 марта 1968 г. Меня избрали сразу на должность зав. кафедрой русского языка. А, кроме того, избрали секретарем парткома института в 1968 г. Осенью 1968 г. мы получили дипломы доцентов. Милу в 1969 г. избрали зав. межфакультетской кафедрой русского языка.

В 1970 г. мы участвовали во Всесоюзном совещании зав. кафедрами русского языка в г. Рязани. Заодно познакомились с Рязанью, её Кремлем. Возили нас на экскурсию в село Константиново вблизи Рязани. Это родина Сергея Есенина. Село стоит над рекой Ока. Красивые места. Есть там дом-музей Есенина. Перед этим совещанием мы отдыхали по путевкам в пансионате Полушкино под Москвой. В эти дни побывали в Подмоскovie вокруг Полушкино. Были в селе Петрищево, где казнена была немцами Зоя Космодемьянская, на Бородинском поле (за Можайском), в Герцено и др.

1973 год был отмечен для нас рядом существенных событий. Зимой 1973 г. Министерство просвещения Казахстана назначило меня председателем комиссии по проверке работы кафедры русского языка Уральского (центр Западно-Казахстанской области) педагогического института им А.С. Пушкина. По итогам проверки я представил в Министерство отчёт (справку). Вероятно, мой отчёт понравился

Министерству, и весной того же года меня включили в комиссию Министерства для проведения плановой аккредитации Целиноградского пединститута. И здесь председатель комиссии (Рустемов Л.З.) одобрил мою работу. Понравилось моё выступление на совете института при обсуждении итогов аккредитации и ректору Целиноградского пединститута, т.к. перед моим возвращением домой он предложил мне должность проректора по учебной работе в Целинограде. Поблагодарив ректора ЦГПИ, я обещал подумать над его предложением.

А чуть раньше Саратовский пединститут объявил конкурс на вакантную должность доцента по истории русского языка. Это как раз моя специальность. Я подал документы на конкурс в Саратов. Меня попросили приехать в Саратов для переговоров (на «смотрины»). Саратовские «смотрины» прошли успешно. Ректорат и факультет поддержали мою кандидатуру, и в апреле 1973 г. я был избран на должность доцента СГПИ. (Милу избрали на должность доцента позже – 17 сентября 1973 г.)

В конце апреля 1973 г. в Кзыл-Орду специально прилетел ректор Целиноградского пединститута, чтобы снова пригласить меня к себе в проректоры. В Кзыл-Орде у него был родственник. Он прилетел якобы к нему и вместе с ним приехал к нам домой. У нас за чаем и прошли эти тайные переговоры. Через несколько часов он улетел в Алма-Ату, т.е. он летел в

Алма-Ату на совещание, но сделал крюк в Кызыл-Орду. В Кызыл-Ординском пединституте никто так и не узнал о его кратком визите в Кызыл-Орду.

К сожалению, наши переговоры с ректором ЦГПИ были безрезультатными, т.к. я уже знал о том, что прошёл конкурс в Саратове и вынужден был отказаться от Целинограда.

Через 2-3 недели меня вызвали в Министерство просвещения, в Алма-Ату, и предложили должность проректора по учебной работе в открывающемся Талды-Курганском пединституте (центр Талды-Курганской области, в 200-х километрах от Алма-Аты, от столицы). Там было построено здание для пединститута, большой жилой дом для преподавателей, общежитие для студентов.

В Министерстве никто не сомневался, что я соглашусь, т.к. город, говорят, очень зелёный, уютный, с мягким климатом, богатый овощами и фруктами, близко от столицы и от искусственного Капчагайского моря (большого водохранилища).

Министр (Бультрикова) с ходу приняла меня в кабинете вместе с только что назначенным в Талды-Курган ректором Рустемовым Л.З. (он был недавно председателем комиссии по аккредитации Целиноградского пединститута). Она сразу одобрила мою кандидатуру и предложила свозить меня на машине в Талды-Курган, чтобы я выбрал себе квартиру в новом доме и ещё 1-комнатную квартиру рядом для

моей мамы (хотя я об этом не просил). Но я опять отказался, чем очень удивил и даже расстроил министра. Она сказала: «Странно. Ну, что же, оставайтесь в Кызыл-Орде. В Талды-Курган желающих будет много».

А ещё через 3 месяца мы уехали в Саратов.

## САРАТОВ

В Саратов приехали в конце августа 1973 г. В первые дни нам очень помогли Саша и Юлия Сербины. Они уже жили в Саратове 4 года. По конкурсу переехали сюда из Караганды. А до Караганды они и мы вместе работали в Кзыл-Орде. Перед нашим приездом в Саратов они уже получили 3-х комнатную квартиру в ЖСК (жилищно-строительный кооператив) недалеко от учебного корпуса пединститута, в котором теперь работали. Сербины встретили нас и приютили у себя дней на десять.

На другой день мы представились ректору пединститута (М.С. Кобзеву). Он пожелал нам успехов в работе. А по поводу квартиры сказал, что нас уже включили в список членов нового ЖСК, который скоро начнет строиться. Ждать своей квартиры в этом доме пришлось 5 лет.

Поскольку перед отъездом из Кзыл-Орды мы уже начали переговоры об обмене нашей 3-х комнатной квартиры на однокомнатную в Энгельсе, то следующим нашим шагом была поездка в Энгельс, знакомство с квартирой и завершение переговоров об обмене.

Новая квартира нас не очаровала. Она находилась далековато от центра Энгельса и, следовательно, от Саратова. Квартира на первом этаже в доме для слепых. Хозяйка тоже слепая, с двумя детьми. Наша кзыл-

ординская квартира заинтересовала её, во-первых, потому, что она трехкомнатная, а, во-вторых, потому, что Кзыл-Орда недалеко от Ташкента, а в Ташкенте живет её сестра, к которой она имела намерение перебраться.

Слепая хозяйка, поняв, что обмен не очень справедливый (1 комнатная на 3-х комнатную), забеспокоилась, не запросим ли мы с неё доплату. Мы успокоили её, сказали, что не запросим. В результате в течение 2-3-х дней через бюро обмена в Энгельсе произвели официальный обмен, и женщина с детьми уехала в Кзыл-Орду.

Мы наняли мастера, который сделал косметический ремонт: побелка, покраска, замена обоев. В начале учебного года мы уже перебрались в Энгельс. Купили диван, раскладное кресло (для Оли), стол, табуретки. Наш грузовой контейнер прибыл из Кзыл-Орды через месяц.

Добираться до института в Саратов и обратно в Энгельс было трудно. Дорога (с пересадками) в одну сторону занимала 1,5 часа (в переполненном транспорте). Помогала относительная молодость и надежда на лучшее будущее. Вставали в 6 утра, чтобы успеть в институт на занятия.

А Оля пошла в новую для себя школу в 10-й класс (Сергей с женой был в это время в Алма-Ате). Из школы Оля возвращалась одна, учила уроки. Мы приезжали домой лишь к вечеру, очень уставшие.

Каждый день мы переживали, как там Оля одна в незнакомом городе, в незнакомой школе. Кроме того, Оле надо было ещё год ходить в музыкальную школу (фортепиано), т.к. в Кзыл-Орде она не успела закончить её.

Занятия в музыкалке проходили по вечерам, поэтому, возвратившись из Саратова, мы сопровождали её в музшколу и обратно. Эта школа находилась не очень близко от нас (кварталов 7). Музшколу, кстати, она закончила успешно.

Постепенно мы стали привыкать к Саратову, Энгельсу и больше о них узнавать. Город Энгельс (сейчас это большой, красивый, благоустроенный, чистый город с населением около 250 тыс.) к нашему приезду был довольно запущенным, грязным. Он расположен напротив Саратова на другом (на левом) берегу Волги. Саратов и Энгельс разделяет только Волга, а соединяет 3-х километровый мост через Волгу, по которому города связывали и автобусные и даже троллейбусная линия. Говорят, что в СССР только в двух местах троллейбус был междугородним. Один такой маршрут был именно между Саратовом и Энгельсом.

До войны с фашистами Энгельс был столицей Немецкой автономной республики. Во время войны перестал быть в этом статусе и остался райцентром

Саратовской области. Немцев поволжских, как известно, в военные годы эвакуировали в другие места.

Энгельс – промышленный город. Здесь крупнейший в стране троллейбусный завод, снабжающий троллейбусами всю страну и даже зарубежные государства. В Энгельсе крупнейший химкомбинат и много других предприятий

В Саратове тоже было очень много промышленных предприятий, например, шарикоподшипниковый завод, авиационный (он выпускал все виды самолетов фирмы ЯК – ЯК-40, ЯК-41, ЯК-42), станкостроительный, дизельный, нефтеперерабатывающий, завод технического стекла, электротехнический и др.

В Саратове ряд «номерных», т.е. военных заводов, о продукции которых почти никто не знал. Долгие годы (после войны) Саратов был закрытым городом. Сюда не приезжали иностранные гости, делегации, туристы. Говорят, что туристические теплоходы в Саратове не останавливались, а проходили мимо. Фотографировать город запрещалось. Студентов иностранных в Саратове не было, хотя вузов много.

Саратов – город вузовский. Здесь было более 10 вузов. Саратовский госуниверситет им. Н.Г. Чернышевского (СГУ), медицинский университет, технический университет, сельхозинститут, зооветеринарный институт, экономический институт, юридическая академия, Высшая партшкола,

педагогический институт, торговый университет, консерватория, Институт механизации сельского хозяйства.

В постсоветские годы здесь появился ряд филиалов Московских вузов. Зато объединились некоторые прежние вузы: пединститут вошёл в состав университета, зооветеринарный, сельхозинститут и институт механизации сельского хозяйства объединились в один вуз – Аграрный университет.

В Саратове было много техникумов и высших военных училищ.

У Саратова богатые научные традиции. Таким вузам, как СГУ (университет), медицинский, консерватория, уже более 100 лет. Саратовский университет открыт в 1909 г. По возрасту он уступает только Петербургскому, Московскому, Казанскому и Томскому. За долгую историю в СГУ работали многие очень крупные ученые. Это, например, академики Н.И. Вавилов, А.А. Рихтер, Н.А. Максимов, члены-корреспонденты АН СССР С.Д. Львов, В.П. Поспелов – все биологи; академики Б.П. Никольский, Д.П. Коновалов, члены-корреспонденты АН СССР В.В. Челинцев, И.И. Жуков – химики; академики Н.Н. Андреев, Л.С. Лейбензон, члены-корреспонденты АН СССР Д.М. Блохинцев, Е.Ф. Гросс – физики, механики; академики М.П. Алексеев, А.П. Баранников, В.М. Жирмунский, В.Н. Перетц члены-корреспонденты АН СССР Н.Н. Дурново, Д.В. Бубрих, Г.А. Ильинский, Н.К.

Пиксанов, Макс Фасмер (автор самого крупного этимологического словаря рус. языка в 4-х томах) – филологи; акад. И.Г. Петровский (впоследствии ректор МГУ им М.В. Ломоносова), члены-корреспонденты АН СССР И.И. Привалов, А.Я. Хинчин, Л.Н. Сретенский, В.В. Голубев – математики; акад. Панкратова А.М., – историк; академики С.И. Спасокукоцкий, А.А. Богомолец – медики и др. За этими именами стоят научные школы, особые научные традиции.

Саратов – город театральный. Здесь работают Академический театр оперы и балета, Академический театр драмы, театр оперетты, консерватория, цирк, театр юного зрителя, театр кукол, филармония. При этом таким театрам, как оперный, драматический, цирк уже около и более 100 лет. Выходцами из Саратова являются О. Табаков, О. Янковский, А. Михайлов, Евг. Миронов, В. Конкин и др. очень известные артисты.

Город Саратов был основан в 1590 г., т.е. ещё до начала царствования дома Романовых как город-крепость для охраны южных границ России от набегов соседних кочевых народов. В 18 веке Екатерина II направила сюда много немцев для освоения новых земель и обустройства города.

К началу XXI века в Саратове, по данным переписи, проживало около 950 тыс. человек, т.е. около миллиона. А фактически это город «миллионник», т.к. напротив Саратова находится г. Энгельс, где проживает около 250 тыс. человек. Эти 2 города разделяет только



Волга. Между прочим, все другие крупные города Поволжья (Самара, Нижний Новгород, Кострома, Казань...) расположены на обоих берегах Волги, но это один город. И только Саратов и Энгельс – это два самостоятельных города. Жители Энгельса и Саратова этого разделения не осознают: они учатся, работают в том или ином городе независимо от прописки. От Саратова были предложения о соединении Энгельса и Саратова, но Москва их не приняла.

История Саратова связана со многими известными историческими событиями и лицами. В Саратове дважды был Пётр I в связи с походом на Азов. Здесь были Степан Разин и Емельян Пугачев со своим войском. Они принимали здесь от местных властей клятву на верность повстанцам, брали людей для пополнения войска и провиант.

В Саратове жили какое-то время, учились, работали Н.Г. Чернышевский, акад. Шахматов, Н.И. Вавилов, Л. Русланова, композитор Шнитке, К. Симонов, живописец М.А. Врубель, Лев Кассиль, Б. Пильняк, Г.Р. Державин, певец Собинов, изобретатель П. Яблочков, К. Федин, Ю.А. Гагарин.

В Саратов приезжали В.Г. Короленко, Ф.И. Шаляпин, В. Маяковский, В. Гиляровский, В. Качалов, И. Северянин, Александр Дюма, Денис Давыдов, С. Рахманинов, С. Прокофьев, Т.Г. Шевченко, М.А. Булгаков и др.

П.А. Столыпин был губернатором в Саратове.

В Саратове чтят этих людей. Их именами названы улицы. Им поставлены памятники. Особое внимание уделено Н.Г. Чернышевскому, К. Федину, Л. Кассилю, Ю.А. Гагарину. Н.Г. Чернышевский, К. Федин родились, учились в Саратове. Именем Н.Г. Чернышевского названа одна из главных улиц, Саратовский университет, театр оперы и балета, площадь, на которой стоит памятник Н.Г. Чернышевскому. Есть музей Н.Г. Чернышевского, музей К. Федина, музей Л. Кассиля. В Саратове есть школа, где учился и где преподавал Н.Г. Чернышевский. В Саратове он и похоронен.

В Саратове очень чтят Ю.А. Гагарина, который учился здесь в индустриальном техникуме (теперь его имени), учился летать в аэроклубе и около Саратова приземлился. Здесь же приземлился Г.С. Титов.

Сегодняшний Саратов расстроился, осовременился, почистился, перестал быть закрытым. Но и потерял немало. Рухнула промышленность. Закрылся, например, авиазавод. Еле дышат другие заводы. Мне кажется, что снизился культурный и научный потенциал. Мало кто хочет заниматься наукой, т.к. зарплаты в науке низкие до неприличия, т.е. на заработок профессора или доцента прожить очень трудно. Театры тоже еле живы. А простым людям они недоступны по цене. В Саратове постоянно гастролируют звезды эстрады и театров (О. Табаков, И. Кобзон, С. Ротару, А. Пугачева, Ф. Киркоров, М.

Жванецкий, Д. Хворостовский и др.), но билеты купить могут лишь немногие.

Конечно, красой Саратова является Волга. Она здесь величественная: широкая, плавная. У Саратова (к Энгельсу) ширина Волги – 3 км. А дальше – ближе к Самаре, Казани – или в другую сторону – к Волгограду – ширина Волги доходит до 11 км, т.е. другого берега реки не видно. Но это уже результат постройки на Волге нескольких гидросооружений (шлюзов).

В последние (постсоветские) годы число теплоходов уменьшилось (остались некоторые туристические), а билеты на них простым людям недоступны.

В первые годы жизни в Саратове нам пришлось решать сложные квартирные проблемы. Однокомнатную квартиру в Энгельсе, в доме для слепых, мы, конечно, рассматривали как временное пристанище. Сразу по приезду в Саратов ректорат и партком института помогли нам вступить в ЖСК на 3-х комнатную квартиру, которую мы получили через 5 лет. Когда, наконец, пришло время получать ордер, чиновник Волжского райисполкома (Богданов), ведавший выдачей ордеров, не дал мне ордера, заявив, что на двоих (нам с Милой) 3-х комнатной квартиры (общей площадью 60 кв.м) много, хватит 2-х комнатной (у Оли была уже самостоятельная семья). Я объяснил ему, что мы оба доценты и имеем право поэтому на дополнительную площадь (кабинет) до 20 кв. м,

согласно Постановлению правительства. Богданов прикинулся, что это постановление довоенных лет и устарело. Я пошёл в адвокатскую контору, и мне выдали документ, что данное постановление правительства в силе. Богданов вынужден был отступить и выдал мне ордер на 3-х комнатную квартиру.

Мы вселились 8 июля 1978 года. С нами стали жить Оля (дочь), Володя (зять), Надя (внучка), а через 2,5 года и Алешка (внук). И опять возникла проблема: Волжский райисполком не даёт согласия на прописку у нас Оли и Володи. Сказали, что у нас жилой площади (то есть за вычетом подсобных помещений: коридор, туалет, ванная) всего 32 кв. м. и что это мало, не соответствует принятым санитарным нормам.

– А соответствует ли нормам жизни человека не иметь никакой площади и быть на улице? – спросил я.

– Есть законы. Их надо соблюдать – ответил чиновник.

Теперь пришлось идти к председателю райисполкома, который и помог всё-таки получить прописку нашим детям.

В 1983 г. одинокий мужчина, проживавший в 1-комнатной квартире в нашем подъезде, переселяясь к матери, продал нам свою квартиру. Мы купили её за 3 тысячи для Оли и Володи. А вскоре объявился новый вариант: в соседнем подъезде развелись муж и жена. Свою 2-х комнатную квартиру поделили на двоих. Им

нужно было разменять её на две 1-комнатные. Мы решили воспользоваться этим вариантом, т.е. отдать за 2-х комнатную квартиру (2 этаж) в нашем же доме, в соседнем подъезде, две однокомнатные: купленную только что 1-комнатную квартиру в нашем подъезде и 1-комнатную квартиру в доме слепых в Энгельсе. Понимали, что обмен опять-таки неравный, не в нашу пользу: за каждую комнату 2-х комнатной квартиры мы отдаем по целой квартире (без каких-либо доплат: по дурацкой, наверное, совестливости мы не умеем брать деньги с людей) – это, конечно, многовато. Но здесь сыграли роль ещё некоторые обстоятельства. Дело в том, что энгельсскую квартиру у нас могли отобрать в пользу горисполкома. Она ведь не частная, а государственная. И в ЖЭУ уже мне говорили, что в вашей квартире никто не живет и её надо сдать. Так что нужно было поспешить использовать её. Однако, чтобы обменять государственную квартиру на квартиру в Саратове, нужно получить разрешение Энгельсского горисполкома. Разрешение должно было быть получено Милой, т.к. только она осталась ещё прописанной в Энгельсе (а я был прописан в Саратове, сначала у Сербиных, а потом в своей квартире ЖСК).

В связи с этим Милу пригласили на заседание жилищной комиссии Энгельсского горисполкома. Но комиссия не даст разрешения, если узнает, что муж уже получил квартиру в Саратове. Наши знакомые посоветовали Миле заявить, что она разводится с

мужем, и ей нужна отдельная квартира. Ход, конечно, был слабый, уязвимый. Членам комиссии показалась такая версия неубедительной (и правильно, документа о разводе ведь нет). Они её забросали вопросами, и она не выдержала заявив: «Ну, конечно, я говорю неправду, хотя никогда раньше неправды не говорила. Не разводимся мы с мужем. Наоборот, мы любим друг друга, и дружно живем. Но в чём я провинилась? всю жизнь мы оба честно работали. Квартиру тоже честно получили. А теперь вот дочь выросла, и им с мужем и двумя детьми жить негде. Мы сейчас шестеро живем в одной квартире. Дочь и зять тоже не бездельники. Оба работают. Она учитель. Он зам. директора музея по научной части. Ну, какие мы пройдохи или преступники? Какая наша вина? Вина только в том, что я поддаюсь советам друзей, чтобы сказать вам о ложном разводе. Какой там развод? Муж мой сидит сейчас в коридоре, ждёт меня, нервничает». Комиссия притихла. А председатель сказал: «Нам нужно проверить то, что Вы сказали». Вскоре к нам, в нашу новую квартиру в Саратове приехал представитель жилкомиссии из Энгельса. Приехал неожиданно. Увидел меня с маленьким Алешкой на руках, Милу с Надей на кухне и пеленки, развешенные в коридоре. Он даже спрашивать больше ничего не стал. Посмотрел и сказал: «Мне все ясно. Я так и доложу. До свиданья».

Вслед за этим я поехал в Энгельс к председателю жилкомиссии. Он оказался вполне приличным

человеком. Бывший офицер. Служил в Казахстане, в Караганде. На него произвело впечатление, что мы из Кзыл-Орды (он знал этот город), и что мы оба доценты, и что я теперь в Саратове декан. Он сказал: «Вы молодцы. Вы оба учёные, специалисты». Согласие на обмен мы получили.

Обмен состоялся, и Оля с Володей и Алешкой перебрались в свою 2-х комнатную квартиру. А Надя не захотела уезжать от нас и осталась. Так и жила с нами до самого замужества. И с мужем жили у нас года два, пока не купили себе квартиру.

Возвращаюсь к Саратовскому пединституту, где мы теперь стали работать. Я преподавал историю русского языка, Мила – современный русский язык.

В 70-80-е годы Саратовский пединститут (СГПИ) был одним из крупнейших педвузов в стране. Это был пединститут 1-ой категории. В его составе было 9 факультетов и ещё факультет повышения квалификации учителей.

История педобразования в Саратове такова. В 1913 г. в Саратове был открыт Учительский институт, на основе которого в 1918 г. был создан Педагогический институт. В 1919 г. он был переименован в Институт народного образования, который в 1922 г. преобразован в педагогический факультет СГУ. А в 1931 г. на базе педфакультета СГУ был вновь создан Педагогический институт.

Институт рос, развивался. Здесь сразу оказались хорошие педагогические кадры. В 30-40-е годы в институте работали проф. Скафтымов А.П., проф. Лукьяненко А.М., проф. Ефремов А.Ф., проф. Волк-Леванович И.В., проф. Познанский Н.Ф., проф. Зернов, акад. Челинцев В.В., акад. Панкратова А.А. А позже (70 – 80-е гг.) здесь работали проф. Юрченко В.С., проф. Черепанов М.В., проф. Мандель Е.М., проф. Наполова Т.Т., проф. Ковалев И.Ф., проф. Железовский Б.Е., проф. Приютов М.Ю., проф. Горбачев Н.А., проф. Молчанов В.А. и др.

Многие выпускники пединститута стали впоследствии тоже докторами наук, профессорами: Л.И. Баранникова, Е.И. Покусаев, В.Е. Гольдин, Ю.С. Воронов, О.Ю. Крючкова, В.П. Крючков, А.П. Дульзон, Г.В. Шляхтин, А.А. Зарайский, С.П. Хижняк, В.Т. Клоков и др. Выпускница филфака пединститута З.К. Пряхина стала единственным Героем Социалистического Труда среди учителей Саратовской области.

Выпускники пединститута ежегодно покрывали громадную территорию СССР. По данным архива института, только за 4 послевоенных года (с 1953 по 1956 гг.) институт направил на работу в школы 1240 учителей. Из них – в Саратовскую обл. – 760, в Хабаровский край – 66, в Кемеровскую обл. – 16, в Тюменскую обл. – 16, в Красноярский край – 12, на Камчатку – 8, а также в Якутию, Туву и др. регионы.

Пединститут выполнял важные интернациональные функции. В разные годы он готовил учителей русского языка и для мордовских, калмыцких, узбекских, азербайджанских школ. Это была братская помощь другим народам, т.к. все посланцы этих народов в Саратове обучались за счет средств РСФСР.

Учебный процесс и воспитательная работа со студентами имели богатые укрепившиеся традиции. Будущие учителя получали в вузе хорошие профессиональные знания, высокий нравственный потенциал.

На кафедре русского языка в Саратовском пединституте нас приняли доброжелательно, уважительно. Кафедра состояла из хороших специалистов. Заведовал тогда проф. В.С. Юрченко. Это высококвалифицированный лингвист и очень добрый и скромный человек. Очень опытными преподавателями были проф. Черепанов М.В., доценты Сердобинцев Н.Я., Ильина В.Ф., Кан Ю.Н., Останин А.И., Игнатов Б.Ф., Жученко Н.К., проф. Воронов Ю.С. На факультете бережно хранили традиции, заложенные прежде профессорами Скафтымовым А.П., Ефремовым А.Ф., Лукьяненко А.М., Баранниковой Л.И. и др.

Основными научными проблемами, которыми занималась кафедра русского языка пединститута, были проблемы истории русского литературного языка, проблемы изучения языка и стиля писателей XIX и XX

вв. (Ефремов А.Ф., Сердобинцев Н.Я., Воронов Ю.С.), изучение лексики, фразеологии, морфологии, синтаксиса, стилистики современного русского языка (Юрченко В.С., Ильина В.Ф., Коробейникова В.А., Кан Ю.Н., Останин А.И., Филиппов Л.К., Игнатов Б.Ф., Егорова Р.А.), изучение русских народных говоров (Баранникова Л.И., Жученко Н.К., Мурзаева Т.И.). В 70-е и последующие годы возникло и развивалось новое направление на кафедре – изучение русского словообразования. Это направление началось с работ проф. Черепанова М.В., а затем расширялось работами Э.П. и Ю.Г. Кадькаловых, ещё чуть позже – работами О.И. Дмитриевой, З.С. Санджи-Гаряевой, С.Б. Козинца, Т.В. Кузнецовой, С.А. Хромовой.

Естественно, что на кафедре педвуза в числе центральных проблем были также проблемы методики преподавания русского языка в вузе и школе.

В Саратове нас удивили частые научные конференции как в самом Саратове (в пединституте, в университете), так и в других вузах страны, куда нас регулярно приглашали. Конференции были всесоюзные, международные, всероссийские, региональные. Тем, кто участвовал в конференции с докладом, ректорат вуза полностью оплачивал все командировочные расходы. Это было здорово!

Мы, конечно, старались включиться в программы таких научных конференций. В результате нам удалось выступить с докладами на конференциях в Москве, в

Звенигороде, Орехово-Зуеве, Мичуринске, Тюмени, Свердловске, Самаре, Ульяновске, Астрахани, Волгограде, Оренбурге, Балашове, Калининграде, Днепропетровске, Ужгороде, Ташкенте и, конечно, неоднократно в Саратове.

Участвуя в конференциях, мы с Милой, естественно, встречались со многими очень известными учеными-языковедами, например, с такими как Е.С. Кубрякова, О.Н. Трубачев, Д.Н. Шмелев, А.Д. Шмелев, Н.И. Толстой, И.С. Улуханов, А.Н. Тихонов, В.Г. Костомаров, Е.А. Земская, С.Г. Бархударов, Ю.С. Азарх, Ю.Н. Караулов, Л.П. Крысин, И.Г. Милославский, А.А. Залевская, И.Г. Добродомов, Н.Г. Комлев, В.Г. Рудилев, Е.С. Скобликова, С.П. Лопушанская, А.А. Дементьев, Н.А. Кондрашов, Н.А. Илюхина, О.И. Блинова, М.Н. Янценецкая, В.Д. Голев, А.В. Бондарко, Г.А. Николаев, В.И. Карасик, И.А. Стернин, В.Н. Немченко, В.Д. Бондалетов, В.И. Максимов, А.И. Горшков и др.

Эти встречи, их доклады, иногда беседы с ними были для нас интересными, познавательными. Бывало и так, что с некоторыми из известных ученых мы встречались у нас дома за гостевым столом. В частности, нашими гостями были (по случаю, находясь в Саратове) Генеральный секретарь МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы) акад. В.Г. Костомаров (в 1967 г. он был официальным оппонентом на защите диссертации

Милы), проф. И.С. Улуханов (Москва), проф. А.Н. Тихонов (Москва), проф. Г.А. Николаев (Казань), проф. Ю.С. Азарх (Москва), а также саратовские профессора: проф. О.Б. Сиротинина, проф. Л.И. Баранникова, проф. В.С. Гольдин, проф. Черепанов М.В. и др.

Поездки на научные конференции были интересны и познавательны ещё в том отношении, что они расширяли культурный кругозор. В каждом городе, кроме научных докладов, дискуссий, предусматривалась культурная программа, т.е. выбиралось время для ознакомления участников конференции с достопримечательностями города, области. Такие экскурсии, конечно, были полезными. Например, в Рязани нас возили в село Константиново, на родину Сергея Есенина.

В Тюмени нам организовали экскурсию в г. Ялуторовск, место ссылки декабристов. Он в 70 км от Тюмени, расположен на р. Тобол. Здесь отбывали ссылку декабристы: подполковник Муравьев-Апостол М.И., капитан Якушкин И.Д. и др. Здесь единственный в стране музей декабристов, школа, где декабристы обучали местных детей (они привлекали старших учащихся для обучения младших – ланкастерская система). Здесь и могилы декабристов.

В Ужгороде нам организовали экскурсию по Закарпатской области. Очень красивые места в горах Закарпатья и замечательные старинные замки. Сам Ужгород очень самобытный город. Он небольшой –

около 120 тыс. населения. Город пограничный. Из Ужгорода идут хорошие автотрассы в Чехию, Венгрию, Румынию, Польшу. Город расположен на реке Уж. Очень уютный, чистый, красивый. Центр Закарпатской области. Основан в 9 веке. В Ужгородском университете есть венгерское отделение.

В Волгограде нас возили на Мамаев курган, в Мичуринске – в сады И.В. Мичурина, в Ульяновске показывали мемориальный комплекс, посвященный Ленину, и дом, где проживала семья Ульяновых, ташкентцы знакомили не только с Ташкентом, но и возили нас в Самарканд, очень интересный древний город. Здесь мы посмотрели величественную гробницу Тимура, старое духовное училище – медресе, обсерваторию Улугбека и др. Кстати, отдельно от конференций нам посчастливилось побывать и в других интересных местах.

С Ленинградом мы познакомились специально дважды (один раз брали с собой Олю) по туристическим путевкам. Повидали там много: дворцовую площадь, крейсер «Аврора» (были в нём), летний сад Петра I, Васильевский остров, были в Петропавловской крепости, в Исаакиевском соборе, в Казанском соборе, в Русском музее, в Эрмитаже, были в Петергофе (именно тогда, когда там работал ансамбль фонтанов), в Ломоносово (в знаменитом дворце Екатерины II), в Кронштадте, в Пушкино (в Царскосельском лицее, где учились Пушкин,

Кюхельбекер, Пущин и др.), посетили пушкинские места, были на Черной речке, где состоялась дуэль Пушкина с Дантесом, в доме Пушкина на Мойке, где умирал раненный Пушкин, на Пискаревском кладбище – памятнике погибшим ленинградцам в годы Великой Отечественной Войны, в том числе блокадникам, в Александро-Невской лавре, где захоронены М.В. Ломоносов, А.В., Суворов, М. Глинка и многие другие выдающиеся полководцы, писатели, деятели культуры. Конечно, нас возили по ленинским местам.

С московскими достопримечательностями мы познакомились в основном в годы сдачи кандидатских экзаменов и приезда на консультации и для работы в Ленинской библиотеке. После приезда в Москву мы сразу брали несколько билетов в разные театры и вечерами прямо из библиотеки бегали на спектакли. Иногда пользовались экскурсиями по Москве.

В 1971 году мы отдыхали в санатории Хоста (район Сочи). В эти дни нас свозили на экскурсию в Гагры и Сухуми (Абхазия). Прекрасные места.

Довелось нам побывать две недели в Литве, в г. Паланга. Небольшой курортный городок. Население – 10 тыс., а в летние месяцы здесь отдыхает около 100 тыс., т.е. городок трудится весь на обслуживании отдыхающих. Поразила чистота города. Брошенной спички не увидишь. Основной личный транспорт – велосипед. Очень мягкое, спокойное, вежливое

обслуживание в кафе, кино, в магазине и т.д. Здесь мы тоже были с Олей.

До поездки в Палангу некоторые нас предупреждали, что там (в Литве) яркий национализм, плохо относятся к русским. Мы же этого не почувствовали. Мы были вежливы к ним, а они к нам.

Самым видным, крупным в городе был католический костёл. Мы сходили в костёл. Я спросил у служителя, не возбраняется ли нам посетить костёл. И нас вежливо пригласили пройти в него. Мы послушали службу. Прихожане в костёле не стоят, как в нашей церкви, а сидят. В зале, как в театре, для этого сделаны ряды кресел.

Недалеко от Паланги (30 минут езды на автобусе) порт Клайпеда. Мы, конечно, побывали в Клайпеде.

А один день с раннего утра до позднего вечера (до полуночи) мы посвятили Риге (Латвия). Утром мы вылетели на самолете и через 45 минут были в Риге. Весь день были с экскурсией в Риге. В Риге осмотрели достопримечательности города, слушали органную музыку, побывали даже на городском кладбище, где сразу и не поняли, что это кладбище, т.к. это был большой красивый, ухоженный парк. Нет никаких могильных холмов, изгородей и т.п. Здесь просторные аллеи, по обеим сторонам которых уложены сравнительно небольшие мраморные плиты. На них написаны сведения об умерших. Иногда рядом лежала незаполненная плита, это означало, что она

приготовлена для ещё живущего, но желающего, чтобы его плита была потом рядом с близким человеком. Были в Рижской консерватории, в Рижском порту и т.д.

В Паланге не жарко. Но люди загорают и купаются. Для этого прячутся за дюнами и греются на солнышке на белом мягком песке.

Вскоре после приезда в Саратов нам стали поручать рецензирование диссертаций, написание отзывов на них, выступления в качестве официальных оппонентов на защите диссертаций. В 1977 г. меня избрали в состав диссертационного совета СГУ. И сами мы стали руководить аспирантами, которые, кстати, всегда успешно защищались, а теперь являются доцентами.

В первый же год работы в Саратове нас привлекли к общественной и административной работе. Меня избрали секретарем партбюро факультета, Милу избрали парторгом кафедры. Через 5 лет меня избрали деканом факультета. И в этой должности я без перерыва проработал около 24 лет. Ушёл с должности декана, когда мне исполнилось 70 лет.

Хочу сказать, что в постоянной моей работе в качестве руководителя (то партийной организации, то факультета) мне очень помогала моя Мила. Помогала, во-первых тем, что она всегда была очень уважаемым и авторитетным специалистом (а мы всегда работали на одном факультете).



Она всегда была скромна и не претендовала ни на какие привилегии как жена декана. Напротив, она вела самую ответственную работу, а когда на факультете отбирались кандидатуры на какие-либо поощрения, награждения, она просила меня исключить её кандидатуру из списка. И я так делал. Наши коллеги часто недоумевали и даже возмущались такой моей позицией, но мы оба считали нескромным, чтобы я подписывал такой список. Иногда, правда, ректорат без меня включал её в список для поощрений.

Мила выступала инициатором многих новаций на факультете. Так для выработки исследовательских навыков у студентов она на I курсе ввела ежегодную учебно-исследовательскую конференцию «Всё об одном слове». Каждый первокурсник давал комплексную характеристику выбранного слова (этимологическую, лексико-семантическую в динамике, фразеологическую, стилистическую, словообразовательную, морфологическую, синтаксическую). Лучшие работы обсуждались на конференции. Впоследствии эту работу вела доцент В.А. Коробейникова.

Мила руководила подготовкой студентов по языку к межвузовским студенческим олимпиадам и разрабатывала программы олимпиад.

Она подготовила со студентами интересный вечер «О языке языком поэзии». Она разработала программу олимпиады по русскому языку для школьников и т.д.

Мне не приходилось испытывать неловкость за работу жены. Я мог только гордиться её работой. Согласитесь, что это важно для руководителя коллектива. Её авторитет укреплял и мой авторитет.

Во-вторых, она всегда была моим самым объективным критиком и самым мудрым советчиком.

Избрание меня на должность декана не понравилось некоторым старожилкам факультета. Выразилось это в том, что уже в самый первый год моей работы деканом возник неожиданный конфликт, инициатором которого оказался зав. кафедрой русского языка доцент Сердобинцев Н.Я. Позже я стал думать, что, вероятно, он хотел бы сам занять эту должность (хотя это лишь моё предположение). У Н.Я. Сердобинцева истекал 16-й год заведования кафедрой и, по вузовским правилам, он должен был освободить это место (т.к. не был профессором, а на кафедре уже были профессора). Когда меня избрали деканом, Н.Я. был на ФПК в Москве. Вернувшись, узнал о переменах на факультете. Теперь на каждом заседании Совета факультета (председателем которого является декан) он находил повод для критики декана. Николай Яковлевич Сердобинцев был авторитетным человеком на факультете и в институте (был когда-то проректором института по научной работе, участник войны, выпускник нашего факультета). И вообще он не был плохим человеком. Позже, через несколько лет, мы

очень хорошо относились друг к другу. Но вот в том, 1978 г., возник странный конфликт.

Однажды ко мне в деканат вбежала возмущённая доц. Н.П. Фокеева:

– Юрий Григорьевич! Вы, наверное, не знаете, что на факультете, по кафедрам, носят на подпись письмо, направленное против Вас. Мне вот только что предлагали его подписать, но я отказалась. Что же происходит у нас? Надо что-то делать. (Замечу, что Н.П. Фокеева была на факультете председателем методической комиссии).

Я, действительно, ничего не знал об этом письме. Оказалось, что письмо подписали зав. кафедрой советской литературы Т.Т. Наполова и секретарь партбюро факультета П.В. Ткаченко. Больше подписантов не нашлось.

Я пригласил в деканат П.В. Ткаченко и спросил о письме. Он подтвердил факт такого письма, извинился передо мной, что подписал его, оправдываясь тем, что будто бы Н.Я. Сердобинцев заставил его подписать, а П.В. Ткаченко не смог возразить, т.к. зависит от Н.Я., будучи доцентом на его кафедре.

Я сказал Петру Васильевичу (а он значительно старше меня, участник войны, тоже выпускник нашего факультета), что мне непонятно его поведение, поскольку он парторг факультета. Сказал, что если парторг факультета не согласен с действиями декана, то он должен был бы поговорить об этом с деканом, может

быть, собрать партбюро или даже партсобрание факультета и обсудить работу декана, поставить его отчёт, поправить декана, но не подписывать в коридоре подмётное письмо. Это не партийные методы работы. Это нечестно. Это непристойно парторгу.

Вскоре меня пригласил ректор и сообщил, что у него были два зав. кафедрами и парторг филфака с письмом против меня. Он изложил мне содержание письма. Оно было наивным. Например, о том, что декан хочет изменить сроки проведения педпрактики на 5 курсе, что он не освобождает от занятий две последние недели декабря для сдачи зачетов студентами.

Я отвечал, что сроки педпрактики пока остаются прежними, как это было до меня много лет, хотя на Совете факультета было высказано и поддержано большинством мнение о том, что на 5 курсе практику следует начинать не с 1 сентября, а со 2-ой четверти, во-первых, потому, что первая декада сентября в школах – это процесс организационного упорядочения, а во-вторых, потому, что студенты 5 курса в сентябре-октябре успеют закончить изучение современного русского языка и литературы XX века и выйдут на практику более подготовленными. Совет решил ещё раз обсудить этот вопрос. А пока практика осталась в прежних сроках.

Что касается 2-х свободных от занятий недель для сдачи зачетов, то это противоречит действующему уставу вуза. Так на всех других факультетах.

Ректор принял мои пояснения, поддержал меня и добавил, что авторов письма он отругал и отправил, а парторга факультета задержал и отчитал с особой строгостью.

Замечу, что зла на авторов письма я не держал. И П.В. Ткаченко в общем-то добрый, хороший человек, но мягкий, слабовольный. От конфликта этого впоследствии ничего не осталось. Всё забылось. А начало педпрактики мы всё-таки перенесли на 2-ю четверть. И до сих пор это так.

Должность декана была хлопотной, т.к. факультет был большим и сложным. В нем, в сущности, были 3 факультета: 1) русского языка и литературы (350 чел. очников + около 500 заочников), 2) русского языка и литературы для национальных (узбекских) школ (350 чел.), 3) с 1984 г. – историки (мы снова после небольшого перерыва стали готовить учителей истории) – 250 чел.

Общий контингент студентов составлял около 1500 чел. Трудности состояли в том, что у каждого отделения были разные учебные планы, разные расписания. Учебные планы часто менялись, поэтому мы иногда работали по 9-ти планам: новейшему (для первых курсов), новому (для средних курсов) и старому (для выпускников).

Я благодарен своим помощникам по работе в деканате: заместителям декана – М.Ф. Зайнетдинову, А.Л. Фокееву, К.Ф. Седову, А.А. Волкову, Л.В.

Зиминой, секретарям деканата – Н.В. Чепуриной, Т. Хохловой, Е. Афанасьевой, Е.В. Комаровой, Е.А. Павловой. Они работали добросовестно, честно.

Очень сложной была воспитательная работа на национальном отделении. Оно возникло в 1966 г., когда в Узбекистане произошло сильное землетрясение. Ташкент и другие города были разрушены, в том числе и здания вузов. ЦК КПСС принял решение открыть для узбекской молодежи национальные отделения в 6-ти педвузах России и 4-х – Украины. В 1966 г. Саратов принял первых студентов из Узбекистана (50 человек). А затем в Саратов направлялись ежегодно по 75 чел. из одной, Сурхандарьинской области (самой отдаленной, на границе с Афганистаном, центр области – г. Термез). Из 75 человек набора только 1/3 – девушки, а 2/3 – юноши. Так филфак стал вскоре самым «мужским» факультетом. Даже спортфак нам уступал в этом.

Ребята-узбеки, выросшие в аулах, не имели утонченных манер поведения. Многие были добрыми, простыми ребятами, но воспитания явно не хватало. А ещё с русским языком были трудности. Нередко ввязывались в драки между собой и в городе, были кражи вещей в общежитии. И всё это надо было безотлагательно разбирать, выяснять (а это трудно) и принимать справедливые меры. Хлопот было много.

Однажды случилась большая массовая драка студентов индустриально-педагогического техникума им Ю. Гагарина (здесь раньше учился Гагарин) с

нашими ребятами-узбеками. И случилось это 7 ноября, в день Октябрьской революции. Группа «индустриков» навеселе пришла в наше общежитие поздно вечером и избили в вестибюле нескольких наших ребят. 8 ноября в полдень «индустрики» снова пришли в наше общежитие, поднялись на третий этаж и стали бить там ребят. Но они просчитались. Ребят-узбеков в общежитии было около 200. Они замкнули в кольцо пришельцев на 3 этаже, конечно, поколотили их, а 6 человек закрыли в одной комнате на замок и вызвали милицию. Милиция увезла пленников. Прошёл слух, что теперь индустрики опять придут, чтобы отомстить. В этих условиях наши ребята испугались, и один курс (3-й) утром 9 ноября уехал в Ташкент. Они хотели, чтобы и другие уехали, но ребята 5 курса удержали остальных. Беженцы в Ташкенте явились в Министерство просвещения и рассказали о случившемся. Министерство доложило в ЦК Узбекистана, ЦК обратился в ЦК КПСС в Москву и в КГБ.

Я сразу предлагал ректору обо всём рассказать горкому партии и райкому Октябрьского района. Он, видимо, побоялся этой огласки, решил всё уладить самим. Не вышло. Из ЦК КПСС позвонили в Саратовский ГК КПСС и спросили, что за конфликт произошёл в Саратове на национальной почве в день 7 ноября? В Саратове поднялся шум. Из Москвы приехал представитель Министерства просвещения. Из

Ташкента приехали представитель ЦК Узбекистана, зам. министра просвещения и др. Они привезли обратно и наших ребят. Прошли собрания у нас в институте, в техникуме. Вопрос вынесли на бюро Октябрьского РК КПСС.

Мы защищались главным образом тем, что не наши ребята начали драку в техникуме, а наоборот. Наши лишь оборонялись, как могли, и 6 человек сдали в милицию. Словом, мы оправдались. А руководство техникума пострадало. Директора сняли. Секретарю парткома – строгий выговор, нескольких ребят отчислили.

Ребята наши были вспыльчивые, горячие. Но мне удавалось с ними ладить. Они были очень отзывчивы. И когда я по-хорошему просил их выполнять что-то, чтобы мне не краснеть, они выполняли все честно.

На русском отделении у нас в основном девочки. А на узбекском – мальчики. Поэтому нередко появлялась любовь, возникали браки. Некоторые были недолгими, а некоторые живут и до сих пор либо в Саратове, либо в Узбекистане.

Узбекское отделение прекратило существование в 1993 г., после распада СССР. Перед выпуском последнего курса я летал в Ташкент, разговаривал с министром о судьбе нашего (и их) отделения. Мы были согласны продолжать сотрудничество, но на платных условиях. Ведь до сих пор (27 лет) мы готовили специалистов для Узбекистана полностью за счёт

средств РСФСР (и обучение, и стипендия, и общежитие, оплата сотрудников...). Теперь Узбекистан должен был взять все эти расходы на себя. Министерство согласилось, что теперь это, конечно, справедливые требования. Мы, дескать, будем просить об этом правительство. Но ничего не получилось.

А выпускники иногда приезжают, приходят к нам, помнят добро. Такие встречи приятны.

Неоднократно встречались мы в Саратове и с бывшими земляками – кзылординцами. Прежде всего это были встречи с коллегами из Кзыл-Ординского пединститута, когда они проезжали через Саратов в Москву, Ленинград и обратно. По телеграмме мы выходили и встречались с ними у поезда. Но были и другие, случайные встречи в Саратове. Они были неожиданными и интересными. Первая такая встреча произошла уже 1 сентября 1973 г., в первый день нашей работы в Саратове, когда мы пришли на занятия. Мы поднялись на 3 этаж, как вдруг в коридоре этажа раздался радостный крик:

– Юрий Григорьевич! Эмилия Петровна! – Нам навстречу бежала девушка с распахнутыми руками.

– Как вы здесь оказались? – спрашивала она.

– Мы здесь работаем.

– А я ваша студентка из Кзыл-Орды. Я Люда Джгун. Училась у вас, пока папа мой служил в Ленинске (это военный город в Кзыл-Ординской обл.,

обслуживающий космодром Байконур – Ю.К.). Папу перевели сюда, и я теперь здесь, на 5 курсе.

– Не трудно тебе, Люда, учиться в Саратове после Кзыл-Орды?

– Нет, нисколько. Нас хорошо учили в Кзыл-Орде.

Люда оказалась одной из лучших студенток на курсе. Успешно закончила институт, вышла замуж за военного и уехала из Саратова.

Вторая встреча случилась года через два. Я уже был секретарем партбюро факультета и шёл на заседание парткома в другой корпус института. На тротуаре меня нагнал молодой мужчина:

– Вы Юрий Григорьевич?

– Да.

– Я знаю Вас по Кзыл-Орде. Моя жена училась у Вас в Кзыл-Ординском пединституте. Окончила там филфак. Я бывал в пединституте. Она мне показывала Вас и рассказывала о Вас и вашей жене. Сейчас мы в Саратове. Она работает в школе, а я недавно стал работать в пединституте на факультете общественных профессий (ФОП), руковожу драмкружком. Жена будет очень рада, когда я расскажу ей о нашей встрече.

Следующая встреча была летом 1982 г., в канун вступительных экзаменов на 1 курс. Перед началом экзаменов по традиции проводятся встречи деканов с абитуриентами. Декан знакомит будущих студентов с факультетом, его структурой, специальностями,

кадрами и т.п. Такие встречи бывают обычно в больших аудиториях, залах, т.к. присутствует много абитуриентов, да ещё их родители, родственники.

Когда закончилась встреча, ко мне подбежала взволнованная мама с дочерью-абитуриенткой:

– Юрий Григорьевич! Как только Вы вошли в зал, я сразу вскрикнула: Дочка! Это он! Это мой учитель! И Вы тут же обратились к залу:

– Будем знакомиться. Меня зовут Юрий Григорьевич Кадькалов. Я декан филологического факультета.

– Вот так встреча! Ведь я училась у Вас в Кзыл-Орде в пединституте и окончила там филфак. А сейчас мы живем в Саратовской области. Я работаю в школе. Моя дочь будет поступать на ваш факультет.

Дальше был разговор о Кзыл-Орде, о том, как она и мы обосновались в Саратове.

А однажды на улице, на тротуаре ко мне подошла незнакомая женщина и спросила, не жил ли я в Кзыл-Орде. Я подтвердил её предположение. Она сказала, что видела меня не раз в Кзыл-Орде, и вот теперь узнала, не ошиблась.

Годы жизни в Саратове бежали с нарастающей скоростью. Одни проблемы кое-как успокаивались, решались, а другие возникали. Вырастали наши дети, у них появились свои семьи, свои трудности, разрешение которых не могло обойтись без нашего участия.

## ДЕТИ

Детей у нас двое: сын – Сергей (1952 г.) и дочь – Оля (1957 г.). Сергей родился в Алма-Ате, когда мы были ещё студентами («студентик»), а Оля в Кзыл-Орде, когда мы уже работали (4 года) в пединституте. В школе они учились, конечно, в Кзыл-Орде, с перерывом на один год, когда мы уезжали в аспирантуру в МГУ, а детей отвозили к моей маме в Иртышск, где они и учились 1 год.

Мы, как всегда, постоянно в работе, в институте, а дети сначала были под присмотром бабушки (мамы Милы), а когда её не стало, находились на самообслуживании. Летом, когда у нас было много занятий на заочном отделении, нас выручал пионерлагерь. Он был на окраине города, близко. Мы часто могли их навещать, а постоянно они были под присмотром в лагере. Надо похвалить нашего Сережку: он заботливо оберегал сестренку (Олю), смотрел за нею, помогал. Об этом нам с восхищением рассказывали вожатые лагеря.

Сергей закончил школу в 1969 г. с высокими оценками и с большой уверенностью и «лёгкостью в мыслях необыкновенной» решил поступать в МИФИ (Московский инженерно-физический институт), в один из самых престижных вузов страны.

В те годы в МГУ, МИФИ, Физтех и в МВТУ (в самые авторитетные вузы) вступительные экзамены проводились в июле, а в остальные вузы – в августе. Сделано так было для того, чтобы не прошедшие по конкурсу в вышеназванные 4 вуза в июле (а это всё-таки были, отнюдь, не слабые абитуриенты), могли попробовать себя в августе в другом вузе.

Сергей прежде в Москве почти не был, кроме той недели, когда моя мама привозила их ещё детьми к нам в МГУ. Родных и близких в Москве у нас не было. В связи с этим мы решили, что мне надо ехать с ним в Москву в роли сопровождающего. И именно в этой роли, т.к. никак иначе я помочь ему не мог. Мы приехали в Москву в 13-40 поездом «Алма-Ата – Москва». Сразу отправились в МИФИ. У меня создалось впечатление, что это далеко от центра. Метро туда ещё не было (метростанция «Каширская» только строилась), поэтому мы добирались в МИФИ на автобусе (по Каширскому шоссе). Успели сдать документы в приёмную комиссию. Сергею как приезжему дали направление в студ. общежитие. Мы нашли корпус общежития. Оно было почти пустым. Студенты уже были на каникулах. В комнате, куда поселили Сергея, был ещё студент МИФИ. Общежитие произвело на меня тягостное впечатление. У нас, в Кзыл-Ординском пединститутском общежитии такого разгрома не допустили бы. Здесь же в общежитии никто не убирал грязи, вероятно, уже не одну неделю.

Стены были грязными и ободранными. В кухне гора мусора и объедков, многие окна разбиты. Но выбора у нас не было. Покормив Сережку и устроив в комнате, я поехал в Москву искать ночлег для себя. В июле найти место в гостинице было трудно. Я и не нашёл его. Всю ночь просидел в полудрёме в вестибюле одной гостиницы. Меня пытались прогнать, но сжалились. Утром я опять поехал в МИФИ. На вопрос Сергея, как я устроился, отвечал, что хорошо, остановился, дескать, в гостинице «Алтай». Я не хотел расстраивать его тем, что я нигде не устроился. Ему надо думать о другом. Сергей вскоре пошёл на консультацию, а я ждал его. Он пошёл готовиться, заниматься, а я (уже к вечеру) опять вернулся в Москву. Мест в гостиницах не было. Но кто-то посоветовал мне поехать в гостиницу «Северная». Она старенькая, малоизвестная и т.д. Я нашёл её. И здесь мне отказали. Но администратор предложила подождать с полчаса, когда поступят новые сведения о местах. Подождал. И она предложила мне место в «общежитии», т.е. в комнате, где было 7 коек. Конечно, согласился. Комната была на 2 этаже над вечерним рестораном. Летом окна раскрыты, и слышался оглушительный гром ресторанной музыки. Однако степень моей усталости была такой, что я сразу крепко уснул.

Первый экзамен был письменный по математике, и Сергей получил 2. Сдававших было много, несколько сотен. Двоек тоже было очень много (итоги были

вывешены на стендах). Один из экзаменаторов (а их тоже было много) мне объяснил, что большое количество двоек вполне объяснимо. «Мы даем задачи повышенной трудности. С ними справляются в основном выпускники наших подготовительных курсов, которые прошли у нас двухгодичную подготовку», – сказал он.

Так закончилась наша московская одиссея.

Что дальше? Решили сдавать в Саратовский госуниверситет, на мехмат. Выбор был не случайным. Во-первых, СГУ – это один из старейших университетов страны, а мехмат пользуется хорошей славой. Во-вторых, Саратов – это ближайший от Кзыл-Орды российский крупный город. В-третьих, здесь у нас есть друзья – Таля и Сергей Ковалёвы и у них можно хотя бы на первые дни остановиться.

Через Талю я узнал, что молодой математик Лавров Б.Н. начал работу с 5-тью абитуриентами по подготовке к экзамену. Но к приёмным экзаменам он отношения не имеет. Он лишь репетитор. Я попросил его взять и Сергея. Он взял.

После 2 – 3-х занятий я спросил его об успехах Сергея. Он сказал: «Парень способный. Мне не приходится объяснять ему дважды. Но по некоторым темам у него провал. Он о них просто не слышал. Работать с ним можно».

Занимался Сережка упорно. Даже пойти на прогулку, отдохнуть отказывался. Вероятно, срыв в МИФИ произвел на него сильное впечатление.

Наступили экзамены. Я, как и другие родители, дедушки-бабушки, ждал Сергея во дворе учебного корпуса. Две математики (письменно и устно), физику он сдал на «отлично». И только сочинение – на «хорошо». Мои «соболезники» во дворе, услышав наш разговор и его оценки, спрашивали меня, какую школу он окончил, математическую? А когда я отвечал, что он учился в Казахстане, крайне удивлялись.

В приёмной комиссии и в деканате мне сказали, что мы можем не ждать официального приказа о зачислении, можем ехать домой и приезжать к 1 сентября. Сомнений в его зачислении быть не может. Мы вернулись в Кзыл-Орду.

На I курсе он успевал на 5 и 4. А на II курсе загулял. Плохо посещал занятия. К зимней сессии III курса у него оставалась не ликвидированной с летней сессии II курса задолженность по физпрактикуму (зачёт). Все экзамены были сданы на 5 и 4. Но на просьбу декана мехмата к преподавателю физфака, ведущему физпрактикум, принять зачёт у Сергея, тот ответил отказом.

В этой ситуации мы решили забрать его домой, т.е. перевести на физмат нашего пединститута. Так и сделали. А в Кзыл-Орде (под нашим контролем) он опять стал отличником. Бывало, я просил некоторых



преподавателей строго его опросить и не ставить ему 5. А они мне потом отвечали, что он отвечал лучше всех, и снижать ему оценку было бы тоже несправедливо.

Ректор пединститута (он был математик, и ему тоже Сергей сдавал экзамен) однажды сказал мне: «Юрий Григорьевич, сын ваш толковый парень. Давайте переведем его в Алма-Ату, в университет. Я попрошу об этом ректора Казгосуниверситета». Я засомневался: не повторится ли то, что было в Саратове? А Сергей ухватился за это предложение. Решили рискнуть. Так он стал студентом мехмата КазГУ в Алма-Ате. Правда, там его взяли с потерей года, т.е. после 3-го курса пединститута на 3-й курс КазГУ с досдачей некоторых дисциплин. В Алма-Ате он учился на 4 и 5. На 4 курсе женился на Тане Токаревой, студентке филфака.

Сергей хорошо закончил университет. Был направлен в Кокчетавский пединститут, который послал его в целевую аспирантуру в Институт математики АН КазССР. Закончив аспирантуру, он должен был вернуться в Кокчетав. Но к этому времени у них с Таней родились близнецы-мальчики. Один умер. Квартиру Кокчетав не обещал. Зима. Куда ехать с младенцем? В результате Кокчетав дал отступную. Сергей остался в Алма-Ате. Естественно, им было трудно все эти годы. Поэтому мы помогали им ежемесячно денежными переводами.

В 1984 г. Сергей защитил успешно кандидатскую диссертацию в АН КазССР. Работал в Алма-Ате программистом, заведовал отделом в НИИ систем.

После распада СССР, в 1994 г. они переехали в Саратов. Продали 2-х комнатную квартиру в Алма-Ате и купили 2-х комнатную квартиру в Саратове (в «Солнечном»). Сергей стал работать в филиале Тюменской нефтекомпании (ТНК-ВР) в отделе АСУ (Автоматические системы управления).

Жена Сергея, Татьяна, работала учителем-словесником, в научно-технической библиотеке. Сейчас на пенсии.

Когда мы поселились в Энгельсе, наша дочь, Оля, пошла в СШ №1, в десятый (выпускной тогда) класс. Пока мы на работе в Саратове, она одна в Энгельсе. Надо привыкать к новой школе, к новому коллективу. У одноклассников и у учителей обнаружилось настороженное, а иногда и предвзятое, отношение к ней. – Откуда новенькая? – Из Кзыл-Орды. – А это откуда же, из Эфиопии? – Нет, из Казахстана. – И чему там, в Кзыл-Орде какой-то могли её научить? – думали многие учителя.

Но знания у Оли были. И здесь она тоже училась старательно. Отвечала на уроках толково. Это удивляло учителей. Но оценку «5» ставить ей они остерегались. Ставили «4». Экзамены на аттестат зрелости она всё-таки сдала на «5» (комиссия принимала).

Директор школы, вручая аттестаты на выпускном вечере, специально подчеркнул, что его (их) приятно удивила новенькая, Кадькалова Оля, приехавшая из Казахстана.

Но в аттестат выставлялась средняя оценка. И здесь часто получалось «4» (по итогам четвертных оценок). В те годы (это был 1974 г.) при приёме в вуз учитывался средний балл оценок аттестата.

Пришлось Оле снова напрягаться, чтобы преодолеть и это обстоятельство. Мы работали в Саратове 1-й год. В экзаменах приёмных не участвовали. Нас мало кто знал.

Оля сдала вступительные экзамены на филфак на «5» и прошла конкурс. Молодец! И впоследствии она была отличницей. Окончила вуз (Саратовский пединститут) с отличием. А учиться сначала тоже было трудно. Ежедневно надо было вставать около 6 ч. утра, чтобы успеть на первую лекцию. Поэтому со 2 курса и до выпуска она жила в общежитии и лишь в субботу приезжала к нам в Энгельс.

В 1977 г. Оля закончила пединститут и была направлена на работу в СШ № 10 г. Саратова. К этому времени она вышла замуж за Крючкова Владимира, будучи ещё выпускницей. Он на 2 года старше, окончил тот же факультет (филологический), отслужил год в армии, работал в обкоме комсомола. Он не из Саратова, а из села. Теперь перед нами встала проблема квартиры. У нас в Энгельсе квартира однокомнатная,

места нет. Пришлось снимать квартиру. Год жили на квартире.

Оля ждала ребенка. Опять встала проблема квартиры. В это время ректор (Кобзев М.С.) предложил мне должность декана факультета. Я отказался, т.к. мы жили ещё в Энгельсе, а декану надо быть на факультете (особенно на таком большом и сложном по контингенту, как наш) почти постоянно. Ректор предложил выход: пока достраивается наш дом (ЖСК), он дает мне 3 изолированные комнаты в общежитии, в тупике, где нет рядом студенческих комнат, но есть отдельный туалет и даже ванна. Это действительно был выход. В этом случае мы будем жить в двух кварталах от места работы и можем взять к себе Олю с семьёй. И я согласился.

Мы с тревогой думали о том, что надо бы работать над докторскими диссертациями. А жизнь упорно нас не подпускала к ним.

Мы хотели, чтобы дети продолжали учиться. Вот Сергей стал тогда уже аспирантом. А Оля через год декретного отпуска вышла на работу в СШ №10 и 7 лет здесь учительствовала.

Потом проф. Л.И. Баранникова, зав. кафедрой общего и славяно-русского языкознания Саратовского университета, знавшая Олю по докладам на студенческих конференциях, предложила ей (неожиданно для нас) должность декана ФОПа

(факультет общественных профессий) СГУ и полставки ассистента на данной кафедре. (Дело в том, что полставки ассистента на данной кафедре были предусмотрены именно для декана ФОП). Мы посоветовали Оле принять предложение, т.к. это даёт возможность в дальнейшем начать работу над диссертацией.

Действительно вскоре Оля стала диссертанткой у проф. Л.И. Баранниковой и в 1989 г. защитила кандидатскую диссертацию, а в 2000 г. – докторскую диссертацию. Ей было в это время 43 года. Сейчас она профессор, заведует кафедрой, на которую когда-то пришла. Имеет ряд защищенных под её руководством кандидатов и докторов наук.

Володя Крючков вырос, окончил школу в совхозе Сергиевский Саратовской обл., в 40 км от Саратова. Его мама ушла от своего первого мужа с совсем ещё маленьким Володей. А на новом месте жительства, в совхозе Сергиевский, вышла замуж за хорошего человека. Она работала дояркой, а он, Алёшин Николай Степанович, трактористом. Семья сложилась хорошая. Родились ещё двое мальчиков, Виктор и Саша Алёшины, сводные братья Володи. Николай Степанович не делил детей на своих и не своих. Все были равны в семье. Володя называл его только отцом, а не отчимом. Беда случилась другая. В 1979 г. мама,

Анастасия Васильевна, попала под поезд и погибла. А Николай Степанович скончался от рака в 2003 г.

В 1972 г. Володя окончил школу и поступил на филфак Саратовского пединститута. И не случайно. Тяга к литературе в нём была с юности. Много читал и хорошо знал литературу.

Окончив пединститут, 1 год отслужил в армии. После демобилизации его взяли инструктором в обком ВЛКСМ в Саратове. Работал здесь года два. После смерти (1977 г.) писателя Константина Александровича Федина, который родился и вырос в Саратове, на его родине был открыт музей К.А. Федина. Формировался штат работников музея. Мы советовали Володе перейти на работу в музей. И его взяли замдиректора музея по научной работе. А теперь естественно было начать научную работу, причем именно по творчеству К. Федина, т.к. молодой музей собрал богатый материал К. Федина и о Федине. И этот редкий материал оказался под рукой, в музее. В результате Володя написал кандидатскую диссертацию о Федине и защитил её в Свердловском университете (в Саратове тогда ещё не было диссертационного совета по литературе).

После утверждения его диссертации в ВАКе мой бывший коллега по пединституту проф. Ю.С. Воронов, зав кафедрой Саратовской межобластной высшей партшколы, предложил мне посоветовать Володе перейти к нему на кафедру на должность доцента. Это предложение было принято. В 1991 г., после распада

СССР, Высшая партшкола была закрыта. Но в это время доц. Балаева В.И., зав. кафедрой факультета коррекционной педагогики и специальной психологии пединститута, предложила Володе должность доцента на её кафедре. Так он стал доцентом в пединституте. Затем стал заведовать кафедрой русского языка и литературы на этом факультете. В 2007 г. защитил докторскую диссертацию и по-прежнему заведует кафедрой. Он автор многих статей, в том числе в московских журналах и ряда монографий и учебных пособий. А напряженный труд даёт о себе знать. Лет 5 назад перенёс инфаркт.

## ВНУКИ

Внуков у нас трое: сын сына (Юрий, 1980 г.) и дочь и сын дочери (Надя, 1978 г., и Алексей, 1981 г.). Юрий Кадькалов окончил педагогическое отделение мехмата Саратовского университета (СГУ). Но учителем в школе работать не захотел. Работает в строительной бригаде. Алексей Крючков окончил исторический факультет СГУ, затем аспирантуру СГУ. Защитил диссертацию. Он кандидат исторических наук. Преподавал год историю на юридическом факультете СГУ, но потом попал под сокращение. Преподавал историю в Академии права. Но и здесь было сокращение на кафедре (а сейчас кафедра и вовсе закрылась). Затем работал зам. директора по воспитательной работе Института законотворчества Саратовской академии права. И этот институт претерпел большие сокращения. Алексей теперь работает главным редактором журнала «Учитель в школе» (филиал Московского журнала в Саратове).

Наибольших успехов достигла Надя Крючкова. Она человек волевой, целеустремленный, работоспособный. О ней стоит сказать особо.

Она родилась в 1978 г., 12 сентября. Незадолго до этого меня избрали деканом факультета и разрешили переселиться из Энгельса в студобщежитие. Здесь с нами жили наша Оля и Володя. Сюда, в общежитие, мы

и привезли из роддома Олю с Надей. Осень была холодной и сырой. Я купил два обогревателя, т.к. общежитие ещё не отапливалось (в сентябре). Надя была простужена. Участковый врач заохала, поворчала и просила найти интерферон (в ампулах). Но в те годы найти лекарства было трудно. Мне всё-таки помогла директор аптеки ж/д поликлиники. Выходили Надю. Перезимовали мы в общежитии. А летом 1979 г. сдали наш дом (ЖСК), и мы переехали в свою квартиру (3-х комнатную). Блаженство! С нами жили и Оля, Володя, Надя, Алёша.

Между прочим, хорошо, что мы сызмальства приучили Надю к книжкам. Сначала мы ей их читали, а она заслушивалась ими. А потом сама много читала. По-видимому, это занятие («книжное») развивает мышление, характер. Она всегда хорошо училась. Самостоятельно.

В отпускные летние месяцы мы всегда брали её с собой. С нею были в домах отдыха («Отрадное», «Светлана», «Щелково»). С нею мы трижды плавали на комфортабельном 4-х-палубном теплоходе по Волге и Каме. Надя вела дневниковые записи этих путешествий. Эти путешествия были прекрасны. А поначалу они были вынужденными.

В 1986 г. у Милы случился микроинсульт, который, конечно, нас очень напугал. После лечения (2 месяца) врач рекомендовал ей долечиваться на теплоходе, дышать речным воздухом. Тогда-то я и купил путевки

на теплоход «Константин Федин». Условия там были чудесные. Теплоход в целом и каждая каюта кондиционированы. В каюте две комнаты, свой душ, туалет. На теплоходе ресторан, кафе, читальный зал, музыкальный салон, солярий, кино, танцплощадка и т.д.

Иногда теплоход останавливался в красивых местах на «зелёную стоянку» на два-три часа. Люди гуляли, отдыхали, купались, пользовались буфетом.

Путевки были на 21 день. Мы проезжали по всей Волге: Самара – Ульяновск – Казань – Чебоксары – Горький (Нижний Новгород) – Кострома – Ярославль – Кинешма – Плес – Углич – Клинцы – мимо Дубны – Москва, а потом тем же путем обратно – до Казани. За нею уходили в Каму и через Чистополь – Набережные Челны – Елабугу – Чайковский – в Пермь. Затем обратно из Перми до Казани и через Самару – в Саратов. А в другом рейсе мы не поворачивали возле Казани в Каму, а шли в Самару, Саратов и далее – Волгоград – Астрахань и обратно в Саратов. Кормили отлично, в ресторане.

Надо сказать, что в те, советские годы, такой отдых был по силам многим. Во-первых, заводы часто давали такие путёвки своим работникам бесплатно (с нами рядом ехала такая семья). А во-вторых, стоимость путевки была доступна. Я брал две путёвки (взрослых) за 950 р. 50% платил профсоюз, т.е. мне это стоило 425 р. А мы оба, тогда доценты, получали в месяц по 320

рублей, плюс как декан я ещё получал дополнительно 125 р. в месяц. Мы могли купить путёвки. Сейчас – нет. Однажды мы и Олю с Алешкой брали на теплоход (на 10 дней). Естественно, с доплатой.

В каждом городе теплоход стоит часа 4, а нам, туристам, на автобусных экскурсиях показывали город. В Москве мы стояли всегда 2 дня.

Когда отдыхали в доме отдыха «Щелково» (под Москвой), то возили Надю на экскурсию в Абрамцево, где дом-усадьба К.С. Аксакова, в Загорск (ныне Сергиев Посад) и др. места.

Когда Надя училась в 10 классе, она прошла в финальный этап всероссийского конкурса (вместе с ещё 1 девочкой от Саратова) «Мы любим Францию», проходившем в Москве. Этот конкурс на знание французского языка и культуры проводило посольство Франции. Надя заняла третье место.

Когда она училась на 4 курсе Саратовского университета, её и ещё одну студентку послали учиться на второе полугодие во Францию в порядке обмена между университетами.

Перед этим, в первом полугодии, 2 студентки Клермон-Ферранского университета им. Б. Паскаля учились в Саратове. По условиям обмена они должны были жить не в общежитии, а в семье. Поэтому 1-й семестр у нас дома жила Одре Борель. Хорошая, скромная, вежливая девушка. Она прилично владела русским языком. Во 2-м полугодии Надя была во

Франции и жила в семье Одре. Её приняли там очень хорошо.

Поскольку лекции в университете шли на французском языке, Одре предложила Наде записать их на диктофон, чтобы дома переводить. Но это не понадобилось, так как она вполне нормально воспринимала лекции на слух. Надя окончила Саратовский университет с отличием. А параллельно она закончила (с отличием) вечернее отделение по английскому языку факультета иностранных языков Саратовского пединститута. В результате стала владеть французским и английским.

После окончания университета (СГУ) она поступила в аспирантуру (очную). После 2 курса аспирантуры её научно-исследовательский проект получил грант (2 тыс. долларов), и она снова поехала во Францию – теперь в научную командировку для сбора материала по французскому языку, для проведения анкетирования и т.п., т.к. её кандидатская диссертация выполнялась на материале русского и французского языков.

В 2003 г. она закончила аспирантуру СГУ успешной защитой диссертации (научный руководитель – проф. В.Е. Гольдин). Что дальше? И вдруг она говорит нам, что хочет опять поехать в Клермон-Ферранский университет, во Францию, чтобы закончить там факультет и получить диплом этого университета. Она связалась по электронной почте с

деканом того факультета, и он (уже зная её) согласился принять её сразу на выпускной курс. Мы растерялись. Но обдумав всё, решили поддержать её. Так она снова оказалась во Франции на 1 год. Училась отлично. Успешно защитила там дипломную работу, сдала все экзамены и получила диплом с отличием. А до этой поездки в Саратов приезжала комиссия из Франции и принимала экзамен на диплом DALF, который свидетельствует о совершенном владении языком и даёт право работать, учиться во Франции. Надо было набрать нужное количество баллов в четырех частях экзамена. Выдерживали немногие. Надя получила этот диплом.

Возвратившись с дипломом французского университета в Саратов, она стала работать на кафедре английского языка Саратовской Академии права. (Приглашали в СГУ, но здесь предложили вести 6 разных дисциплин, а зарплата намного ниже, чем в Академии права).

Решила сразу начать работу над докторской диссертацией на материале 3-х языков (русского, английского, французского). Проф. Гольдин её поддержал. И мы, конечно, тоже. Поступила в докторантуру СГУ. В срок закончила её и в 2009 г. защитила докторскую диссертацию в возрасте 31 года.

Защита прошла прекрасно. Кроме трех официальных оппонентов, выступали в живой дискуссии ещё 5 докторов наук. Все одобрили

диссертацию. Голосование было единогласным. А затем начались переживания. В течение года ВАК (Высшая аттестационная комиссия в Москве, утверждающая или не утверждающая решения диссертационных советов о присуждении учёной степени) молчал, не давал никакого ответа.

Когда же зам. председателя диссертационного совета СГУ поинтересовалась в ВАКе, почему нет ответа, там сказали, что они решили пригласить автора диссертации, Крючкову Надежду, в ВАК на собеседование. Ей надо приехать в ВАК к 4 октября, 15 час. Пришлось ехать.

Экспертная комиссия ВАКа, проводившая беседу, состояла из 8 человек. Но специалистом по теме диссертации, по лингвистике, был только один – проф. Демьянков Валерий Закиевич. Остальные были искусствоведами, литературоведами. Беседа была странной. Комиссию смущало, что автор докторской диссертации слишком молод (всего 31 год), что между защитой кандидатской диссертации и докторской малый интервал (около 6 лет). Вердикт был таков: ВАК направит диссертацию в один из диссертационных советов Москвы (в какой именно ВАК сообщит автору позже) на дополнительную рецензию.

Расстроенная тем, что профессионального (по теме работы) разговора не состоялось, Надя возвратилась. Наступили опять тревожные дни ожидания. ВАК молчал почти 2 месяца. В конце ноября

пришло сообщение, что Наде нужно прибыть в Москву, в Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) на заседание диссертационного совета 1 декабря, к 15 час.

На этом заседании, в сущности, состоялась повторная защита докторской диссертации с соблюдением всех обязательных процедур. Наде дали вступительное слово, чтобы изложить суть своей работы. Затем она отвечала на вопросы членов совета. Вопросов было 8 (Наде позже дали копию протокола заседания). Ответила уверенно. Затем выступили три профессора, «члены экспертной комиссии РГГУ по диссертации Крючковой Н.В.» (Рахилина Е.В., Янко Т.Е., Крейдлин Г.Е.). Затем выступили в дискуссии проф. Шаронов И.Д., проф. Дыбо В.А., проф. Серебряный С.Д., проф. Подлеская В.И. Все выступившие в целом дали высокую оценку Надиной диссертации. Вот некоторые короткие цитаты из выступлений:

Рахилина Е.В. : «Надежда Владимировна – один из немногих, я бы сказала лучших представителей лингвистической школы изучения языковых концептов».

Янко Т.Е. : «Мне кажется, что работа перед нами ценная. В ней достигнуты интересные результаты в анализе концептов».

Крейдлин Г.Е. : «Сама идея концептообразования и роль референции в нем – это очень важно и заслуживает внимания. Это пионерская работа».

После всех выступлений Надя выступила с заключительным словом, в котором ответила на некоторые замечания и пожелания.

По итогам тайного голосования диссертация Нади была одобрена единогласно, признана соответствующей требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Это была победа! В сущности усомнившийся ВАК был посрамлен.

После этого заключения ВАК через месяц присвоил Наде учёную степень доктора филологических наук.

А попереживать, понервничать нам всем пришлось немало. В тот день, когда она выступила в Москве, в РГГУ, мы с Милой места себе не находили от волнения. И вдруг поздним вечером звонит Надя и сообщает, что её диссертация одобрена единогласно. Понятно, что нашей радости не было предела.

Работает сейчас Надя на лингвистическом отделении в Саратовской юридической академии, на кафедре теории языка и прикладной лингвистики. В 2007 г. она вышла замуж. Её муж, Алексей Гавруков, окончил мехмат СГУ. В настоящее время работает политтехнологом. Недавно они купили квартиру в центре Саратова, т.е. живут самостоятельно. Пока мы довольны ими. Дай бог им здоровья, счастья!



Как у большинства людей, наша с Милой семья разрослась: дети выросли, у них появились свои семьи со своими (т.е. и нашими) родственниками. У Тани (снохи) отец, Виктор Васильевич Токарев, работал водителем, затем строителем (выйдя на пенсию жил на Алтае, в Змеиногорске), мать, Наталья Васильевна, работала в больнице медсестрой (умерла в 1977 году). Живет и работает в Байконуре Танина сестра Оля, Танина племянница Вика с семьей живет там же. У мужа нашей внучки Нади в Саратове живёт мать, Галина Михайловна, работала на заводе в лаборатории, теперь пенсионер. Отец, Юрий Яковлевич Гавруков, работал на заводе главным инженером, скончался год назад (в 2012 г.). Старший брат мужа Нади, Гавруков Сергей, живет с семьей в г. Уфе, работает на северных нефтепромыслах (вахтовым методом).

## НАША НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА

В 2013 г. исполняется 60 лет моей работы (а у Милы – 58) в педагогическом вузе: 20 лет – в Кзыл-Ординском пединституте (Казахстан), остальные – в Саратовском пединституте. С 1967 года – в должности доцента, а с 1997 г. – в должности профессора. Мы всегда работали на одном факультете и даже большей частью на одной кафедре. Как-то так сложилось, что мы учились, работали всегда вместе. Даже диссертации мы защищали в один день, на одном заседании диссертационного совета. И научный руководитель при написании дипломных работ и при написании диссертаций у нас был один: нашими дипломными работами в КазГУ руководил проф. Сайкиев Х.М., а диссертациями в МГУ – проф. Шанский Н.М.

Проблемы, которыми мы интересовались при выполнении дипломных работ и при выполнении диссертаций, были в определенном смысле соотносительными. Моя дипломная работа была посвящена изучению синонимии предлогов в русском языке (*поехал в Сибирь*, но *на Урал*; *для шутки* и *ради шутки* и т.п.), а Мила наблюдала синонимику предложных и беспредложных конструкций (*по дороге – дорогой*; *летел на самолете – летел самолетом*). В диссертациях мы исследовали словообразовательную (суффиксальную) синонимику. Такое постоянное

«вместе» накладывало свой отпечаток на нашу жизнь, на наши отношения.

Конечно, за много лет работы у нас накопилось немало научных трудов: у каждого более 120 опубликованных работ. Порознь и вместе мы написали ряд научных монографий и учебных пособий. Однако прежде чем сказать подробнее, о чём писали мы, что исследовали, надо заметить, что наш старт в научную работу оказался трудным и затяжным. Это объясняется теми условиями жизни и работы, в которых мы оказались в Кзыл-Орде. Одно дело, когда молодой специалист живёт и работает в Саратове, Воронеже, Москве и т.п., где всё рядом: научные библиотеки, консультанты, где, не выезжая, дома можно сдавать кандидатские экзамены, писать и публиковать статьи, писать диссертации. И совершенно другое дело, когда ты живёшь в Кзыл-Орде, где нет рядом ничего из того, что я называл выше, когда всякий раз надо ехать вдаль, в Москву, жить там неделями в гостинице и т.д.

В гостиницу было устроиться трудно: свободных мест обычно не было. Иногда приходилось сутки-двое ночевать на стуле в вестибюле (в ожидании номера). В таких случаях у меня воспалялись глаза (с детства страдал от недолеченного конъюнктивита).

Бывали случаи и посложнее. Однажды ночью Миле стало плохо в гостинице: резкие боли в области живота. Я побежал к дежурной. Она направила меня в другой корпус гостиничного комплекса «Алтай», в

медпункт. В 3 часа ночи я пришёл туда. Двое пожилых заспанных врачей выслушали меня и сказали, что не смогут помочь. Надо утром обратиться в поликлинику (рядом с гостиницей). Дождались утра. Зав. поликлиникой направила со мной гинеколога. Она заподозрила внематочную беременность и обещала прислать медсестру, чтобы сделать укол. Но ещё раньше, по совету врача медпункта, я вызвал платного специалиста из клиники им. Бурденко. Когда пришла сестра и начала готовить всё для укола, приехал доцент Левин по моему вызову. И вовремя приехал. Он попросил сестру подождать с уколом, а после беседы с Милой и осмотра запретил делать укол и сказал, что нужно вызывать скорую, т.к. необходима срочная операция. Дал направление. Скорая отвезла Милу в больницу №50, где сразу осмотрели больную и подтвердили диагноз доцента из клиники им. Бурденко. Вскоре Милу оперировали. Предложили мне нанять ночную сиделку. Это я сделал. Велели кормить поначалу только нежирным куриным бульоном. Но я живу в гостинице. Где сделать такой бульон? Пошёл в ресторан и попросил повара. Сделал. Спасибо. Мила поправлялась.

Но теперь возникла новая трудность. По распоряжению Моссовета проживать в гостинице Москвы можно было не более 1 месяца. Этот месяц истекал числа 20 ноября. Меня пригласила администратор гостиницы и напомнила об истечении

месяца. Я объяснил ситуацию. Она ответила, что для продления срока проживания надо обращаться в Моссовет. Пошёл. Здесь меня направили к чиновнику, который жёстко объявил, что продлить срок он не может. И не видит причины. Меня это поразило. Я сказал: «Представьте себя в моём положении. Как вы оставили бы жену после операции в палате в чужом городе и уехали бы за тысячи километров домой?» Он промолчал. Я сказал, что, если он может решить этот вопрос, то пойду к более высокому чиновнику, вплоть до председателя Моссовета. Я встал, чтобы уйти. Вероятно, такой мой протест подействовал. Он сказал: «Не горячитесь. Договоримся так: вы должны принести мне справку из больницы, что вашей жене необходимо продолжение лечения после операции». Это уже другой разговор. Я тут же поехал в больницу, и хирург, Тамара Николаева Бундикова, помогла получить такую справку. Привёз в Моссовет, и мне продлили срок пребывания в гостинице.

Привёл я этот эпизод, чтобы показать, как нелегко давался нам (по условиям жизни) каждый шаг научного роста.

К сожалению, в такой громадной республике, как Казахстан (17 областей) не проводили межвузовские научные конференции по русской филологии и, следовательно, не издавались сборники по итогам конференций. Во всяком случае, в наш пединститут

никогда не приходили приглашения на такие конференции.

Когда по прошествии лет мы осознали эту ситуацию и стали как-то её преодолевать, то сразу столкнулись с проблемой публикаций. В Кызыл-Орде ничего не издавалось. Следовательно, надо было пробиваться в Москву и, может быть, в Алма-Ату. Но это легко сказать, но очень непросто было осуществить. Кто нас там знает? Кто ждёт?

В действительности так и получилось, что первые наши публикации (уже после нескольких лет работы) появились в Москве – в журналах «Русский язык в школе», «Филологические науки», в Алма-Ате – в «Известиях АН КазССР», в журнале «Русский язык в казахской школе», в сборнике Министерства высшего образования КазССР – «Филологический сборник».

А бытовые условия? Они были тяжёлыми вообще в те годы и в Кызыл-Орде тоже. Я уж не говорю о том, что жили в неблагоустроенных избах, но ведь, кроме того, как трудно было накормить, одеть, обуть хотя бы детей. В магазинах почти пусто. В очередь за хлебом вставали с ночи. Чтобы купить детям сливочного масла, гречневой крупы, лимон, я бегал к поездам и уговаривал повара вагона-ресторана отпустить что-нибудь.

Кзыл-Ординские условия не способствовали нашему научному росту. Всё доставалось нам с

большим трудом и медленно. И всё-таки мы побороли эти трудности и прорвались в самый центр – в МГУ.

Так что мы исследовали? О чём писали? Одним из главных наших научных интересов было русское словообразование. Я уже говорил, что важным стимулом нашей исследовательской работы стала книга О.С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии» (М., 1957).

Один из разделов этой книги она посвятила (в общих чертах) проблеме «фонетического и морфологического варьирования слов и синонимии как пределу такого варьирования». О.С. Ахманова отметила, что в русском языке много случаев, когда одно значение слова закреплено за словами с разным звучанием, разной морфемной структурой, словами, разными в грамматическом отношении. Например, *ноль* – *нуль*, *обух* – *обух*, *монахиня* – *монашка*, *лиса* – *лисица*, *ехида* – *ехидна*, *мелиорационный* – *мелиоративный*, *рельс* – *рельса*, *помчат* – *помчатся*, *слесарить* – *слесарничать*, *абрикосовый* – *абрикосный*, *табурет* – *табуретка*, *очищение* – *очистка*, *щебет* – *щебетание*, *удаль* – *удальство*, *обвенчаться* – *повенчаться*. Что это? Варианты одного слова или разные слова? Каковы условия их функционирования в языке? Ведь язык не терпит дублетности.

В связи с этим рождается проблема словообразовательной синонимии такого типа. Словообразовательные классы (категории) слов

используют для выражения одного типового значения разные аффиксы. Например, в классе существительных со значением отвлечённого качества, состояния «работают» около 20 суффиксов (*смелость*, *красота*, *коварство*, *радушие*, *лиризм*, *теплень*, *гордыня*, *безвкусица* и т.д.). Почему? Какова сфера, зона их использования?

Мы ограничили себя так. Мила взяла для наблюдений в историческом аспекте соотношение и взаимодействие агентивных глаголов деятельности на –ить, –ничать, –ствовать: *слесарить*, *слесарничать*, *ректорствовать* и т.д., а я – имена существительные со значением отвлечённого признака, состояния (*пристрастие* – *пристрастность*, *безвкусице* – *безвкусица*, *коварство* – *коварность*, *полоумие* – *полоумство* и т.п.).

Выше я говорил, как собрав часть материала и описав его, мы поехали в МГУ на консультацию с Ахмановой, как нас прикрепили к кафедре МГУ для сдачи кандидатских экзаменов.

Мы сами предложили темы своих диссертаций кафедре русского языка МГУ. И кафедра утвердила наши темы.

После защиты диссертации мы не оставляли проблем, начатых ранее. Мы их расширяли и углубляли. По этой тематике был опубликован ряд статей в журналах, сборниках Москвы, Алма-Аты, Ужгорода, Тюмени, Калининграда и др., но особенно,

конечно, в изданиях Саратовского пединститута и университета. Были изданы также две монографии, моя и отдельно монография Милы.

Кроме этого направления исследований, мы выполнили ряд работ учебно-методического характера в помощь студентам и учащимся школ при изучении современного русского языка (разных его разделов), истории русского языка, при изучении старославянского языка. Так, в 1984 и 1990 г (2-е издание) в Ленинградском отделении всесоюзного издательства «Просвещение» вышло учебное пособие для педвузов: Л.В. Судавичене, Н.Я. Сердобинцев, Ю.Г. Кадькалов «История русского литературного языка» (320 стр.), одобренное Госкомитетом СССР по народному образованию.

Приблизительно в 1995 г. мы, т.е. деканат нашего факультета и дирекция лицея № 62 г. Саратова, решили создать в лицее специальный филологический класс (10-11 классы) для углублённой филологической подготовки учащихся. Мы (факультет) видели в этом классе базу подготовки будущих абитуриентов для нашего факультета, путь повышения качества набора на I курс.

И эта идея была плодотворной. В филклассе углублённые занятия по русскому и литературе вели профессора и доценты пединститута (Э.П. Кадькалова, В.А. Коробейникова, О.И. Дмитриева, М.И. Ионова и др.).

Результат был блестящий. Уже из первого выпуска филкласса на наш факультет подали заявления 9 человек. 7 из 9 сдали все вступительные экзамены на «5». У двоих было по одной «4». 7 из 9 написали сочинение на «5». Кстати, в экзаменационной приёмной комиссии не было никого из наших преподавателей, работавших в лицее.

Ежегодно мы получали из филкласса 8-9 хорошо подготовленных абитуриентов. А в результате они составили хороший костяк на всех курсах факультета. Некоторые из них впоследствии стали кандидатами филологических наук (Семеновская С., Балашова Е., Волгина Е., Усанкина Ю. и др.).

В связи с созданием филкласса у нас с Милой возникла идея подготовить учебное пособие для лицеистов-филологов. По задумке оно должно было быть не игривым, не занимательным, а весьма серьёзным по научному уровню, но написано по возможности просто, ясно.

Такое пособие мы с Милой написали: «Начальный курс науки о языке», Кн. 1. Общее языкознание, Саратов, 1999 и 2004 (2-е изд.), 200 стр.

Здесь освещены такие важные вопросы, как: Что такое языкознание?, Из истории науки о языке, О структуре современного языкознания, Что такое язык?, Основные функции языка, Язык и коммуникация, Язык и мышление, Национально ли мышление? Язык и картина мира, Язык и речь, Типы языковых структур,

Язык как продукт и свидетель истории, Язык и общество, Язык и письмо и др. Даны вопросы для самопроверки, задания к параграфам.

Книга получила одобрение многих специалистов Москвы, Волгограда, Самары, Саратова и др. Проф. Е.С. Скобликова (Самара), высоко оценив книгу, заметила, что её используют и студенты, и даже аспиранты.

Затем я написал книгу 2-ю «Начальный курс науки о языке» (Саратов, 2005, 1-е изд. И 2011 – 2-е изд., дополненное, 200 стр.). Эта книга освещает основные этапы истории русского языка, его фонетической и грамматической систем. Здесь дан также краткий очерк истории русского литературного языка. В пособии есть вопросы для самопроверки и практические задания к параграфам.

В настоящее время Мила закончила написание книги 3-ей «Начального курса науки о языке» – 350 стр. В нетрадиционной форме книга знакомит читателя со структурой и системой современного русского языка.

В последние годы нас увлекла лингвистическая историография. В 2008 г. мы опубликовали книгу «О научном наследии саратовских лингвистов», Саратов, 2008 г. – 200 стр. Кроме кратких биографических сведений, она содержит достаточно детальный анализ научного творчества видных лингвистов, живших, работавших в разные годы в Саратове.

В книге дан анализ лингвистических взглядов, концепций Н.Г. Чернышевского, акад. А.А. Шахматова, члена-корреспондента АН СССР, проф. Н.Н. Дурново, члена-корр. АН СССР, проф. Г.А. Ильинского, члена-корр. АН СССР, проф. Макса Фасмера, проф. Е.М. Галкиной-Федорук, проф. А.Ф. Ефремова, проф. А.М. Лукьяненко, проф. Н.Я. Сердобинцева, проф. В.С. Юрченко, проф. И.Н. Горелова, проф. Г.Г. Полищук, проф. Л.И. Баранниковой, проф. М.В. Черепанова.

Книга была опубликована накануне 100-летия Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского и вызвала широкий положительный резонанс в лингвистическом сообществе.

Примечателен такой факт. Вскоре после опубликования этой книги в Самарском университете состоялась международная научная лингвистическая конференция. Здесь с книгой познакомился профессор из Берлина Карл Аймермахер, ученик Макса Фасмера и В. Кипарского, и проявил к ней большой интерес. Вскоре он позвонил нам из Берлина и затем прислал несколько писем (по электронной почте). Он писал, в частности: «До вашей книги я сомневался, что Фасмер вообще преподавал в Саратове...», «Ещё раз огромное спасибо за то, что Вы так позаботились о саратовских лингвистах. Я просто удивлён, сколько их было... Замечательная плеяда языковедов в Саратове!».

Проф. К. Аймермахер, в свою очередь, прислал нам интересные материалы, связанные с М. Фасмером.

Он прислал копию заявления М. Фасмера на имя ректора университета г. Тарту (куда переехал Фасмер из Саратова) и копию рекомендательного письма проф. Бодуэна де Куртенэ о Фасмере на имя того же ректора.

Чтобы сделать эти материалы известными читателям, мы опубликовали их (в переводе с немецкого) в одной из своих последующих статей о Фасмере в сб. «Культура и речь Саратовского края», Саратов, 2010.

Вслед за названной книгой мы опубликовали книгу «Из истории русской дериватологии. О научном наследии лингвистов Поволжья (советский период)», Саратов, 2008 – 160 стр. Здесь дан анализ научного творчества таких крупных лингвистов, как В.А. Богородицкий, А.Н. Гвоздев, А.А. Дементьев, Б.Н. Головин, З.А. Потиха, Д.И. Алексеев, М.В. Черепанов, С.П. Лопушанская.

А в 2009 г. вышла в свет наша книга «Из истории науки о русском словообразовании (от М.В. Ломоносова)», Саратов, 2009 – 310 стр. В этой монографии дан анализ основных этапов «эмансипации», а затем и развития науки о русском словообразовании – от М.В. Ломоносова до настоящего времени. Прокомментированы взгляды на словообразование, формообразование, на строевые средства русского словообразования и формообразования М.В. Ломоносова, Л.Г. Якоба, А.Х. Востокова, Н.И. Греча, Г.П. Павского, И.И. Давыдова,

В.Г. Белинского, К.С. Аксакова, И.И. Срезневского, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.А. Шахматова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого, М.М. Покровского, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Н.М. Шанского. Показаны новые направления научного поиска в современной дериватологии.

Ещё раньше, в 2007 г., мы выпустили (порознь) две научные монографии: 1. Ю.Г. Кадькалов «Из истории отвлечённых существительных», Саратов, 2007. 170 стр. Изд-во «Научная книга»; 2. Э.П. Кадькалова «К изучению законов словопроизводства. Агентивные глаголы в русском языке», Саратов, 2007. 214 стр. Изд-во «Научная книга». Первая книга об истории имён существительных на –ие, –ье (*бескорыстие, чистосердечье*) и их соотношении и взаимодействии с отвлечёнными существительными других суффиксальных типов. Вторая – о закономерностях распределения словообразовательных средств – в границах словообразовательной категории на разных срезах истории русского языка.

В декабре 2011 г. опубликована монография Милы «Глубины языковых реалий на экране русского слова. От звука к фонеме, графеме и орфограмме», Саратов, Изд-во Саратовского университета. 80 с. Здесь рассмотрены вопросы о сущности слова, его лингвистическом статусе и познавательной

информативности, о принципах организации звуко-буквенной формы русского слова; показано, как на экране слова отражается диалектическое взаимодействие различных языковых явлений.

В ноябре 2012 г. в журнале «Русский язык в школе», №11 (Москва) опубликована наша совместная большая статья с анализом научного творчества нашего научного руководителя (теперь покойного) Н.М. Шанского в связи с 90-летием дня его рождения.

Надо сказать, что в нашей семье (включая детей и внуков) Мила является главным генератором, стимулятором научной работы. Человек она одарённый, творческий и этими качествами влияет на всех нас, помогает советами, идеями. Она умеет проникнуть в самую суть анализируемых явлений, увидеть глубинные связи их и сделать объективные обобщения.

Неслучайно, например, проф. Юрченко В.С., зав. кафедрой, в предисловии к своей последней монографии «Предложение и слово. Проблема их соотношения в лингвофилософском плане», Саратов, 1997, написал: «Выражаю искреннюю благодарность профессору кафедры русского языка Саратовского пединститута Э.П. Кадькаловой: многолетнее творческое общение с Эмилией Петровной, глубоко и тонко мыслящим лингвистом, было постоянно действующим фактором, стимулировавшим мои научные поиски и размышления».

После кончины проф. В.С. Юрченко в 1998 г. в память о нём, незаурядном теоретике языкознания, Мила подготовила сводную научную монографию Василия Семёновича. У проф. В.С. Юрченко не было такой монографии, а был ряд ротапринтных брошюр («Бог – человек – слово», «Космический синтаксис», «Реальное время и структура языка» и др.) и статьи в журналах, сборниках. Мила собрала его рассыпанные брошюры, статьи в одну большую монографию (360 стр.) из семи глав под общим названием: «В.С. Юрченко. Очерки по философии языка и философии языкознания», Саратов: Изд-во Саратовского пединститута, 2000 г. Монографии она предпослала большую вступительную статью (17 стр.), в которой сформулировала главные положения концепции В.С. Юрченко. Монография получила много хороших отзывов учёных Москвы (Ю.С. Степанов), Челябинска, Ленинграда (В.В. Колесов), Ставрополя, Краснодара, а также Франции (М. Гиро-Вебер) и др. Особую благодарность за эту книгу выразили родственники В.С. Юрченко и коллеги.

Ещё один пример. В 1992 г. отмечалось 100-летие со дня рождения выдающегося лингвиста профессора А.Н. Гвоздева. В Самаре (где он прежде работал) состоялась юбилейная научная конференция. Мила удивила коллег докладом о вкладе А.Н. Гвоздева в науку о русском словообразовании. Дело в том, что проф. А.Н. Гвоздева всегда считали исследователем



местных говоров и литературного языка, специалистом в области грамматики, фонетики, фонологии, стилистики, детской речи, методики преподавания русского языка, но отнюдь не словообразования.

Мила собрала из трудов А.Н. Гвоздева его отдельные замечания о словообразовании и свела их в оригинальную концепцию известного учёного. Вскоре в журнале «Филологические науки» (1993 г., №2) была опубликована её статья «Невостребованная концепция русского словопроизводства». Она была сенсационной. Лингвисты Самары и другие говорили ей: «Вы открыли нам нового Гвоздева, как учёного-дериватолога».

Подобные примеры можно было бы продолжить.

Между прочим почти никто (даже дети) не знает, что у Милы есть и поэтический дар. Никогда специально она не занималась написанием стихов. Лишь иногда незаметно, между делом, как бы украдкой кое-что писала на отдельных листочках. И вот я нашёл их целую стопку. Приведу некоторые:

### *Мост через Волгу*

Мост через Волгу!

В 40 лет ты мнился мне мостом в надежду...

Да, *прежде* я трудней жила...

Но я б хотела в это *прежде*.

В нём было много *впереди*:

Святая дружба и наука...

Ах, знали б вы, какая мука

Понять, что мост мой *позади*.

### *Хроника жизни*

Ребёнком я в семье считалась поздним.

«Последыш, – говорила мать, –

Рожают их на счастье,

Так надо, значит, счастья ждать».

Но счастье, видно, подустало:

К пяти годам – отца не стало.

А к десяти – хоть тяжко вспоминать –

Из пятерых остались я да мать.

Хотела я сказать: «Остались в доме»,

Да где тот дом:

То на детдомовском пароме,

То на приветном чердачке,

То на тележьем облучке,

То в добром, старом сараюшке,

То на полу в грохочущей теплушке.

Всё было то. И всё прошло.

А счастье всё ж меня нашло.

И мать то счастье увидала.

И сыном милым называла.

И на руках тех умирала.

И умирая, завещала нам счастье то растить.

Всё было то. И всё прошло.

А счастье – вот! В ростки пошло.

### *Детям*

Мы не во всём согласны были.

Не всё друг в друге мы смогли понять.

Вы в чём-то нас опередили.

Но что-то важное, боюсь, не оценили.

А мы вам не смогли его отдать,

Ни даже просто преподать.

\*\*\*

Благослови, Господь, людскую скромность:

Она нас малым учит дорожить.

И всё же не она, а неуёмность

Даёт нам силу в этом Мире жить.

Будучи вузовскими преподавателями, мы всегда были заняты проблемами методики преподавания, организации учебного процесса. Меня, как декана факультета, эти проблемы интересовали в широком масштабе. Мы старались найти какие-то новые, более эффективные формы организации учебно-воспитательной работы. По предложению Милы, мы с кафедрами разработали поуровневую модель изучения специальных (в частности, современного русского языка) дисциплин. На 1 курсе был введён авторский (Э.П. Кадькаловой) «Вводный курс современного русского языка» (130 ч.), в котором студенты познакомились со всеми основными понятиями по всем разделам науки о русском языке. На следующих курсах

они последовательно изучали (по разделам) современный русский язык, но на более высоком уровне, чем обычно, отталкиваясь от знаний, уже полученных на 1 курсе. А на 5 курсе предусматривался опять авторский (Э.П. Кадькаловой) «Заключительный курс современного русского языка». Он обобщал все знания, полученные ранее, знакомил с современными проблемами науки о русском языке». Далее госэкзамены.

Для данной модели Э.П. Кадькалова составила развёрнутую программу, которая была одобрена участниками международной научной конференции, состоявшейся в Саратове. Программа опубликована в сборнике по итогам данной конференции («Предложение и слово», Саратов, 1999).

Мила предложила в соответствии с новой моделью «сквозное» чтение курса «Современный русский язык», т.е. когда один преподаватель, принимая студентов на 1 курсе, ведёт их до выпуска. Она начала этот опыт с себя и провела один набор до госэкзамена. Результат был очень хорошим. Её студенты произвели на госэкзамене большое положительное впечатление.

Но эта идея не нашла всё-таки практического продолжения. Во-первых, потому, что некоторые преподаватели, читавшие уже много лет какой-то один раздел (синтаксис или фонетику), не хотели переключаться на все разделы, брать на себя новую большую нагрузку. Во-вторых, некоторые полагали, что

студенту полезно поучиться не только у одного преподавателя. А в-третьих, наступили новые времена (после распада СССР), когда преподаватели вынуждены были подрабатывать в разных местах, и им было не до новых моделей преподавания. Сохранился, однако, «Вводный курс современного русского языка», на 1 курсе в урезанном количестве часов.

Когда в середине 80-х гг. 20 в. министерство ввело обязательную защиту дипломных работ во всех вузах (а прежде в педвузах это не было обязательным), то возникли трудности в выполнении этих работ, т.к. учебным планом педвузов не предусмотрено достаточно времени на дипломные работы. В отличие от университетов. И до сих пор сохраняется, к сожалению, эта разница.

В этих условиях мы пошли на перестройку системы спецсеминаров и спецкурсов.

Они тоже стали сквозными. Даже курсовые работы были пристроены к этой системе. На 2 курсе студент получал тему курсовой работы. Затем на 3 курсе он (при желании) оставался у этого же преподавателя в спецсеминаре и даже в спецкурсе. И на всех этих этапах он разрабатывал, углублял одну и ту же тему. В результате к 5 курсу у него уже была почти готова дипломная работа.

Для повышения профессиональной подготовки будущего учителя мы ввели на 3-4 курсе новую дисциплину (авторский курс Э.П. Кадькаловой)

«Научные основы школьного учебника». Студенты знакомились с разными действующими учебниками по русскому языку и по литературе, с научными основами их построения. В результате студент в основном был готов к работе в школе.

С целью повышения качества набора на заочное отделение факультета мы заключили договоры со всеми (четырьмя) педучилищами области о сотрудничестве. Составили учебный план для углубленной подготовки учащихся педучилищ, который выполнялся с помощью наших преподавателей.

Затем, участвуя в выпускных экзаменах в педучилищах, мы отбирали лучших и без вступительных экзаменов зачисляли их на 1 курс на сокращенный (на 1 год) срок обучения (4,5 года вместо 5,5). В результате у нас резко повысилось качество набора и резко выросла успеваемость на заочном отделении. Были и другие новинки.

В 80-е гг. стал наглядным недостаток докторов наук на факультете, т.к. некоторые из прежних докторов перешли в другие вузы или уехали из Саратова, а некоторые, к сожалению, ушли из жизни.

На одно из заседаний Совета факультета я (как декан и председатель Совета) вынес вопрос «О подготовке кадров высшей квалификации» (т.е. докторов наук). Вопрос вызвал у некоторых членов Совета удивление. Очень уважаемый проф. В.С. Юрченко в начале заседания Совета спросил меня:

– Юрий Григорьевич, мы теперь будем готовить докторов наук по решению Совета факультета? Мне до сих пор казалось, что это личный вопрос каждого преподавателя. Он сам должен решить, хочет ли и может ли подготовить докторскую диссертацию. Вы не согласны со мной?

– В целом вы правы, Василий Семенович, – отвечал я. Думаю, однако, что можно этим процессом управлять. У нас есть немало квалифицированных и даже талантливых и ещё молодых доцентов, которым вполне по силам докторская диссертация. Но они не решаются начать эту работу. А мы могли бы помочь им. Думаю, что на каждой кафедре (у нас было в то время 5 кафедр) можно было бы составить план (очередность) выхода некоторых молодых доцентов в докторантуру. Надо подтолкнуть их к этому. Нужно начать этот процесс. Деканат же и кафедры должны помочь таким доцентам. Надо составить для них удобную учебную нагрузку, помочь в поездках в научные командировки и т.д. Подумать надо, как это всё организовать. И люди пойдут и спасибо скажут нам. И факультет получит новых докторов наук.

Кафедры всё-таки поговорили у себя об этом. Обещали помощь. И что вы думаете? Люди пошли. Даже обиды возникали по поводу очереди выхода в докторантуру. И каков результат? Результат тот, что через несколько лет мы получили из наших доцентов 8 докторов наук. Совсем неплохо.

В середине 90-х гг. началась так называемая интеграция «однопрофильных» вузов, инициированная сверху (из Москвы) и горячо подхваченная Саратовским губернатором Д. Аяцковым. С этого времени пединститут стал чахнуть. Его решили объединить с университетом (СГУ). Начались тяжелые и печальные переговоры двух неравных сторон (ясно ведь, что не СГУ потонет в пединституте, а наоборот). СГУ вел себя, я бы сказал, нагло. Каждый факультет СГУ стремился что-то урвать от умирающего пединститута. В конце концов решили (так велел и губернатор), что одноименные факультеты должны быть объединены. Так в пединституте не стало факультетов химико-биологического, физико-математического, исторического, факультета повышения квалификации учителей. Нависла угроза и над филологическим факультетом.

Для меня ясно, что разгром пединститутов (а он прошёл по всей стране) приведёт к снижению профессионального уровня школьных учителей, к утрате лучших педагогических традиций. На педотделения других вузов (чаще университетов) будут попадать по остаточному принципу те, кто не прошёл конкурсы на основной факультет, т.е. слабые абитуриенты. В результате серость в учительской среде будет расти.

Я до сих пор удивляюсь, как мне (в то время декану) удалось отстоять наш факультет. Должен сказать, что администрация (руководство пединститута) даже не пыталась бороться за пединститут. Я же был убежден (и остаюсь при том же мнении), что эта интеграция была вредна, особенно, конечно, в деле подготовки учительских кадров для области. СГУ готовит физиков, химиков и т.д., но не каждый хороший химик может быть хорошим педагогом, учителем в школе. Учитель – это особая профессия. Она требует специальной не только профильной, но и методической, педагогической подготовки, чего нет и не было в СГУ. В пединституте около 70-80% студентов были из области, а в СГУ – в основном город Саратов. В сельские школы они не поедут. И это далеко не все аргументы того, что пединститут и университет имеют разные цели, что это разные вузы.

Выступая на одном представительном собрании, я сказал, что если интеграция вузов неизбежна, то мы предлагаем объединение Саратовского пединститута с Балашовским пединститутом (сделав его филиалом Саратовского) и с ИПКРО (с Институтом повышения квалификации работников образования). В результате такой интеграции в Саратове можно создать крупный педагогический университет. Укрепить его материальную базу, кадры. Создать в нём исследовательские лаборатории, аспирантуру, открыть диссертационный совет. Словом, можно было бы

создать в Саратове крупный научный и учебный педагогический центр.

Однако у руководства области были другие цели, другое задание сверху, и его надо было выполнять, а не думать об улучшении педобразования.

Я выступил в областной газете со статьей против интеграции. Трижды был на приёме у ректора СГУ проф. Д.И. Трубецкого и оставлял ему свои доводы в письменном виде. Хочу сказать, что говорить с Д.И. Трубецковым мне было легко. Это высокоинтеллигентный, демократичный человек, допускающий полемику, слушающий собеседника.

На одном совещании Д.И. Трубецков объявил о слиянии одноименных факультетов СГУ и пединститута. И вдруг он сделал исключение для филфака пединститута. Он сказал, что это очень крупный факультет, имеющий хорошие традиции, опыт, особенно в заочной форме подготовки учителей. А в СГУ филфак тоже большой факультет. Может быть, будет рационально эти факультеты не сливать в один, а у пединститута усилить, укрупнить заочное отделение, а в СГУ – очное. «Предлагаю двум деканам договориться об этом конкретнее». Я, конечно, был рад хотя бы такому решению. Главное – сохранить факультет. А дальше можно думать о деталях.

Теперь начались переговоры с проф. В.В. Прозоровым, деканом филфака СГУ. Скажу, что на сей раз они были более спокойными и конструктивными,

чем раньше. (Раньше был почти ультиматум: «Вы должны присоединиться к нам. Другого быть не может!»).

Прозоров предложил мне отдать ему 20 мест от набора на I курс очного отделения и взять у СГУ пока 70 мест с заочного отделения, т.е. тогда у нас оставалось на I курсе очного отделения 40 мест (вместо 60-ти), а на заочном оказывалось 110. Чуть позже я понял его план. Он хотел в том году открыть у себя отделение журналистики. Вот для этого и понадобились наши 20 мест. Я принял этот вариант. Повторяю: моя цель состояла прежде всего в том, чтобы сохранить факультет, пусть даже с некоторым сокращением мест очного отделения. И этой цели мы достигли. Но теперь оказалось трудным выполнить план набора на заочное отделение – 110 человек.

Я объехал все 4 педучилища области (Аткарск, Вольск, Энгельс, Саратов). Во всех училищах присутствовал на выпускных экзаменах (у них экзамены раньше, чем приёмные у нас). Отобрал лучших выпускников и предложил им поступать к нам на заочное на льготных условиях, т.е. без вступительных экзаменов и на сокращенный срок обучения (на 1 год короче). В результате план набора был выполнен. А контингент оказался хорошим: это были молодые люди из педучилищ, молодые учителя. Однако надо было срочно составить новый учебный план для сокращенного срока обучения. Составили.

Получилось два отделения – с обучением в 5,5 лет и 4,5 года (для тех, кто из педучилищ). Как сокращали? Некоторые дисциплины педучилища мы перезачли. Например, зачем нам снова давать детскую литературу, если в ПУ они изучали её в количестве часов, большем в два раза, чем в плане пединститута. То же самое и по истории отечества и некоторым другим дисциплинам. Словом, выжили, вывернулись.

Через год появились новые трудности. План набора на очное отделение нам сократили до 34 человек. При этом я узнал об этом только из выступления на Совете СГУ председателя приёмной комиссии. Я выступил на этом Совете. Сказал, что это план на удушение нашего факультета, так как 34 человека – это не 2 группы и не 1, а полторы. К выпуску останется 1 группа. А кому нужен будет факультет при одной группе на курсе?

Проректор СГУ на меня обиделась (проф. Муштакова С.П.). Но предложила зайти к ней на другой день. Зашёл. В результате нам дали план в 38 человек с обещанием, что в ходе вступительных экзаменов прибавят ещё два места.

Факультет нам удалось отстоять ещё по одной маленькой причине. Правительство области велело слить одноименные факультеты. В этих условиях мы пошли на маленький обман областных чиновников. Мы решили переименоваться, чтобы отличаться от филфака СГУ.

На одном из заседаний Совета СГУ (я был членом Совета) ко мне подбежал директор пединститута (Г.В. Бондаренко) и взволнованно попросил:

– Юрий Григорьевич, сейчас на Совете будут утверждать новое название вашего факультета. Я тебя прошу: ты только не выступай, не возражай. Пусть хоть как назовут, только чтобы факультет остался.

– А как нас хотят назвать? – спросил я.

– Факультет дидактики филологии, - ответил он.

Немая сцена.

В перерыве заседания Совета (нужно было провести голосование тайное по выборам на вакансии) я стоял в очереди к столу за получением бюллетеня для голосования. Вдруг рядом ко мне пристраивается ректор СГУ Д.И. Трубецков, тоже за бюллетенем. Здравоваемся. И я спрашиваю:

– Дмитрий Иванович, а за что Вы хотите так обозвать наш факультет?

– Как это?

– Ну что за абракадабра: факультет дидактики филологии? Кто в области поймёт, что это такое? Родители даже не отпустят свое дитя на такой ужасный факультет.

– Но не я же это придумал. Это наши филологи предложили.

– Дмитрий Иванович, бездушные ваши филологи. Нельзя так называть факультет.

Снова возобновилось заседание Совета. Но вопроса о переименовании нас не оказалось в повестке. Видимо, Д.И. Трубецков всё-таки прислушался. После Совета я сразу подбежал к нашему директору (Г.В. Бондаренко) и сказал:

– Надо завтра-послезавтра собрать наш Совет (пединститута) и нашим решением предложить Трубецкову свой вариант названия.

Г.В. Бондаренко согласился.

Дома мы с Милой посоветовались и решили предложить такое название – «Факультет русской словесности» (у Чехова есть рассказ об учителе русской словесности). Факультет и Совет института поддержали это название.

С этим названием факультет жил до конца 2011 г., т.е. лет 15.

В ноябре 2011 г. ректорат и Совет СГУ всё-таки приняли решение об упразднении пединститута как одной из структур СГУ. Факультета русской словесности тоже не стало. Он стал педагогическим отделением Института филологии и журналистики СГУ. План набора на это отделение в 2012 г. – 15 человек (т.е. 15 бюджетных мест).

Перед закрытием факультет русской словесности представлял собой весьма солидную структуру по кадровому потенциалу. Все 4 кафедры были укомплектованы только специалистами с учёными степенями. Здесь работали 12 профессоров, остальные

кандидаты наук, доценты. До интеграции с СГУ на нашем факультете был самостоятельный диссертационный совет. Здесь принимались защиты кандидатских диссертаций по лингвистике и литературоведению. В начале интеграции Совет был закрыт.

В Саратове мы познакомились со многими интересными коллегами в пединституте и в университете, филологами и нефилологами. Назову следующих: профессора – В.С. Юрченко, М.В. Черепанов, Е.М. Мандель, А.А. Демченко, Т.Д. Белова, В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина, М.Б. Борисова, Л.И. Баранникова, В.В. Прозоров, Г.Г. Полищук, М.А. Кормилицына, Ю.Н. Борисов, Л.Е. Герасимова, Н.Я. Сердобинцев, Л.В. Балашова, О.И. Дмитриева, С.В. Андреева, А.П. Романенко, Н.В. Мокина, А. Фокеев, О.В. Мякшева, Н.М. Орлова; доценты – Т.И. Мурзаева, Л.Я. Паклина, В.А. Коробейникова, З.С. Санджи-Гаряева, Л.А. Посадская, Е.И. Куликова, П.А. Щёкотов, В.Ф. Ильина, О.Ю. Авдевнина, Л.К. Филиппов, В.В. Смирнова, М.Ф. Зайнетидинов, К.М. Зайнетдинова, Л.В. Зимина, Р.А. Егорова; ректоры пединститута – М.С. Кобзев, Г.В. Бондаренко, И.Р. Плева; проректоры – Михайловская, А.Н. Сербин, Зиновьев П.М., Савельев Н.С., Н.Г. Трушкина; деканы – В.И. Кляев, В.А. Фортунатов, Н.А. Удовиченко, Р.З. Назарова, И.Э. Рахимбаева, Т.А. Морозова, А.П. Мякшев.

Начиная с 1986 г. стало существенно сдавать здоровье Милы. В этом году она пережила микроинсульт. 2 месяца пролежала в двух больницах. После лечения снова работала на полной ставке. А в 2003 г., в ночь со 2-го на 3-е декабря, она потеряла сознание. Врачи скорой сделали дома у нас несколько кардиограмм и сказали, что срочно нужно госпитализировать в ближайшую больницу, т.к. у неё теряется пульс, т.е. пульс составлял 12 ударов в минуту вместо 60-80 ударов в норме.

В час ночи повезли в реанимацию 1-й горбольницы. На мой тревожный вопрос о состоянии Милы врач-реаниматолог ответил, что никаких гарантий при таком её состоянии он дать не может. Надо, дескать, дожидаться утра, когда что-то прояснится и консилиум примет решение.

Остаться в больнице до утра мне не разрешили. И мы с зятем (Володей Крючковым) и с дочкой Олей пошли домой пешком; такси не было. Около 3-х часов ночи я вернулся домой. На кресле лежал её халатик, платье, рядом тапочки... Помню жуткое, страшное состояние, охватившее меня. Крайняя тревога. О сне и думать было нечего. И я стал стирать её некоторые вещи, чтобы потом повезти в больницу. Дверь реанимации была открыта, и Мила, услышав мой голос, позвала меня. Я вошёл и увидел, что ей лучше. Она сказала, что врачи нашли у неё глубокий и обширный



инфаркт. Заметив мой испуг, добавила: «Ты не волнуйся. Это лечится».

Через месяц её выписали, но состояние всё-таки было неважное. В конце января её опять положили в кардиологическое отделение облбольницы (в Смирновское ущелье). Предлагали поставить кардиостимулятор, но она не соглашалась (хотя я уговаривал её согласиться). В мае (2004 г.) снова стал падать пульс: 40-35-30 ударов в минуту. 18 июля 2004 г. опять потеряла сознание и попала в ту же реанимацию. Врачи сказали, что обязательно нужна операция по установке кардиостимулятора. Но в больнице стимуляторов сейчас нет. Нужно мне самому его купить. Они могут дать только адрес фирмы московской, где можно заказать стимулятор. Так и сделали. Стимулятор прислали быстро. Стоил он тогда 48 тыс. рублей. Аппарат был немецкий. Операция прошла благополучно 25 августа 2004 г. При проверке работы стимулятора зимой 2011 г. обнаружили, что он уже угасает и его нужно заменить новым. 23 ноября 2011 г. поставили новый стимулятор. Работу пришлось оставить. Она ушла с кафедры. Перестала ездить на лекции. Но дома (по возможности) работает: читает, пишет. Сейчас у неё в работе 2 монографии. Образ жизни в основном тот же.

Мой конкурсный срок работы заканчивается летом 2013 г. Поэтому я пока работаю на 0,25 ставки

профессора. А летом 2013 г. уйду с работы совсем. Хватит. Мне будет 82 года и 60 лет работы в вузе.

Многолетний наш трудовой путь не остался незамеченным. Мы оба награждены медалями «За доблестный труд», у Милы ещё «Почётная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации», у меня знаки: «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», «Отличник просвещения РСФСР», «Отличник просвещения Узбекской ССР». Имели ряд внутривузовских и городских грамот.

